маша храмкова
НОМАД
Animedia
ЕСТЬ СОТНИ МИРОВ, ПОДОБНЫХ НАШЕМУ,
И ТЫСЯЧИ — АБСОЛЮТНО ИНЫХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Два андроида отбывают наказание на богом забытой планете. Когда-то они были людьми, но теперь всё, что у них осталось – это воспоминания о жизни в человеческом теле. Правда, есть у них и ещё кое-что – случайно попавший им в руки НОМАД – устройство, позволяющее путешествовать между мирами. Красный коридор – зловещие и опасные миры, оранжевый – нелепые и странные. Зелёный – миры вроде нашего с вами. Путешественники могут выбрать любой, но самое главное – ни в коем случае не нарушать запреты!

- Маша Храмкова
  -
  - Глава 0
  - Часть первая. Писатель
    - Глава 1. Ян Монастырский
    - Глава 2. Марк Гугения
    - Глава 3. Анлаф Прозак
    - Глава 4. Варны
    - Глава 5. Мир Бездны
    - Глава 6. Инактиватор
  - Часть вторая. Тестировщица
    - Глава 7. Лин Чжин Хо из пробирки
    - Глава 8. Вирус
    - Глава 9. Человек с железным лицом
    - Глава 10. Харпер дзета-8
    - Глава 11. Максима
    - Глава 12. Энигма
  - Часть третья. Твари из пустоши
    - Глава 13. Амбассадоры
    - Глава 14. Кочевники
    - Глава 15. Нулевая станция
- notes
  - 1
  - 2

Маша Храмкова
Номад
Фантастический роман

Победитель литературного конкурса «Новый старт»

© Маша Храмкова, 2019
© Издание, оформление. Animedia Company, 2019

⁂

Глава 0

Два андроида сидели на большом круглом камне. Он был тёплым, но не горячим – до того, как солнце окажется в зените и работать на поверхности будет невозможно, оставалось ещё четыре часа.

Пока можно и отдохнуть.

– Смотри, какая штука, – сказал молодой человек и подкинул вверх небольшой шар, покрытый некогда белой кожей. Он приземлился в руку так легко и естественно, словно был создан для этого.

– Ого, где ты берёшь такие? – удивилась его напарница, рассматривая причудливый красный шов на поверхности шара.

– Не знаю. – Он задумался. – Просто попадаются… среди мусора.

Мусор был неотъемлемой частью их существования. На этой планете он был повсюду: за много лет до гибели цивилизации обитатели основательно загадили свои города, природу, моря и океаны. Сейчас это было уже неважно: планета официально считалась погибшей, и только мусорщики каждый день спускались на поверхность, чтобы искать среди хлама и пыли ценные соединения.

– Как же это так получается? Ты здесь всего три месяца, а я за восемь лет не нашла ни одной интересной… как ты сказал… «штуки»? – Мусорщица прищурилась, и её радужка засияла голубым светом.

Андроид улыбнулся.

– Ты жила во времена, когда материальный мир уже перестал быть ценным, – пояснил он. – У нас всё было иначе. Деньги, машины, всякие цацки. Мы были коллекционерами.

– *Они* были коллекционерами. – Его напарница постучала по камню, подразумевая погибшую цивилизацию. Она взглянула вдаль, где до самого горизонта высились горы мусора, собранные роботами-грузчиками. Эти помойки росли из земли, словно муравейники, разбавляя картину выжженной солнцем пустоши. Ну ничего, совсем скоро этот дистрикт будет сожжён, и всё то, что мусорщики не сочли ценным, превратится в пыль.

– Однажды мы очистим эту планету, – сказал андроид, сжимая в узкой четырехпалой ладони мячик для гольфа. В голосе ТиТ-5 сквозило сожаление: он тосковал по своему миру и прежней жизни, которую у него так несправедливо отняли.

ТиТ-5 и РУТ-81 были человекоподобными андроидами-мусорщиками. Их полуорганические тела идеально подходили для работы: длинные руки и сильные ноги, синтетическая кожа, способная выдерживать резкие перепады температур, высокочувствительные линзы и многое другое. И только мозг был живым – нет, вовсе не для насмешки над преступниками, отбывающими пожизненное наказание. Считалось, что, имея разум, андроиды работают эффективнее.

– ТиТ-5, скажи, в той жизни у тебя было имя? – спросила РУТ-81.

– Да, и имя, и фамилия, – кивнул тот. – И даже отчество. Но это всё неважно. Главное, что у меня было призвание.

– Призвание? – переспросила РУТ-81.

– То, что даёт жизни смысл. Твоё дело, – после недолгой паузы произнёс ТиТ-5. – Когда-то я был писателем.

Здесь, в колонии варнов, все андроиды были одинаковыми: для работы мусорщика не было необходимости в отличиях по внешности или полу. Но по сути все они отличались, ведь каждый из преступников вышел из своего самобытного мира. Иногда ТиТ-5 и РУТ-81 не понимали друг друга, ведь между их мирами была бездна в несколько сотен лет эволюции.

И всё же когда-то они оба были людьми.

– Можно я буду звать тебя Писателем? – поинтересовалась РУТ-81.

– Для меня это будет большая честь. – Синтетический рот андроида растянулся в грустной улыбке. Даже при жизни он не всегда удостаивался такой чести.

Обеденный перерыв мусорщиков, отведённый на то, чтобы выпить энергопунша и проверить исправность всех систем, давно подошёл к концу. Но андроидам не хотелось приниматься за работу – никуда эти кучи мусора не денутся, а сидеть на тёплом камне и разговаривать было единственным доступным для них удовольствием.

– Расскажи мне о своём мире, – попросила РУТ-81.

Они стали напарниками недавно. До этого мусорщица работала с немногословным парнем под номером XeD-11, но он был списан в утиль по истечении срока эксплуатации. Об этом не принято было горевать: после того как жизнь мусорщика в колонии заканчивается, его разум отправляется в один из обитаемых миров. Разумеется, с запретом межпространственных путешествий.

– Это будет долгая история, – предупредил ТиТ-5 и устроился поудобнее.

Он любил рассказывать, а его напарница обожала слушать.

Можно было сказать, что они нашли друг друга, пусть даже здесь, на всеми забытой колонизированной планете для ссыльных преступников.

– Люблю долгие истории, – сказала РУТ-81, и её глаза загорелись неподдельным любопытством.

ТиТ-5 усмехнулся и на секунду прикрыл глаза. О да. Он должен поведать кому-то о своём прошлом. Чтобы не сойти с ума. Чтобы ещё раз вспомнить, как замечательно всё начиналось и как глупо закончилось. Чтобы не забыть о том, что когда-то он и вправду жил.

– Всё началось три года назад…

Часть первая. Писатель

Глава 1. Ян Монастырский

Земля-1, 2015 год, Вологдинск

Всё началось три года назад. Как сейчас помню: я стою в книжном магазине, листаю одну книгу за другой, вдыхаю запах свежей краски и представляю, что это мои книги выставлены здесь. Новенькие, красивые, раскрывающиеся с тем самым неповторимым шелестом, который бывает только у новых, ещё не затасканных изданий. А на обложках моё имя: Ян Викторович Монастырский. Не псевдоним, надо сказать. Кто-то считал, что фамилия Монастырский, особенно в сочетании с редким именем Ян, звучит слишком пафосно, но имя – это единственное, что мне всегда в себе нравилось.

Я был писателем… Хотя кого я обманываю. Я отчаянно пытался быть им. Год назад, окончив универ, я бросил все свои силы, время и сбережения на то, чтобы пробиться в этот закрытый клуб успешных авторов. Я поднял свой сайт на Рустернете и ежедневно выкладывал туда свои рассказы и повести. Написал несколько книг и разослал во все известные издательства, вёл блоги в социальных сетях и осмеливался спорить с самыми что ни на есть гуру литературы. И, конечно, везде гордо оставлял свою подпись: «С уважением, писатель Ян Монастырский».

Но слава всё не приходила.

Издательства молчали, и только из одного пришёл честный ответ, что молодым писателям сейчас сложно пробиться из-за конкуренции на рынке. Дальше шло пожелание удачи в начинаниях.

Я знал, что мне нужна была *особенная* книга. Не стыренная у кого-то идея, не переиначенный исторический сюжет, который у всех на слуху, а нечто новое. Беспрецедентное. То, что разобьёт в пух и прах конкурентов и заставит издательства бороться за то, чтобы печатать меня.

Каждую неделю я придумывал новый грандиозный сюжет, но стоило мне рассказать его друзьям, как кто-то обязательно говорил: «А, ну это как в том фильме…» Обычно это разбивало мне сердце, и ещё несколько дней я не мог писать, пока, наконец, не ловил за хвост новую идею.

Сюжет для книги стал моим наваждением. Я вставал и

ложился с фразой: «А что, если?..» и кидался к блокноту с ручкой каждый раз, когда в голову приходило что-то стоящее. Я метался от жанра к жанру. Вчера я хотел писать про Средневековье, а сегодня про галактический флот, потому что вдруг понимал, что ничего не смыслю в истории Средних веков.

Однажды мой приятель сказал: «Чувак, остынь, всё гениальное уже придумано». Поначалу я не понял смысла этой фразы, но постепенно до меня начало доходить, что так оно и есть: всё, о чём можно было рассказать в книгах, уже рассказано. Осознать это было так же ужасно, как понять, что до тебя кто-то уже прожил твою жизнь. Так круто и ярко, как тебе и не снилось, и всё, что ты можешь, – это пытаться повторить его былой успех.

Я и вправду остыл. Решил взять перерыв. Взялся за написание статей на заказ, а свободное время полностью посвятил самообразованию. Я читал, ходил в кино и музеи, встречался с друзьями и даже купил абонемент в спортзал – загружал свой мозг чем угодно, лишь бы избавить его от поисков идеи. Если бы сейчас меня попросили охарактеризовать тот период, я назвал бы его «временем для пирога». Пойти и съесть пирог, думая лишь о пироге… И всё. Никаких посторонних мыслей.

⁂

В то лето в Ростовии проходило много открытых конференций: «Как стать предпринимателем», «Как построить загородный дом», «Актуальные проблемы теории искусства». Думаете, это скучно? В большинстве своём так и есть, но я ходил туда, чтобы разгрузить свой мозг. Не думать о книге. А ещё для того, чтобы почувствовать себя среди образованных людей. Я даже избавился от джинсового стиля и купил пиджак, чтобы соответствовать. Мне казалось, что если я впихну своё тельце в шкуру успешного человека, внутри меня тоже произойдут перемены.

Целых две недели я ждал встречи с писателем Лиственниковым. Я не читал его книг, да и вообще не слышал о нём, но сама фраза «встреча с писателем» приводила меня в неописуемый восторг. К тому же господин Лиственников, с улыбкой взирающий с афиш, чем-то напоминал музыканта Бориса Клевенщикова, того самого, из группы «Аэростат», и мне хотелось думать, что он тоже пишет о путешествиях, медитациях и поисках себя.

Собираясь на встречу, я представлял, как после лекции, когда толпа читателей рассосётся, я подойду к его столу, куплю одну из книг и попрошу подписать. А затем спрошу что-то вроде: «Где

взять вдохновение?», и он обязательно даст мне совет. Или хотя бы пинок под зад. О том, что Листвинову может не быть до меня дела, я как-то не думал.

Я хорошо помню тот августовский денёк, навсегда изменивший мою жизнь. Летние каникулы подходили к концу, и школа, в которой планировалась встреча, была торжественно вычищена и приведена в полную боевую готовность. В коридорах было тихо, прохладно и непривычно пусто, но это почему-то не смутило меня – я уверенно шагал к спортивному залу и ловил своё отражение в надраенных до скрипа стеклах.

«Конференция по инновационным технологиям» – именно так было написано на листе А4.

Не понял. Я что, ошибся местом, временем, датой?

Осторожно приоткрыв дверь, я увидел большой спортивный зал. В нём было бы совсем мрачно, если бы не свет, проникающий через сетку на окнах. В нашей школе была такая же – отлично защищала от попадания мячей. В дальнем углу стояло несколько столов, а вокруг них расположилась группа молодых людей.

– Простите, – начал я, но мой голос сорвался. Должно быть, от волнения.

Я сделал несколько шагов вперёд и повторил попытку.

– Простите, здесь встреча с писателем Листвиновым? – громко спросил я, и несколько человек обернулось.

– Идите сюда. – Высокая девушка помахала мне.

По мере приближения мне стало ясно, что никого даже отдалённо напоминающего Листвинова здесь не было.

– Мы приносим свои извинения. – Девушка участливо заглянула мне в глаза. – Май Листвинов перепутал даты лекции и улетел в Перу.

– В Перу, ясно, – тупо повторил я.

Я хотел было расстроиться и даже обидеться, что меня никто не предупредил (а должен был?), но молодые люди вызывали странное расположение к себе. Их лица были открытыми и доброжелательными и словно говорили: «Останьтесь, ну пожалуйста! Мы сделаем вам интересно».

На столах стояли наполовину раскрытые коробки, бумажные стаканчики с кофе, лежали блокноты и бейсболки в подарок. На секунду я почувствовал себя на дне открытых дверей, куда обычно приходят с новыми надеждами, и на душе потеплело.

– Ну что ж, расскажите о ваших… хм-м… технологиях, – со вздохом (больше показным) сказал я.

– Мы представляем устройство под названием «НОМАД»[1] – нейронный оптимизированный модуль астрального движения, – сказала другая девушка, во внешности которой было что-то

итальянское. – Даня!

Молодой человек в клетчатой хипстерской рубашке передал ей нераспечатанную коробку, и девушка ловко вскрыла её при помощи канцелярского ножа. У неё были тонкие сильные руки с выступающими венами. На коробке я успел мельком заметить логотип «ОО “Сансара”» – странное название для организации.

Внутри, в куче белой упаковочной бумаги, лежало небольшое овальное устройство, напоминающее смартфон, – такие как раз недавно начали входить в моду. На панели было три кнопки и небольшой дисплей. В целом устройство хоть и выглядело просто, производило впечатление реквизита из какого-нибудь фантастического фильма.

– «НОМАД» – экспериментальный прибор, созданный группой студентов-физиков с целью исследования электромагнитных волн головного мозга, – рассказывала «итальянка». – Как известно, существует пять различных частот, на которых может работать наш мозг. Поначалу «НОМАД» задумывался как устройство, позволяющее управлять мозговыми волнами, чтобы достичь более эффективного…

Так. Всё понятно. Точнее, ничего не понятно. Должно быть, в эту минуту в моём мозге врубились частоты, отвечающие за сонливость, поскольку я был близок к тому, чтобы начать зевать.

– Любопытным фактом стало то, что прибор мог продлевать состояние так называемой тета-медитации…

Надо же, ещё и медитация подключилась. Краем глаза я покосился в сторону выхода.

– …побочным эффектом которой стали межпространственные путешествия человеческого сознания.

– Простите, что? – В этот момент меня словно ударило током.

Девушка с жилистыми руками слово в слово повторила последнее предложение. Нет, фраза «межпространственные путешествия» мне не послышалась.

– Вы серьёзно? – Я удивлённо вскинул брови, и молодые люди за столом переглянулись. – Вы хотите сказать, что эта штука (я с трудом удержался от слова «хреновина») позволяет путешествовать между мирами?

Девушка смутилась, и инициативу тотчас же подхватил парень с бородкой и модной стрижкой. Он выглядел старше всех остальных; навскидку я бы дал ему лет двадцать пять.

– Спасибо за теорию, Карина, – сказал он и подмигнул девушке. – Речь идёт не о физических путешествиях, а о ментальных. Другими словами, «НОМАД» позволяет вашему сознанию переместиться в тело вашего воплощения в другой вселенной, коих бесчисленное множество.

С детства у меня была хорошая фантазия. Я много читал и знал, что такое воплощения, реинкарнация, выход в астрал и прочее, но то, о чём говорили эти ребята, просто не укладывалось в мою картину мира.

– Если это устройство такое крутое, почему вы сидите здесь, а не в каком-нибудь Генополе? – спросил я, решив вывести их на чистую воду.

– Никто не верит в наше изобретение, – подал голос Даня. – В университете нам запретили тестировать «НОМАД» на людях, и тогда каждый из нас испытал его на свой страх и риск.

Молодые люди обменялись понимающими взглядами.

– Мы здесь для того чтобы дать человечеству новую технологию, – продолжал Даня. – Возможность узнать нечто большее о самих себе.

В этот момент в зал вошли ещё двое – должно быть, тоже на лекцию Листвинова.

– Всё это звучит очень красиво, правда, – сказал я. – Надеюсь, что у вас всё получится, ребята.

Да, я был писателем, демиургом, но кто, как не писатель, может провести границу между реальностью и вымыслом? Рациональное зерно внутри меня не позволяло просто так взять и поверить во весь этот бред про другие миры. Хотя, если честно, мне очень хотелось поверить.

Развернувшись, я направился к выходу, ощущая неприятную смесь обиды и жалости к себе. В какой-то момент я вообще забыл, зачем пришёл сюда. Вдруг тот самый парень с бородкой громко произнёс мне в спину:

– Всё понятно. Вы выглядите молодым, но в душе вы слишком стары, чтобы быть мечтателем. Первооткрывателем. Не свидетелем, а создателем своей жизни.

«Создателем своей жизни», – именно об этом я думал в последнее время.

Я остановился и медленно обернулся. Молодой человек смотрел на меня, а Карина уже обрабатывала новых посетителей, вполголоса рассказывая им о другом устройстве, записывающем сновидения.

«Это последний шанс, – вдруг пронеслась в моей голове странная и как будто бы даже посторонняя мысль. – Дважды они предлагать не будут».

– Ладно, допустим, – решительно сказал я, возвращаясь к столу. – Допустим, что этот «НОМАД» что-то может. Что дальше?

– Возьмите его в аренду. На сутки. – Парень с бородкой вытащил новую нераспечатанную коробку. – Если «НОМАД» не удивит вас – мы вернём деньги за потраченное время.

Я усмехнулся: сразу понятно, кто в их команде был учёным, а кто продавцом.

– Хорошо. Вы сами напросились, – кивнул я, решив, что лишние деньги мне точно не помешают. Если, конечно, не удастся и впрямь пережить некий трансцендентный опыт.

– Вот и замечательно. Кстати, меня зовут Артём. Артём Лиственов. – Молодой человек протянул мне руку.

Вот оно как.

– Так, значит, писатель Лиственов… – начал я.

– Да, Май Лиственов – мой отец. – Артём как-то странно подмигнул мне и принялся аккуратно распаковывать коробку.

Мне хотелось спросить про его отчество, но я чувствовал, что это сейчас неуместно.

– Маевич, – сказал молодой человек абсолютно будничным тоном, словно я всё же решился озвучить свой вопрос.

– А вы что, и мысли читаете? – поинтересовался я.

– Нет, просто этот вопрос мне задают чаще всего. – Артём Маевич улыбнулся и осторожно достал из вороха белой упаковочной бумаги устройство.

– Сейчас проверим, – сказал он и вставил в него аккумулятор.

Сказать по правде, я не верил, что этот прибор сможет меня удивить. Телефон с тремя кнопками – как он может перенести моё сознание в иное измерение? Но когда Артём достал из коробки маленький датчик, всё стало гораздо интереснее.

– Нейромодуль крепится на висок, – пояснил молодой человек. – Он помогает установить связь между сознанием и «НОМАДом».

Беспроводные устройства нечасто встретишь в магазинах, а уж тем более в провинциальном Вологдинске. Артём Маевич нажал на центральную кнопку прибора, и датчик моргнул зелёным глазком.

– Давайте представим, что я решил купить его, – сказал я, проводя пальцем по гладкой поверхности устройства. – Сколько стоит ваша технология?

Артём улыбнулся, и я ожидал, что сейчас он назовёт сумму с несколькими нулями или ещё хуже – напишет на бумажке, как в кино.

– Мы продадим его за столько, за сколько вы посчитаете нужным, – сказал молодой человек.

Больше всего я не любил такие ответы. То есть ты можешь, конечно, заплатить пятьсот рублей, но тогда на тебя будут смотреть косо. И непонятно, сколько нужно на самом деле: две тысячи, три, сто тысяч?

Я хотел было воспротивиться, но Артём Маевич добродушно

замахал руками.

– Не будем сейчас об этом, ладно? Придёте домой, соберётесь с мыслями, опробуете «НОМАД» в привычной обстановке, а завтра мы обсудим все условия покупки.

– Я ещё не сказал, что куплю его, – заметил я, но молодой человек бегло взглянул на часы, словно куда-то торопился.

– Девушки расскажут вам, как им пользоваться… Но вначале нужно подписать вот здесь. – Артём Листвинов подвинул ко мне листок формата А4. Я быстро пробежал глазами по тексту. Ага, кажется, мне подсунули договор.

«С инструкцией ознакомлен, всю ответственность за жизнь, здоровье и безопасность свою и своих воплощений при работе с устройством беру на себя» – гласила финальная строчка, и, если честно, она заставила меня немного напрячься.

– Но я ещё не ознакомлен…

– У нас как в «Алисе в Стране чудес» – вначале делим торт, затем режем. – Артём вновь подмигнул мне. – Это просто формальность, уверяю вас.

Я пожал плечами и подписал бумагу: вряд ли этот прибор способен мне навредить. Потом, подумав немного, достал из кармана свою писательскую визитку и протянул Листвинову-младшему. Когда-то давно я заказал их слишком много, две тысячи штук, поэтому и раздавал без всякой жалости.

– Здесь мой телефон. На всякий случай, – сказал я, не очень представляя, что это за «всякий случай».

– Прошу, Ян Викторович, присаживайтесь. – Артём Маевич указал на стул. – Оля вам всё расскажет.

⁂

Итак, я взял его в аренду.

Ни портфеля, ни даже полиэтиленового пакета у меня не было, и я гордо нёс белую коробку в руках.

Уже возле автобусной остановки я вдруг сообразил, что на улице темно.

Как же это так получается? Я взглянул на подсвеченный циферблат и изумился – оказывается, я провёл в школе целых четыре часа!

Подошёл полупустой автобус, и я занял дальнее место у окна. Через минуту понял, что сел на противоположной стороне и, чтобы попасть домой, мне теперь придётся объехать целый город. Ну и чёрт с ним.

«Будет время всё обдумать».

А обдумать и вправду было что. Если я правильно понял девушку Олю, «НОМАД» работал довольно просто. Он вводил мозг в состояние глубокой медитации, во время которого наша личность переставала быть привязанной к телу. Иными словами, при желании мы могли путешествовать в другие вселенные, коих, если верить создателям устройства, было бесконечное множество.

Я вынул из кармана листок, сложенный вдвое. На нём Ольга набросала для меня схематичную модель мира, точнее, миров. В центре была жирная точка, подписанная как Земля-1 – это был наш мир, привычный, местами скучный, но всё же родной и безопасный. Вокруг было множество других точек – они лежали на пунктирных меридианах и параллелях, кто-то дальше, кто-то ближе.

Оля сказала, что чем ближе точка лежит к Земле-1, тем больше она похожа на наш мир: расположением материков, климатом, политическими партиями, цветом травы и ещё бог знает чем. А чем дальше на схеме находится та или иная точка, тем более странным и непривычным для нас окажется мир. Материки будут утопать в бескрайнем океане, климат станет экстремальным, политические партии – тоталитарными, а в траве вместо хлорофилла объявятся какие-нибудь сиреневые хромопласты.

Ладно. Если с этим я ещё мог смириться, то новость о том, что у каждого человека есть более тысячи воплощений в других реальностях, вызвала во мне смесь эйфории и панической атаки. Это было одновременно так странно и так… предсказуемо, что ли. Словно когда-то давно кто-то уже был здесь, был мной. С этой мыслью я родился и жил всё это время, пока, наконец, не оказался в этом автобусе с коробкой на коленях.

Я отлип от окна и увидел девочку, сидевшую напротив меня. Она смотрела на коробку словно на торт, и я не придумал ничего глупее, как объяснить всё «по-взрослому».

– Здесь прибор. Очень дорогой.

«Ну дурак! – Мысленно я дал себе подзатыльник. – Можно подумать, всё в мире измеряется только деньгами».

Девочка продолжала молча смотреть на меня, и я почувствовал себя ещё более нелепо. К счастью, следующая остановка была моя.

После душного автобуса свежесть августовской ночи показалась мне настоящим блаженством. Я шёл, глядя на звёздное небо, по которому то и дело чиркали кометы. Это было красиво, даже как-то пронзительно красиво, словно простое человеческое сердце не способно было вынести всей этой красоты.

Перед домом я замедлил шаг. Почему-то не хотелось подниматься туда, в свою пустую квартиру. Я стоял напротив подъезда и тупо смотрел на свои окна – чёрные, словно глазницы.

«Когда я поднимусь – придётся испытывать *его*», – мелькнуло в голове, и я невольно содрогнулся. Признаться, ни до, ни после я не ощущал ничего подобного – это было чувство, что мой выбор сделан.

Потом я вспомнил о горячей ванне и крепком кофе, который обожал пить по ночам, и на душе стало немножко спокойнее. Всё-таки привычные вещи помогают удержаться на плаву, когда твоя жизнь перестаёт быть знакомым уютным болотцем.

А потом произошло нечто совсем невероятное: я забыл о «НОМАДе». Выпил кофе, принял ванну, затем вспомнил, что вышел новый эпизод моего любимого сериала, посмотрел, лёг спать и… Проснулся в четыре утра с жуткой мыслью о том, что я забыл что-то архиважное!

Он всё так же лежал в коробке вместе с толстенной инструкцией и копией договора. Заварив себе чай, я устроился за барной стойкой (ну не любил я обычные столы) и принялся читать.

Я ненавидел инструкции и всегда предпочитал делать всё по наитию. Но сейчас это самое наитие подсказывало мне прочесть всё – от корки до корки. К счастью, я не пожалел о потраченном времени: текст читался легко, словно фантастический роман.

В инструкции было сказано, что каждый из миров относится к тому или иному спектру: зелёному, жёлтому или красному. Миры зелёного спектра походили на наш, жёлтые были просто иными – не шокирующими, если, конечно, вас не шокирует мир, в котором нет электричества или мух дрозофил. Красный цвет символизировал опасность, причём не всегда физическую: считалось, что примитивный разум человека не в силах постигнуть четырёхмерное измерение или пребывание, например, в виде камня или водоросли. Посещать такие вселенные было опасно для мозга, и я абсолютно разделял эту позицию: быть камнем, пусть даже временно, мне совсем не улыбалось.

Дальше шёл перечень хорошо изученных миров: в основном все они были из зелёного и жёлтого спектра и только три из красного. «Местные жители, наделённые высшим интеллектом, являются звеном пищевой цепочки», – прочитал я и отложил бутерброд. Как же это так получается? Я сижу вот здесь, на своей кухне, а где-то там моё воплощение борется, чтобы не быть съеденным? Неужели такое возможно, неужели всё это реально?

Я достал из коробки нейромодуль и повертел его в руках. Может, попробовать? Прямо сейчас? Сердце бешено забилось,

словно перед неизбежным походом к стоматологу. А что, если я погибну? Вдруг эта штука сожжёт мой мозг? Вдруг Артём Листвинов и его группа – изощрённые убийцы? Нет, даже ради убийства никто не стал бы писать такую длинную инструкцию.

Я доел завтрак, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Ладони вспотели, в горле был ком, но мозг, похоже, уже принял решение. Да, я сделаю это прямо сейчас.

Мой письменный стол располагался прямо напротив зеркала. Установив датчик на виске при помощи специальной ленты, я откинулся на спинку и на секунду встретился взглядом со своим отражением. Всегда спокойный и уверенный в себе Ян Монастырский смотрел из зеркала с отчаянной решимостью, словно вот-вот собирался прыгнуть с двадцатиметровой вышки в воду.

Верил ли я, что что-то произойдёт, когда нажимал на кнопку? Нет, до конца нет. Не верил я и когда «НОМАД» отозвался мягкой вибрацией в руках, а датчик на голове едва ощутимо дрогнул. То, что что-то изменилось, я понял, когда мне снесло крышу. Вот прямо буквально. Я ощутил, как моё сознание раскачивается, словно кегля, сбитая с места шаром для боулинга. Оно утратило сцепление с привычной реальностью и в любую секунду могло вылететь за пределы моей вселенной. Куда? Чёрт знает куда. Я был словно на шахматной доске, вот только для того, чтобы сделать ход, мне достаточно было намерения. И крайне важно сейчас было не прогадать с этим ходом.

Изо всех сил я ухватился за кожаные подлокотники, будто это могло помочь. Под действием тета-волн моё сознание раскачивалось всё сильнее и сильнее, набирая амплитуду для прыжка. Превозмогая панику, я вспомнил абзац из инструкции, в котором говорилось, что делать дальше.

«Для перехода в выбранный мир войдите в состояние тета-медитации при помощи «НОМАДа». После этого сконцентрируйтесь на заданной цели усилием мысли…»

Усилием мысли, понятно. Но то, что испытывал я, было, скорее, мольбой.

«Привычный мир! Понятный! Знакомый! Вот только… может быть… чуть-чуть другой. Если можно…» Примерно так выглядело моё намерение.

Я был уверен, что вся трансцендентность случится потом. Что я полечу по бесконечному тоннелю или провалюсь в четырёхмерный шкаф, но само перемещение оказалось запредельно простым. Раз – и всё. И я очнулся в той же комнате, в том же кресле, с точно такими же побелевшими пальцами, неистово вцепившимися в деревянные подлокотники.

Стоп. Деревянные?! Но *мои* подлокотники кожаные!

Неужели я всё-таки… Похоже, что да.

В зеркале напротив был всё тот же Ян Монастырский. На коленях лежал «НОМАД», голова была обмотана дурацкой футуристической лентой – значит, тот, другой «я» тоже взял прибор в аренду. А может быть, сразу купил?

Сердце выпрыгивало из груди от волнения. Сейчас я понимаю, насколько я был беспечным: я не думал о том, что с моим телом и где теперь сознание того, второго, Яна; я просто был первооткрывателем, впервые ступившим на новую планету. Осторожно, замирая от восторга и ужаса одновременно.

Телефонный звонок застал меня врасплох. Я подпрыгнул на кресле и дрожащими пальцами вытащил из кармана мобильник. Звонила некая Елена.

Я хотел было по привычке ответить, но тут же вспомнил предостережение из инструкции: «Что бы ни происходило, не вмешивайтесь в привычный ход событий! Не вступайте в разговор, если его можно избежать, не проявляйте инициативу там, где в этом нет необходимости. Помните: любое, даже незначительное событие может серьёзно исказить реальность».

Так-то оно так, вот только любопытство всегда было моей слабостью. Решив, что просто послушаю, что имеет мне сказать собеседница, я взял трубку.

Высокий женский голос резанул по ушам:

– Серёжа, ты обещал, что перезвонишь, как доберёшься. Прошло уже три часа…

Я отшвырнул телефон, словно дымовую шашку с тлеющим фитилём, и мысленно приказал отправить меня обратно.

Фух. Перемещение произошло так же быстро, без спецэффектов. Неизвестно, что напугало меня больше: этот громкий требовательный голос или то, что меня назвали другим именем. Я никогда не имел проблем в общении с женщинами, но, будучи в теле Серёжи, явственно ощутил, что он на крючке. Некая леди Елена крепко ухватила его за, простите, мужское естество и теперь пила из несчастного Серёжки все соки. Бр-р-р, мерзко до жути. Надеюсь, что в других мирах я не был таким же неудачником.

Я остановился и понял, что всё это время ходил кругами по комнате. Своей вроде как с датчиком, всё ещё закреплённым на виске. Я нервно рассмеялся и с облегчением схватился за голову.

– Работает, хреновина!

Глава 2. Марк Гугения

Думаю, не нужно объяснять, почему, едва дождавшись семи утра, я поспешил на встречу с Артёмом Листвиновым. Вопреки моим ожиданиям, «НОМАД» работал. И это хоть и ломало все мои устоявшиеся за двадцать пять лет взгляды на жизнь, но в то же время делало меня абсолютно счастливым.

– Что значит «Здесь нет такой компании»? – удивился я, когда охранник сказал мне, что впервые слышит о фирме «Сансара».

– А вот так. – Мужчина с влажными глазами навыкате пожал плечами. – Я тут восемь лет работаю.

– Ну а Листвинова… Артёма Листвинова вы знаете? – Я стоял на проходной и как дурак держал в руках коробку с чудо-устройством.

– Впервые слышу, – пробурчал охранник себе в усы.

– Ладно, – решил я, чувствуя, что просто обязан выяснить хоть что-то, иначе мой мозг взорвётся. – Там работают молодые ребята, студенты. Там была одна девушка… миниатюрная такая, симпатичная, похожая на итальянку.

– Карина? – уточнил охранник, и я возликовал.

– Да, да, Карина! Вы её знаете?

– Хотел бы узнать поближе. – На лице пожилого мужчины появилась ухмылка этакого донжуана. – Она живёт на десятом этаже, и периодически к ней заходят друзья, тоже студенты.

Я решил, что выяснять дальше нет смысла. Достав из коробки договор, я ещё раз перечитал его. ООО «Сансара» должно было находиться по этому адресу, если оно, конечно, вообще существовало. На секунду меня пронзила мысль о том, что я каким-то образом перепутал реальности и оказался в мире, где никакой «Сансары» не существует, но в этот момент из лифта вышел Листвинов-младший.

– Артём Маевич. – Я бросился к нему как к родному. – Как хорошо, что я вас встретил! А то меня пускать не хотели…

Листвинов неприветливо покосился на охранника и молча проводил меня на улицу. Остановившись под козырьком, он с тоской взглянул на начавший моросить дождик.

– Наша организация не совсем официальная, Ян Викторович, – сказал Артём Маевич, прикуривая сигарету. – Впрочем, уже неважно. Как вам «НОМАД»? Удивил?

– Более чем, – восторженно начал я, но тут же осёкся: нельзя слишком радоваться, ведь я же сам назначаю цену. – Но штука,

без сомнения, очень опасная.

– Да, вы правы. – Листвинов как-то рассеянно покивал, и у меня создалось впечатление, что он не слишком заинтересован в сделке.

– У меня один вопрос, – сказал я. На самом деле, вопросов было много, но именно этот больше всего не давал мне покоя. – Что происходит с личностями тех, в чьё тело я… вселяюсь?

Прозвучало по-дурацки, но я не нашёл более подходящего слова.

– Так вам не объяснили? – разочарованно ответил Артём, словно коллеги сильно подставили его. – Вы меняетесь местами, после чего личность воплощения попадает в капкан. Нейродатчик удерживает сознание дубля в состоянии, близком к потере сознания. Мы называем это нейроингибированием.

– Звучит не очень этично, – заметил я.

– Да, но только так мы можем быть уверены, что с вашим телом ничего не случится. – Артём покачал головой, мол, делать нечего. – Процесс полностью автоматизирован. Всё, что вам нужно, – это соблюдать продолжительность сессий. Не более тридцати минут за раз. Не дольше трёх часов в сутки… Полистайте инструкцию, там всё есть.

– Я хочу купить его, – прямо сказал я и стукнул большими пальцами по коробке, которую зачем-то взял с собой. Объяснения молодого человека меня полностью удовлетворили.

Дальше от меня должна была последовать финансовая инициатива, но Артём Маевич снова меня удивил.

– Мне надо спешить. Сколько наличных у вас с собой? – спросил он.

Я достал бумажник и быстро пересчитал банкноты.

– Две тысячи, – сказал я. – Всё остальное на карте. Давайте дойдём до банкомата…

– Двух тысяч хватит. – Маевич взглянул на часы и зашвырнул окурок в ближайшую урну.

Титаническим усилием воли я заставил себя не задавать вопросов. Ежу было понятно, что такая технология, как «НОМАД», стоила в разы, да что там – в десятки раз дороже. Но по каким-то причинам Листвинов-младший собирался отдать её мне почти даром.

Я видел, на что способен прибор. И был не против.

– Прочтите инструкцию, – сказал Артём Маевич, когда я молча передал ему деньги.

– Уже, от корки до корки, – покивал я.

– Прочтите ещё раз, – настоял молодой человек и неожиданно посмотрел на меня со странным сожалением в

глазах. – Вы хороший человек, Ян Викторович. «НОМАД» определённо поможет вам в написании новой книги.

Да, именно этим я и собирался заняться. Искать идеи в других мирах.

– Держитесь политики невмешательства и помните про временные нормы. И тогда всё будет хорошо. – Артём Маевич пожал мне руку и вышел под тёплый летний дождь.

Видел ли я его ещё когда-нибудь потом? Нет, определённо нет. Артём Маевич запомнился как очень приятный молодой человек, этакий Морфеус, который вручил мне красную пилюлю – пропуск в чудесный мир зазеркалья.

⁂

Что нужно сделать, когда на горизонте замаячила возможность круто изменить свою жизнь?

Догнать и вцепиться всеми лапками.

Придя домой, я первым делом отрубил интернет. Выключил все телефоны и убрал подальше все гаджеты. Приготовил и съел максимально простой обед. Всё. Теперь я был готов полностью погрузиться в работу.

Для того чтобы найти крутую идею для книги, мне нужно было рискнуть. Отправиться в мир, отличный от нашего, и испытать всё на своей шкуре. Я сказал себе, что буду работать, пока не появятся первые успехи. Лепить, пока глина ещё сырая. Иначе моя тяга к прокрастинации победит, и я просто лягу спать, а ложиться спать сейчас – подобно смерти.

Я заварил себе крепкого кофе и принялся штудировать инструкцию. Миры зелёного спектра навевали на меня скуку; исследовать их было все равно, что искать отличия на двух идентичных, на первый взгляд, картинках. Жёлтый спектр был поинтереснее: здесь встречались реальности, от описания которых я выпадал в осадок или, напротив, смеялся от души.

«Мир, в котором любая растительность на голове запрещена. Особенно женщинам». Что вы на это скажете? Этакий мир бильярдных шаров.

Или вот ещё: «Вселенная, в которой гетеросексуальные отношения считаются отклонением от нормы». Интересно, как там обстоят дела с продолжением рода? Поначалу я хотел смотаться туда, но вовремя вспомнил о своём цейтноте: для того чтобы посмотреть все интересные миры, мне и жизни не хватит, а книга сама себя не напишет.

Нет, мне нужно было что-то особенное. Что-то опасное.

Подумав немного, я раскрыл инструкцию на красном спектре.

Боже мой… Какие демоны ада создавали эти вселенные? Да, кому-то наш мир тоже может показаться ужасным, несовершенным, больным. Только подумайте: человеческие существа рождаются в муках, голые, безволосые и абсолютно не приспособленные к самостоятельной жизни. Они вырастают и бóльшую часть своего существования обречены зарабатывать бумажки, чтобы потом купить на них еду, одежду, комфорт и совершенно ненужные предметы статуса и роскоши. Но зато в нашем мире нет повсеместного жертвоприношения, братоубийства, рабства, поедания своих детей…

Я листал каталог и держался за челюсть. В какой-то момент меня охватила абсолютная уверенность в том, что я далеко не единственный умник, решивший «слизать» сценарий из другой вселенной. Наверняка многие известные писатели и сценаристы периодически «заглядывают в гости» к своим воплощениям из этих кровавых вселенных. Равно как и в наш мир наведываются, чтобы потом рассказать своим соотечественникам страшилку о том, что люди там работают с восьми до пяти и имеют всего два выходных в неделю.

И вот, спустя четыре часа и пять чашек кофе, я наконец-то нашёл то, что искал.

«Мир, оккупированный внеземным разумом. Существование вполне приемлемо. Качество жизни зависит от локации вашего воплощения».

Да, это было то, что нужно, – я понял это, ощущая, как мурашки побежали по коже.

– Главное – не вмешиваться, – сказал я своему отражению и надел на голову датчик.

Затем, подумав немного, установил таймер автоматического возвращения. Через десять минут он должен был выбросить меня из выбранной реальности – функция, созданная на случай, если воплощение погибнет или я сам по каким-то причинам не смогу вернуться.

Всё, теперь точно всё. Я сделал глубокий вдох и нажал на центральную кнопку прибора.

⁂

Люди медленно брели по тёмным улицам. Нас было много, и все как один угрюмые и подавленные. С неба летели крупные хлопья, которые я вначале принял за снег, но это оказался пепел. Он падал на сгорбленные плечи, на головы в одинаковых

фуражках, на тротуары и разбитые витрины.

Я был маленького роста… Нет, не так: я был ребёнком. Ощущал, что моё воплощение сильно устало, хочет есть и пить, но на фоне всех остальных не теряет какой-то живости и энтузиазма, если это слово, конечно, было здесь уместно. Рядом со мной брели двое взрослых людей, мужчина и женщина, они не были родителями, но я ясно ощущал их близкую связь со мной.

Вряд ли мы были в Ростовии: на единичных уцелевших витринах виднелись надписи на незнакомом языке, но, как ни странно, я их понимал. Как понимал и невнятную речь идущих рядом людей. Этот язык, тихий и напевный, напоминал воркование голубей, а ещё оставлял в душе какое-то невыразимое тягостное ощущение.

Кто-то кинул пустую бутылку, и ближайшая к нам витрина со звоном рассыпалась. Я вздрогнул от неожиданности, и мужчина рядом тотчас же схватил меня за руку.

– Элленде куркурлэн то де, Марко, – проговорил он, и я понял, что это значит: «Не бойся, всё хорошо, Марк».

Дальше шествие продолжалось молча. У меня было много вопросов. Куда мы идём? Будем ли останавливаться на ночлег? И главный: что за внеземной разум угнетает нас и насколько он опасен?

Я открыл рот, чтобы спросить, но вместо привычной речи с моего языка слетело что-то вроде:

– Галлен гуде нги…

– Тш-ш! – шикнула на меня женщина и сунула в руку нечто, завёрнутое в грязную тряпку. Это был кусок хлеба.

«Ясно, заткнули мальца», – подумал я и взглянул вверх. Небо было тёмным и абсолютно непроницаемым из-за плотных облаков. Пепельные хлопья продолжали сыпаться, словно мы были не в городе, а прямо у подножия извергающегося вулкана. Позади небосвод алел от пожара: наверняка именно оттуда мы и шли, словно стадо динозавров, уходящее от неизбежно наступающего на пятки ледникового периода.

В некоторых домах горел свет. Я заглянул в окно на первом этаже и услышал, как работает телевизор. Желудок заурчал, почувствовав запах еды, и я заставил себя откусить от промокшей коврижки.

Так странно, почему эти люди не уходят? Почему смотрят телевизор и готовят ужин, когда все остальные бегут?

Человек, идущий рядом, проследил за направлением моего взгляда. Он пробормотал что-то на своём курляндском, и я прекрасно его понял. И, признаться, от этого мне стало сильно не по себе.

«Остались те, кто сдался *им* заранее».

К концу десятой минуты в теле маленького Марка я настолько проникся всей этой безысходностью, что мне начало казаться – теперь так будет всегда. Не будет тёплого дома, привычных вещей, не будет горячего шоколада из кофейни и вкусных булочек, которые пекла мама… Так, стоп, это были уже не мои воспоминания. Это были воспоминания мальчишки, потерявшего родителей в день своего одиннадцатилетия. В инструкции об этом не говорилось, но уже второй раз моё сознание самым хаотичным образом сливалось с сознанием воплощения. Это было пугающе, но для книги – как нельзя кстати.

Сработал таймер автоматического возвращения, и я очнулся от этой жуткой реальности, как от кошмарного сна. Сердце билось, словно колокол, а ладони были мокрыми от пота. Я встал и распахнул шторы, чтобы убедиться, что с неба не сыплется пепел. За окном светило солнце, автобус под номером сто один отъезжал от остановки, попыхивая газком, а группа школьников вывалилась из мини-маркета с чипсами, газировкой и прочей дрянью, которую им наверняка запрещают родители.

– Родной Вологдинск, – прокомментировал я, ощущая, как разгоняется мрак на душе. И тут же кинулся назад, к письменному столу: нужно было срочно зафиксировать пережитый опыт, пока воспоминания ещё свежи.

⁂

Следующие три часа я провёл за записями. Подробно, словно следопыт, я описывал всё, что пережил в шкуре Марка, добавив от себя несколько подробностей. Когда закончил, на окнах соседнего дома уже играли солнечные блики – этот длинный, невероятно длинный день подходил к концу.

Я запихнул в карман бумажник, закрыл дверь на замок и выбежал из подъезда – счастливый и одухотворённый своей работой. Хотелось немного пройтись, к тому же я был невероятно голоден. В десяти минутах от моего дома располагалась известная сеть «МакСомнальдс»; в обычные дни я избегал фастфуда и предпочитал готовить дома, но сегодня хотелось набить желудок чем-то жирненьким. Во многом сказалось ощущение постоянного голода, которое испытывал Марк; сам же я рос в обеспеченной семье и даже в университетские годы не голодал.

Взяв традиционный «студенческий» набор – чизбургер,

картошку фри и колу, я направился за свободный столик. Успев прожевать всего один кусок, я понял, что совершенно нахально пялюсь на молодую девушку напротив. Она сидела, уткнувшись в телефон, а рядом стоял нетронутый стаканчик с кофе. Длинноволосая шатенка с глубокими синими глазами была похожа на известную актрису, имя которой я так и не смог вспомнить.

Она была красавицей. Немного не дотягивала до модельной внешности, но так даже лучше. Естественнее. Заметив, что я таращусь на неё, словно какой-нибудь школьник на модель из «Пентхауса», девушка не смогла сдержать улыбки.

«Так, нужно срочно что-то предпринять», – твёрдо решил я, забыв о путешествиях между мирами, оккупированных вселенных и собственных воплощениях.

Но, как назло, в голову не приходило ничего оригинальнее, чем скромно вручить ей свою авторскую визитку.

«Не смей, идиот!» – сказал я самому себе и принялся с остервенением дожёвывать чизбургер.

Через пять минут незнакомка встала из-за столика и направилась к выходу. Без сожаления оставив недоеденную картошку, я кинулся следом.

– Девушка, а хотите… я вас накормлю? – выпалил я первое, что пришло в голову. – А то что вы только кофе…

Я был готов к провалу. Уже на лестнице леди вдруг обернулась и неожиданно ответила:

– Вообще-то я предпочитаю другие места. – Её голос был низким и очень приятным, словно кошачий утробный рык.

Я улыбнулся в ответ, и уже через пятнадцать минут мы спонтанно ужинали в классической кофейне с идеально треугольными чизкейками, дорогой посудой и ненавязчивыми официантами.

Девушка звалась Викой, за плечами имела переезд из Уфомска, три курса факультета психологии в Вологдинском педагогическом, кошку Анюту и – неожиданно – чёрный пояс по тхэквондо. Она мечтала увидеть норвежские фьорды, северное сияние и новый сезон «Битвы тронов», которого ждала без малого половина планеты. Но самое удивительное – слушать Вику было легко и приятно, настолько, что почти не хотелось перебивать её своими избитыми рассказами из серии «как я стал писателем».

По завершении вечера мы обменялись телефонами, я проводил её до станции метро (мог бы и дальше, но жила она аж в Новодевкино) и даже подержал за предплечье – недолго, секунд тридцать. Домой я завалился совершенно счастливый, улыбающийся и немножко пьяный. Я уснул до того как голова

коснулась подушки, а труд про пришельцев так и остался лежать на столе без контрольной вычитки.

⁂

На этот раз таймер был установлен на максимальное время – тридцать минут. Удобно устроившись в кресле, я глубоко вздохнул, бодро кивнул своему отражению в зеркале и нажал на кнопку…

Мы были за городом. Марк и двое взрослых брели по полю, заросшему высокой травой. Когда-то на нём выращивали зерно, но с приходом *иных* до сельского хозяйства никому не стало дела.

По правую руку стояли брошенные деревянные дома: окна были выбиты и зловеще чернели в густых сумерках. Прямо по курсу простиралось бескрайнее поле, утопающее в молочном тумане, а позади грозно надвигался лес. И нет, «грозно» было не просто эпитетом: кожей маленького Марка я ощущал опасность, исходящую от этого леса. *Они* таились там до поры до времени.

Мужчина шёл напролом, точно танк, а вот женщина всё время оглядывалась – должно быть, тревога подгоняла и её.

Я буквально валился с ног. Всё, чего мне хотелось, – это поскорей найти какой-нибудь стог сена и забиться туда, подальше от всех бед. В какой-то момент мне показалось, что я вот-вот отключусь: сознание снова стало подвижным, точно сбитая кегля. Но неожиданно возникший низкий гул буквально придавил нас к земле.

– Марко! Орлодно но го! – закричал мужчина. «Беги, Марк!»

Из последних сил я бросился вперёд, подгоняемый диким иррациональным страхом. Гул надвигался из-за леса, но у меня не было времени, чтобы обернуться. Вы спросите: «Чего бы мне бояться, ведь всё это было нереально?» Для Яна Монастырского, сидящего в отключке в своём кресле, определённо, да. Но для маленького мальчика Марка – это жизнь, которая может оборваться в любую секунду. Кто я такой, чтобы перестать бороться за неё?

Да и страшно, чёрт побери, было до жути.

Даже отдавая себе отчёт, что в этом мире я, как в компьютерной игре, не смогу погибнуть «взаправду», я не хотел умирать. Боялся увидеть то, что не смогу забыть, боялся, что моя и без того не совсем адекватная психика окончательно свинтит.

Да, в любую секунду я мог приказать «НОМАДу» отправить меня обратно. Но даже на это у меня не было времени. Всё, что я мог, – это бежать через густую траву и туман вперёд, к

заброшенным домам и спасительным стогам сена.

Позади раздавались странные звуки: словно что-то тяжёлое и влажное шлёпалось на землю. Мужчина закричал и тут же умолк, будто бы его придавило гигантской слизистой каплей.

«Оглянись, дурак, оглянись! Ради книги!» – думал я, но тело отказывалось повиноваться. Перепрыгивая через какие-то пни и коряги, я нёсся к ближайшему стогу сена. Позади меня выла от страха та самая женщина, что дала коврижку, и я понял, что она долго не протянет.

Наконец-то! Убежище! Достигнув влажного от росы стога, я принялся неистово рыть в нём углубление. Движения Марка были рваными и плохо скоординированными – сказывались и возраст, и хроническая усталость, но я был поражён тем, что он вообще дошёл сюда. Я гордился своим воплощением и понимал, что, случись подобное в *моём* мире, я, наверное, остался бы сидеть дома у телевизора и ждать приговора.

Добравшись до сухого и тёплого центра, я забился в сено с головой. Видимость была почти нулевая, поэтому я целиком обратился в слух. Гул становился всё громче и громче, женщина продолжала плакать, а влажные шлепки были совсем близко.

«Они сбрасывают снаряды, – догадался я, точнее, считал из памяти Марка. – Это вещество убивает моментально».

Понятно. Значит, тот мужчина не мучился.

Очередной шлепок поразил цель: женщина умолкла, напоследок отрывисто всхлипнув. Мне пришлось зажать рот рукой, чтобы унять стук зубов. Но, кажется, *иные* не заметили меня, поскольку гул вдруг стал ослабевать, а вскоре и вовсе исчез, уступив место вязкой тишине.

Лишь спустя пятнадцать минут я осмелился выбраться из стога.

Огонь пожирал город, который Марк так вовремя покинул. Алое пламя поднималось из-за леса и трепетало в чёрном небе, словно стяг. В воздухе пахло гарью, а ещё чем-то ядовито-кислым, словно кто-то разлил уксусную эссенцию. Я чувствовал, что мне надо идти дальше, но нездоровое любопытство пересилило, и я решил посмотреть, что же стало с телами убитых взрослых.

Меня едва не вырвало, когда я увидел плотные, напоминающие слизней, скользкие комки.

«Кислотные бомбы», – услужливо подсказало сознание Марка, пока я рассматривал начавшие разлагаться тела, лежавшие внутри этих жутких капсул.

Интересно, будет ли Марк помнить об этом? Не сойдёт ли с ума, оставшись один? Его судьба вдруг стала небезразлична мне, но я знал, что полчаса, отпущенные на моё путешествие, вот-вот

истекут.

Всё, что я мог сделать напоследок, это собрать остатки сил и убежать как можно дальше от места расправы.

«Рано или поздно он выйдет к людям», – подумал я и перенёсся обратно в свою уютную реальность.

На часах было два ночи.

⁂

Я стал одержимым. За три дня, во время которых я практически не выходил из дома, написал, наверное, больше, чем за всю свою жизнь. Я работал как проклятый, разрываясь между тем, чтобы наблюдать за судьбой Марка и излагать всё это на бумаге. Я плохо спал по ночам, потому что мне снилось, как мой дом атакуют пришельцы, и вставал в раннюю рань, потому что именно в это время начинался день Марка.

Тогда я ещё не знал о том, что время – отнюдь не последовательная величина, как нас учили. При желании я мог переместиться в любой отрезок времени, но тогда мой мозг, вероятно, сошёл бы с ума. Что поделать – люди мыслят прямолинейно. Тогда я всё ещё был одним из них.

Однажды я очнулся, совершенно не чувствуя руки. Конечность попросту онемела от того, что я защемил локтевой нерв, но в первую секунду я жутко перепугался. Это страшно, когда тело подводит. С тех пор я завёл себе одно важное правило: всегда ставить таймер автоматического возвращения. Мне совсем не улыбалось очнуться в теле хладного трупа, угоревшего от газа или ставшего жертвой домушников.

Спустя три дня я вспомнил, что хотел позвонить Вике. Эта девушка мне и вправду понравилась, и я был бы не прочь продолжить общение, вот только… Проверив баланс на своём счёте, крепко задумался. Всё это время я жил на накопления, свои и родительские, плюс немного подрабатывал копирайтером. Но если в ближайшие три месяца я не найду издательство, готовое заплатить мне аванс, придётся устраиваться на работу. А если собираюсь водить в кафе свою девушку, то и через два.

По образованию я был учителем, но перспектива вернуться в душные школьные классы была для меня хуже плена во вражеском стане. Поэтому, отложив телефон, я взял «НОМАД» и устремился к любимому креслу.

Должно быть, фортуна была на стороне Марка, поскольку я оказался на оживлённом вокзале. Повсюду виднелись надписи о том, что этот город находится вне зоны оккупации, и это не могло

не радовать. Хоть где-то в этом мире была нормальная жизнь.

Я оказался на скамейке с беляшом в одной руке и эмалированной кружкой в другой. От горячего чая поднимался пар, а беляш был по-настоящему сочным и вкусным – что ещё надо для счастья мальчишке, прошедшему такой долгий и такой взрослый путь? Мимо сновали люди, одетые в цветастые брюки-бананы, «варёнки», дутые куртки кислотных цветов – казалось, что они сошли со страниц модных журналов времён СССР. Они оживлённо болтали, нарочито громко смеялись, как бы говоря: «Да, мы живём в свободном городе, и нам наплевать на всех».

Однако встречались и товарищи совсем иного рода: сгорбленные, одетые в поношенные вещи мрачных цветов, с тревогой в голодных глазах и отпечатком пережитого на лицах. Наверняка так выглядел со стороны и Марк.

«Это беженцы», – догадался я, рассматривая семью, расположившуюся на соседней скамейке. Мужчина в мятом сером плаще читал список, что висел на стенде, женщина, стыдливо прикрывшись, кормила грудничка, а мальчик постарше с завистью смотрел на мой беляш. Рядом с ними стояли два больших чемодана.

Залпом допив чай, я привязал кружку к своему рюкзаку и подошёл поближе. Родители заметно напряглись, но, увидев, как я отламываю знатную половину беляша, вмиг успокоились, а их лица посветлели.

– На, – сказал я и протянул парню кусок. – Эришь. «Ешь».

Только получив одобрение в виде кивка от отца, мальчишка взял пирожок из моих рук. Поблагодарил и тут же принялся есть, крепко держа беляш грязными руками. Горячий жирный сок тёк по его подбородку, а глаза были благодарными, но в то же время какими-то по-звериному дикими. Мне не хотелось думать, через что прошла эта семья, и я уткнулся в стенды со списками.

«Распределённые дети» – гласил заголовок.

Затем шёл длинный перечень фамилий. Меня охватила странная тревога; я принялся скользить глазами вниз по алфавиту и ощутил, как на букве «Г» моё сердце забилось с новой силой. Неужели я тоже был в этом странном списке?

Так и есть. «Гугения, Марк», – прочитал я. Знаете, как бывает, когда тебя вызывают к доске, а ты не готов отвечать или готов, но только не по этому вопросу? Сейчас я ощутил то же самое. Марк Гугения был в списке «распределённых детей», и почему-то мне это очень не нравилось.

Через пять минут я понял почему.

Молодая, вычурно одетая пара робко приблизилась к семейству беженцев.

– Вы семья Сорейн? – напевно поинтересовался мужчина у главы семьи. Диалект в свободном городе отличался от привычного Марку; слова звучали как-то развязно, отчего речь походила на припев из песни «Кабы не было зимы в городах и сёлах».

Получив утвердительный ответ, молодой человек достал из-за пазухи банкноты и, пересчитав, отдал их мужчине в мятом пальто.

«Ну мало ли какая у них сделка», – подумал я, но тут произошло нечто странное. Мать с невыразимой тоской в глазах протянула грудничка чужой женщине. Та взяла его на руки и тут же принялась тискать, отчего ребенок проснулся и захныкал. Старший мальчик сухо попрощался с отцом за руку и, взяв чемодан, нехотя встал рядом со своим новым… отцом?

Я хотел уйти или хотя бы отвернуться, но всё происходящее настолько шокировало, приковывало внимание своей несуразностью, что я буквально не мог сдвинуться с места.

Молодая девушка принялась щебетать, как хорошо она подготовилась к приёму детей и что в их семье им будет безопасно. Всё это время родная мать пыталась поправить сползший носочек на детской ножке, но руки слишком сильно дрожали.

На первый путь с дымом и грохотом прибыл поезд. Мне показалось, что он был чуть ли не вдвое больше наших поездов и, наверное, в сто раз уродливее. Откуда ни возьмись к нему хлынула толпа беженцев: усталые, нервные, больные, осунувшиеся. Мужчины и женщины забирались в вагоны и исчезали в них, не оглядываясь на перрон. Я заметил, что детей среди них не было, и наконец-то всё понял. Свободный город не мог вместить всех. Поэтому детей распределяют по семьям, тогда как их родные папы и мамы уезжают в неизвестном направлении.

Я ощутил небывалую тоску на душе, как в детстве, когда умерла любимая собака. Мне захотелось сесть на перрон и заплакать в голос от всей этой безысходности, но в этот момент пришли и за мной.

Это были усатый мужчина и очень низенькая женщина. Не такие молодые, как предыдущая приёмная пара, и не такие разодетые. Сдержанно поздоровавшись, они просто взяли меня за руку и повели. Я не знал, сколько минут мне осталось провести в теле Марка, но очень хотел домой.

«Назад!» – мысленно приказал я, в то же мгновение меня выдернуло из реальности, словно корнеплод из грядки. Первое, что я сделал, оказавшись дома, это взял инструкцию и жирным маркером сделал пометку напротив вселенной Марка Гугении:

«Очень и очень жестокий мир».

Глава 3. Анлаф Прозак

Вопреки ожиданиям, произошедшее не выбило меня из колеи. Проспав до обеда следующего дня, я с новыми силами принялся за работу над книгой.

«Пора подумать об издательстве», – решил я, пролистав всё написанное. Навскидку можно было бы сказать, что готова примерно четверть книги; вряд ли крупные издательства захотят принимать «недоделку», но с маленькими конторами вполне можно будет договориться.

Следующие полчаса я штудировал Рустернет на предмет небольших издательств в своём городе, пока телефонный звонок не вернул меня к реальности.

К моему удивлению, звонила Вика.

– Не хочешь пообедать сегодня часика в два? – По телефону её голос был ещё более низким и бархатистым.

– Можно… Да, конечно, – ответил я. Было немного странно, что Вика позвонила первой, но кто я такой, чтобы динамить столь прекрасную особу?

Положил трубку и взглянул на часы: до обеда оставалось ещё порядочно времени, но мысль уже не шла. Спустя десять минут тупого сидения перед монитором я признался сам себе, что слишком взволнован, чтобы писать дальше. Взглянув в зеркало, я понял, что вовремя спохватился: не один час уйдёт на то, чтобы привести себя в божеский вид. К парикмахеру я, конечно, не успевал, но хотя бы с недельной щетиной надо было расстаться. Всё-таки не каждый день меня приглашали на свидания.

Мы встретились в том же заведении, что и в первый раз. И снова глубокие синие глаза Вики, а также её облегающая кофточка заставили меня забыть о своей «двойной жизни». После обеда (платили каждый за себя; так решила дама, и я не стал упорствовать) я решил сводить её в тихий сквер неподалеку, но судьба подкинула мне спонтанную проверку на прочность. Впрочем, такие проверки вряд ли когда-нибудь бывают запланированными.

У Вики зазвонил телефон. Я любил подпевать этим стандартным мелодиям, которые звучат сейчас на каждом шагу, но сейчас, разумеется, сдержался. Ещё не время было выпускать своих демонов.

– Ян, мне надо ответить, – обречённо и даже как-то зло сказала Вика.

Я кивнул и тактично присел на краешек стула. Разговор длился недолго, но когда девушка наконец повесила трубку, стало ясно, что наша прогулка отменяется.

– Мне надо ехать в больницу, – вздохнула Вика. – Семейные дела.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил я. Вряд ли это было так: я неплохо читал по лицам и знал, что Вика скорее раздражена, чем расстроена. Создавалось ощущение, что какая-то обязанность мешает ей в полной мере наслаждаться жизнью.

– Нет, всё в порядке, – отмахнулась она, нервно откинув волосы. – Ерунда.

– Если хочешь, я могу поехать с тобой, – предложил я. Не то чтобы мне хотелось… просто это надо было сказать, если вы меня понимаете. Кто на втором свидании знакомит парня со своими родственниками? Да ещё и в больнице? Нет, невозможно. Я хорошо знал женщин и был уверен, что Вика откажется.

Вика согласилась, и я почувствовал себя не в своей тарелке.

Но это было ещё не провалом.

В такси мы ехали молча. Я чувствовал, что должен взять её за руку или как-то иначе выразить свою поддержку, но Вика сидела, отвернувшись, и через отражение в стекле я мог видеть её гневно сдвинутые брови.

«Сейчас что-то будет», – подумалось мне, когда машина подъехала прямо к приёмному покою. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что хочу вернуться в свой уютный мирок, как если бы я был подключён к «НОМАДу».

Но никакого «назад» не было. Передо мной была самая что ни на есть реальная реальность. С больничными коридорами, навевающими тоску, с разбитыми мордами алкашей в приёмной, костылями, одиноко стоящими в углу, и синими бахилами, которые всё так же быстро рвутся, как и три года назад, когда я надевал их последний раз. Кажется, тогда я был на приёме у стоматолога.

Вика уверенно поднялась на второй этаж, прошагала по коридору до самого конца, громко стуча каблуками. Я молча следовал за ней; нет, этой девушке поддержка не требовалась – при желании я мог спрятаться за угол, и она не заметила бы, что я исчез.

– Здрасьте, Виктория Викторовна, – поздоровалась молодая медсестра и проводила нас взглядом.

А вот и конечный пункт – палата номер двести два. Просторная, но душная, пахнущая старушками, которым вечно дует из форточек. С дешёвыми романами и кроссвордами на прикроватных тумбочках, с маленьким телевизором в углу,

который принёс кто-то из родственников и за который здесь наверняка велись битвы.

Вика надела мятый белый халат, висящий на вешалке.

– Ну здравствуй, сестричка, – устало произнесла Вика, присаживаясь на одну из коек. – Познакомься, это Ян. Мой друг.

На кровати сидела копия Вики. Копия в худшем варианте, если можно было так сказать. Если тело «моей» Виктории дышало здоровьем и молодостью, то её сестра походила на существо, из которого высосали все соки. Осунувшееся лицо, сухая кожа и следы от инъекций на локтевых сгибах, тусклые растрёпанные волосы и обкусанные ногти. Лишь глаза были всё ещё живыми и, в отличие от глаз сестры, – карими.

– Вика приехала, – с безмятежной улыбкой сказала она.

– Да, да, Вика приехала, – раздражённо повторила Виктория и обратилась ко мне: – Её зовут Анжелика, и она немножко… ну…

Кажется, я понял. Анжелика была не в себе.

– Вика привезла мне покушать? – спросила Анжелика, и я почувствовал, что мне здесь не место.

– Я подожду в коридоре, хорошо? – почти умоляюще произнёс я и, получив одобрение, выскочил из палаты.

– Доктор сказала, что ты не пьёшь таблетки. Почему, Лика? – услышал я голос Вики из-за двери. Уже не злой, участливый. Она была добрая. А ещё она назвала меня другом… Всё же я не зря поехал сюда.

Я прогулялся до конца психиатрического отделения. Изучил плакаты на стенах, нарисованные будто бы детьми, выпил воды из кулера. В глаза бросилась надпись, своего рода напутствие врачам-психиатрам: «Душа, даже если она заболевает, не перестаёт быть душой». А может, это напутствие родственникам больных? Должно быть, это нелегко, когда твои близкие…

– Ян! – Голос Вики прервал поток моих философских мыслей о больной душе. – Всё, можем ехать.

⁂

Вика не стала делать вид, что ей неловко из-за сестры. И это было замечательно. Больше всего мне не хотелось мучительно-долгих пауз.

– Периодически я должна навещать её, – объяснила она, когда мы вышли из больницы. – Иногда это напрягает, но всё же она моя сестра.

Поддавшись порыву, я взял Вику за руку. Мы шли через сквер, и жёлтые листья кружились, взлетая с такого же жёлтого

ковра на земле. Было неожиданно хорошо, и я сам не заметил, как наши лица оказались слишком близко друг к другу.

«Да или нет?» – промелькнуло в голове, но Вика сама нашла решение. Она потянулась навстречу, и мы поцеловались.

«Пусть будет так», – подумал я, испытав едва ощутимое сожаление оттого, что внутри всё осталось спокойным. Искры не проскочило, если выражаться избитыми фразами. Но моя дама, похоже, осталась довольна.

Наконец-то дом. Наконец-то родное кресло с кожаными подлокотниками (сейчас я всегда проверял наличие этой самой кожи, в глубине души боясь оказаться в чужой вселенной). «НОМАД» приветливо мигнул зелёным огоньком, и я с наслаждением взял его в руки.

«Главное, не превратиться в фетишиста, круглыми сутками сидящего в четырёх стенах», – сказал я себе и по привычке примотал датчик к голове дурацкой лентой.

К этому моменту я побывал в теле Марка, наверное, раз десять. Я хорошо знал, что мне нужно делать, и именно эта уверенность в конце концов и привела к дальнейшим последствиям.

«Во время каждой сессии отчетливо концентрируйтесь на мире, в который хотите отправиться», – так гласила инструкция.

То ли я слишком расслабился, возомнив себя опытным «ходоком», то ли события сегодняшнего дня наложили отпечаток на моё подсознание, но дальше всё пошло не так. Как сказал бы Сигмунд Грейд, мой бессознательный страх стал моей мотивацией. С детства я испытывал неприязнь к больницам и неосознанно позволил мозгу сделать неправильный выбор.

«НОМАДу» не оставалось ничего, кроме как послушаться меня.

На этот раз я очнулся не Марком Гугенией. Всё было хуже, намного хуже: я очнулся в больничной палате.

Жить моему очередному воплощению оставалось недолго. Я ощутил это с первым вдохом: он давался тяжело, словно воздух проходил через узкую трубочку с множеством клапанов.

Мое тело находилось словно внутри пузырька с воздухом. Знаете, такие, из упаковки, которые очень приятно лопать, давя пальцами. Сквозь полиэтилен ко мне шли многочисленные трубочки и зонды: катетеры в вены, кислород в нос и ещё чёрт знает что. Хуже всего было то, что ноги абсолютно не подчинялись мне, а руки… Боже мой, руки были покрыты отвратительными влажными язвами!

Я умирал. Умирал от не излечимой в этом мире болезни. Должно быть, подсознательные мысли о больнице повлияли на

выбор реальности, и из всего многообразия вселенных я оказался здесь: с трубкой в заднице, парализованными ногами и считанными часами до последнего хриплого вздоха.

Я хотел было вернуться, но вдруг ощутил прилив странных ощущений. Переживаний моего воплощения, которыми он хотел поделиться, как эмигрант, раздающий свои вещи перед путешествием в один конец.

Тоска по своей семье и несбывшимся мечтам нахлынула на меня, вырвав еле слышный протяжный стон. Никогда в жизни я не испытывал такую душевную боль, какую ощущал этот парень. Сквозь целлофан были видны фигуры снующих туда-сюда врачей, но они, как и весь мир, давно поставили на нём крест.

Говорят, в момент смерти человек вспоминает свою жизнь. Именно это и происходило с моим воплощением, за исключением того, что он был всё ещё жив. Фармацевт по имени Анлаф Прозак, тридцати трёх лет от роду. Наверняка он заразился на работе, когда смотрел за такими же «целлофановыми» больными. Когда однажды решился расстегнуть защитный костюм… Грёбаная интеграция!

Я закрыл глаза, чтобы не видеть, как пинцет сдирает с моего запястья кровоточащую коросту. Зачем они продолжают брать образцы? Чтобы найти лекарство?

«Чтобы вырастить новое тело для твоей жены и детей, – сознание услужливо подкинуло правильный ответ. – Оно будет готово раньше, чем ты умрёшь».

Всё… с меня хватит. Я не готов к такому, я больше не хочу.

«Назад. Назад, я сказал!» – мысленно взревел я. И тут же проснулся в своём кабинете.

На этот раз путешествие нанесло серьёзный удар по моей психике. Я остановил работу на несколько дней и смотрел мрачные фильмы, чтобы ещё сильнее опуститься на дно. Деньги на счёте подходили к концу, книга была заброшена, а «НОМАД», лежащий на столе, медленно покрывался пылью. Я был настолько опустошён и подавлен, что в какой-то момент принялся искать в доме сигареты, забыв, что бросил курить два года назад.

«Его жизнь закончилась, *его*, а не твоя», – говорил я себе снова и снова, но ничего не мог с собой поделать. Чувство пустоты и бессмысленности всего происходящего накрывали меня, словно цунами.

А потом я взял и позвонил Вике. Всё-таки мы с ней поцеловались, а ещё её номер был последним в списке вызовов.

– Привет, – сказал я и не узнал свой голос: таким опустошённым он был. – Не хочешь прогуляться?

– А ничего, что уже одиннадцатый час? – язвительно ответила

Вика, и я понял, что дело было вовсе не в позднем времени. Я обещал позвонить, но с тех пор прошло уже полторы недели. Женщины такого не переносят.

– Прости. Правда, прости. – Я хотел было повесить трубку, но перспектива вновь остаться наедине со своими мыслями заставила гордость заткнуться. – Если честно, мне очень хреново.

Я вызвал такси и приехал в парк возле её дома. Полночи мы гуляли, разговаривая о незначительных вещах. Как ни странно, это помогало. Воспоминания о медленной и унизительной смерти внутри целлофанового мешка отступали, как отступает тревожный сон вместе с рассветом.

«Это была ошибка, разовый промах», – говорил я себе и почти верил в это. Тут речь зашла о моей новой книге, и я с оживлением принялся пересказывать сюжет.

– Всё это так необычно, – заметила Вика. – Откуда ты берёшь эти идеи?

Знаете, какая самая мучительная вещь на свете? Иметь секрет и не иметь возможности им поделиться. Я очень хотел рассказать Вике о «НОМАДе», Марке и Анлафе Прозаке, но что-то подсказывало мне, что тогда нашим отношениям крышка. Вика была из тех людей, которые твёрдо стоят на ногах. Слишком твёрдо, чтобы поверить в воплощения и путешествия между мирами. Поэтому я просто улыбался и говорил, что сам всё придумал. Такой вариант вполне устраивал нас обоих.

Наше спонтанное ночное свидание закончилось тем, что Вика уснула у меня на плече. Мы сидели на скамейке, что притаилась в тени аллеи на проспекте, и первые солнечные блики скользили по нашим лицам. Было утро понедельника, и ленивые автобусы с сонными пассажирами тихонько плелись по своему маршруту. Я понимал, что должен разбудить Вику, чтобы она не опоздала на учёбу, но уходить так не хотелось. И дело было даже не в близости очаровательной молодой девушки – я чувствовал, что снова живу, и это было прекрасно.

Неожиданно мое расфокусированное зрение зацепилось за что-то на противоположной стороне проспекта. Знакомое слово запустило во мне целую бурю переживаний, и если бы не Вика, доверчиво дремавшая где-то в области подмышки, я наверняка вскочил бы с места.

«Издательство "Вектор"» – гласила вывеска на невзрачном сером здании. Несомненно, я слышал о нём, единственном крупном издательстве в Ростовии. Так почему же я до сих пор не отправил туда рукопись? Может быть, это знак?

Вскочив с места, я начал трясти Вику, чтобы она поскорее проснулась. Да, я выглядел полным болваном, запихивая

девушку, которая провела со мной ночь, в маршрутку до универа, но против своей интуиции, которая выла, словно банши, не мог устоять. Очнувшееся ото сна чутьё подсказывало мне, что самое важное сейчас – это отправить фрагмент книги в «Вектор». И сделать это нужно было сегодня и как можно скорее.

Вернувшись домой, я не стал тратить время на душ и обед: со скоростью стенографиста я накатал синопсис и аннотацию и отправил отрывок по указанному адресу. Всё, казалось бы, можно было выдохнуть. Но нет. Телефонный звонок раздался минут через пятнадцать.

Должно быть, сегодня и правда был мой день, потому что бодрый голос на том конце провода произнёс:

– Монастырский? Это вы только что отправили отрывок из книги… как же её?

– «Оккупанты». Да, это я, – отчётливо проговорил я, обливаясь потом.

– Знаете, что я вам скажу? – Собеседник явно торопился. – У книги есть потенциал. Продолжать планируете?

– К-конечно, – запнулся я. – Я уже… ну то есть…

Здесь я сделал паузу и мысленно обругал себя за полнейший идиотизм.

– Вам повезло, молодой человек, – ответил мужчина. – План на ближайшие два года уже сформирован, но я сегодня последний день работаю – почему бы не дать вам шанс? Внесу вас в список на май, если, конечно, успеете закончить до первого октября.

Первое октября было чуть больше, чем через два месяца! Смогу ли я закончить книгу так быстро?

– Я успею, – уверенно сказал я своему таинственному покровителю.

– Вот и отлично. – Собеседник хмыкнул. – Приезжайте в издательство часа в два. Подпишем договор, и получите аванс.

Мы попрощались, но я ещё долго вслушивался в тишину в трубке. Неужели всё это происходит со мной?

Аванс оправдал мои ожидания. Он не был большим, но это и понятно: кто поставит на новичка крупную сумму? И всё же этих денег должно было хватить на два с половиной месяца приличного существования. Вопрос был в другом: хватит ли у меня запала довести до конца ещё совсем сырую книгу? Что будет, если Марка убьют, и лавочка гениальных идей прикроется? Я старался не думать об этом. Сейчас у меня было главное – договор с издательством, эта мечта миллионов пишущих в стол графоманов, которую мне так легко подарила судьба. И я не должен был, нет – не имел права! – взять и профукать этот шанс.

Итак, цели были ясны, а приоритеты расставлены. Пора было смахнуть пыль с «НОМАДа» и узнать, как там дела у Марка.

На этот раз я чётко представил его реальность, а также те ощущения, которые испытывал в теле мальчонки: лёгкость принятия решения, живость, любопытство, способность удивляться. Весь тот набор эмоций, доступный лишь в детстве и крайне редко – во взрослом возрасте. Несмотря на сложное положение, Марк был счастливым, и это состояние передавалось и мне.

Я не ошибся с миром. Скажу больше, с тех пор я никогда не ошибался, так как научился точно формулировать свои запросы. Случай с реальностью Прозака многому научил меня, в том числе и тому, что моя нынешняя жизнь далеко не так плоха, как мне иногда казалось. Я не ошибся с миром, но слегка удивился, обнаружив себя за ленточным конвейером.

Несколько минут понадобилось мне, чтобы вспомнить «предыдущую серию». Ах да, Марка отдали распределённым родителям. Значит, теперь он находился в свободном от внеземной оккупации городе и… собирал детальки?

Признаться, я испытал некое разочарование. Моё чутьё, интегрированное с личностью Марка, подсказывало, что я тут не первый день. Как долго это продлится? Если я буду прозябать на заводе, какой прок от этого будет для книги? Где же пришельцы, где межпланетные конфликты? Я стоял и смотрел, как по ленте бегут железные болванки, а в душе мечтал, как тогда, убегать от смертоносных слизистых капель.

«Это не твоя жизнь, не забывай, Ян», – напомнил я себе. Безусловно, для мальчика было лучше оставаться в безопасном месте…

Удар в челюсть быстро вернул меня с небес на землю. В самом прямом смысле. Я упал на пол, ощущая реальную боль в черепе, доселе не тронутом ни одним кулаком в мире.

– Работай, беженец! – рявкнул ударивший меня худощавый паренёк в кепке. На самом деле он употребил другое слово, нечто среднее между «вонючий раб» и «сбежавший от соседей таракан», но аналогов в ростовийском языке я не нашёл.

Я лежал на полу совершенно растерянный, и лишь детальки на моём конвейере продолжали медленно ползти под завесу резиновых шторок.

Парень остановил ленту и рывком поднял меня с земли. Он был выше Марка на две головы и, судя по всему, пользовался авторитетом среди остальных: краем глаза я заметил обращённые на меня сочувствующие взгляды.

– Переделай тут всё, щенок! А то останешься без обеда, –

процедил он мне в лицо. Вместо «щенка» он тоже употребил другое слово, но оно было настолько унизительным, что я снова не смог подобрать аналогов.

Понятно. Значит, Марк стал жертвой буллинга. Я встал за конвейер, понятия не имея, что мне нужно делать. Огляделся по сторонам: девочка в платочке, повязанном на манер банданы, ловко брала одну болванку с ленты и проверяла её пригодность при помощи небольшого пистолета. Когда над деталькой загорался зелёный огонек, она клала её обратно, и всё повторялось по новой.

Заметив, что я смотрю на неё, девочка едва заметно улыбнулась и кивнула на ленту – мол, работай, а то опять отхватишь.

В цехе нас было человек двадцать, не меньше. Часть производства была автоматизирована: большие роборуки делали то, что человеку было не под силу. Возле чёрного входа курили «деды», как я мысленно назвал их. Группа парней и девушек дерзкого вида, в числе которых, разумеется, был и тот самый тип, что ударил меня. Большинство работников были беженцами, за исключением той самой девочки и двух мальчишек моего возраста. Откуда я знал это? Это знал Марк; я лишь чувствовал своеобразный «запах гари», исходящий от беженцев. Переселенцы бежали от войны, из мест, где господствовали *иные*, и это наложило на них отпечаток.

За несколько сессий я освоился. Детали, которые мы, дети, собирали, были фрагментами летательных аппаратов, которые Югорыча (так назывался свободный город) поставляла на фронт. Так что с натяжкой можно было сказать, что я тоже внёс свой вклад в войну с оккупантами. В перерывах ребята пытались расспрашивать о том, как я выжил и оказался здесь, но я предпочитал отмалчиваться, и от меня вскоре отстали. Гнедас, тот самый местный «авторитет», больше не махал кулаками, но каждый раз, проходя мимо, окидывал меня презрительным взглядом.

– Мне кажется, или он меня за что-то ненавидит? – спросил я у Аги, девочки в косынке.

– Гнедас недолюбливает всех переселенцев, потому что они едят нашу еду и занимают место, предназначенное для нас, – честно ответила Ага. – Но ты прошёл через огонь и воду и всё равно не помер. Здесь все знают твою историю. Гнедас просто завидует.

«Как можно завидовать тому, что пережил Марк? – подумал я. – И всё-таки мне повезло с воплощением. А то мог оказаться каким-нибудь Гнедасом».

⁂

Шли недели, но ничего не менялось. Я работал на заводе, иногда болтал с Агой, которой явно нравился, а втайне мечтал, чтобы пришельцы добрались и до Югорычи, ибо время, отпущенное мне на книгу, неумолимо истекало.

К своему позору, я не мог сочинить достойного продолжения. Все идеи, которые я испробовал, были либо избиты, либо не вписывались в общую картину описанной вселенной. Марк Гугения не был тем самым архетипическим героем, который объединяет вокруг себя армию сопротивления. Не был он и героем-любовником в силу своего возраста. Всё то грандиозное, что он мог сделать в рамках книги Яна Монастырского, – это по-стахановски закончить годовую норму деталек за несколько месяцев.

Я начал относиться к своей работе халатно, и Гнедас снова докопался до меня, на этот раз вместе со своими друзьями. Его речь изобиловала местным сленгом, поэтому моему мозгу приходилось проделывать огромную работу, чтобы переводить то, что он говорит. Я тормозил, и Гнедас бесился ещё сильнее.

– Эй, рыбёшка! – кричал он, всякий раз завидев меня. Оказалось, что фамилия Марка переводится как «рыба». – Не хочешь немного поплавать?

После этого Гнедас под дружное гоготание своих друзей поливал меня кипятком, опрокидывал прямо под ноги помойное ведро или выливал стакан компота за шиворот. Я молча выносил всё это, боясь сделать хуже Марку… хотя кого я обманываю? Я никогда в своей жизни не сталкивался с травлей и считал, что в моём возрасте учиться уже поздно. В надежде, что Марк сам как-нибудь справится с буллингом, я молча проглатывал все унижения, хоть и чувствовал себя донельзя паршиво.

– Почему ты не поставишь его на место, Марк? – спросил как-то мой приятель по имени Нетачин.

– А я что, могу? – удивился я.

– Разумеется. – Нетачин фыркнул. – Где ты и где этот отморозок Гнедас. Он всю жизнь просидел в Югорычи и даже пороху не нюхал. А ты…

Да-да, я уже понял, что был местной непризнанной звездой. В тот момент мне и в голову не пришло, что «приятель» может подначивать меня, чтобы увидеть нашу схватку с Гнедасом. Дело было в том, что в последнее время меня мало что интересовало. Краем уха я подслушал, что угнетатели заняли ещё два города на востоке и теперь со всех сторон стягивают свои корабли к Югорычи.

Я прислушивался к каждому грохоту за дверью завода. Любой крик, любой звон колокола на площади заставлял сердце биться чаще. «Вот сейчас точно», – думал я, словно пассажир самолёта, который каждую турбулентность принимает за начало крушения. Но грохот растворялся в монотонном гуле конвейеров, и я принимался ждать нового случая.

Тем временем в реальном мире появилось ещё одно обстоятельство, тормозящее мою писательскую деятельность. Милое такое обстоятельство по имени Вика. Несколько раз в неделю мы ходили куда-нибудь: на выставки, в кино, кафешки, один раз даже съездили на пикник. Мы очень приятно проводили время, и я говорил себе, что наши отношения почти идеальны: Вика не требовала подарков, не ревновала, могла даже заплатить сама за себя. Она была без ума от меня, а я… послушайте, когда девушка без ума от тебя, разве надо что-то ещё?

Но каждый раз, когда она предлагала мне встретиться или я звонил ей, решив, что «пора», совесть в лице Марка Гугении говорила мне: «Эй, брат, а не боишься пропустить что-то интересное?» Всякий раз после свидания я хватался за «НОМАД» и проверял, что там с моим воплощением. Обычно Марк безмятежно спал или работал на заводе, и голос моей совести на время успокаивался.

Порой мне казалось, что я должен рассказать обо всём Вике. Возможно, тогда она поймёт, почему иногда мне нужно пораньше уехать или провести эти выходные дома. Но я не мог подобрать нужных слов.

«Вик, ты знаешь, есть один мальчик, за которым мне надо приглядывать. Кстати, это я сам». Фраза, достойная клиента психбольницы. И всё-таки я знал, что рано или поздно этого разговора не избежать. Я не ошибся.

В этот день всё шло как обычно: Марк стоял у конвейера, а набившие оскомину детальки медленно ползли из одной бесконечности в другую. Бывало, что от многочасовой работы перед глазами всё сливалось, и лента с болванками превращалась в уроборос – змею, кусающую себя за хвост. Вскоре я услышал несколько возгласов во дворе, но почему-то не придал им значения. И только когда крики людей стали громкими и настойчивыми, я встрепенулся. «Началось!»

Рабочие уже бежали к дверям. Пробившись вперёд, я высунул лохматую голову на улицу, но тотчас же чья-то рука ухватила меня за ворот рубашки. Разумеется, это был Гнедас.

– На место! – сквозь зубы прошипел он и отбросил меня назад. – Всем занять свои места!

В эту секунду зазвонил колокол на площади. Три коротких

удара, что означало интервенцию.

Крики во дворе слились в единый вой. Где-то разбилась витрина, испуганно заржала лошадь.

– Гнедас, это они, – спокойно сказал парень с забинтованной рукой. – Пора уходить.

Взгляд «авторитета» с ненавистью скользил с одного лица на другое. Гнедас понимал, что его власть здесь закончилась: перед лицом реальной угрозы народ ничего не побоится и растопчет его как насекомое. Он молча сплюнул себе под ноги и дёрнул за рычаг всеобщего оповещения. Зазвенел звонок, точно в школе, и рабочие принялись покидать здание завода через запасной выход.

Моё запястье обхватили чьи-то холодные пальцы. Это была Ага.

– Давай держаться вместе, – попросила она, и я неуверенно кивнул. Сейчас, когда началась долгожданная заваруха, мне не нужна была обуза. Но я не мог оставить ту, которая нуждалась во мне.

Было волнительно. Как перед экзаменом или важным мероприятием, к которому ты готовился не один месяц. Мы дождались своей очереди на выход и бросились бежать. Ага предложила идти к вокзалу, но я не мог просто так слинять. Кто знает, когда ещё выпадет возможность увидеть интервентов?

– На главную площадь, – сказал я и потянул девочку за собой.

Мы влились в поток бегущих людей, и я запоздало понял, что больше не перевожу их речь на автомате. Крики вокруг снова превратились в голубиное курлыканье, на этот раз агрессивное, отчаянное.

– Эрлен турлен га! – пророкотал мужчина, в которого мы с размаху врезались. Наверное, он был недоволен, но точнее я не мог сказать: способности полиглота исчезли.

– Марко! Оллонго триел са! – крикнула Ага и указала в небо. Всё было понятно без слов. Огромный плоский блин скользил над площадью, снося шпили самых высоких башенок. Отсюда, с земли, было видно, как работают на «тарелке» многочисленные механизмы, какие-то паровые двигатели, вентиляторы, искрят молнии, как в катушке Тесла. Мой внутренний писатель затанцевал от счастья: ещё никогда в своей жизни я не видел более причудливой технологии.

Но, как назло, в этот самый момент моя сессия закончилась. Подача тета-волн остановилась, и меня вырвало из этой реальности точно овощ из грядки.

– Нет, нет, нет! – Я с силой ударил в подлокотники, отчего кресло жалобно скрипнуло. К моему разочарованию, нельзя было запустить очередную сессию немедленно: чтобы попасть в другой

мир, необходима была перезагрузка, а это как минимум пять минут.

Ещё никогда время не тянулось так медленно. Я грыз ногти, я ходил по комнате, точно лев в клетке, и изо всех сил надеялся, что не пропущу чего-нибудь этакого. Но больше всего я боялся, что Марка убьют. Просто потому, что тогда и мне будет крышка.

«НОМАД» мигнул зелёным огоньком, и я молниеносно оказался в кресле. Вдох через нос, выдох через рот, концентрация на нужной вселенной… Поехали!

Кое-что я всё-таки пропустил. Не знаю как, но Гнедас подкараулил меня и теперь тащил куда-то за шкирку. Голова сильно болела, а из носа текла кровь: должно быть, этот мерзавец разбил его.

Аги не было поблизости, а те редкие люди, что попадались навстречу, предпочитали не вмешиваться в дела «съехавшего» типа, который решил напоследок прикончить ненавистного парнишку. Возможно, я чего-то не знал и конфликт между ними был гораздо глубже, но теперь это было неважно. Уже не пришельцы, а какой-то псих собирался убить меня, и это мне крайне не нравилось.

Я принялся брыкаться и вырываться, точно зверь, которого хотят посадить в клетку. Но, как ни крути, Гнедас был сильнее, несмотря на весь мой пыл.

– Отпусти! Отпусти, ублюдок! – орал я, не знаю уж на каком языке. – Я должен это увидеть! Должен!

Но Гнедас ухватил мою голову на манер гильотины: в таком положении не то что говорить – даже дышать было проблематично. Под моё гневное сопение мы проделали путь от городской площади до каких-то обветшалых дворов. Из одного подъезда выбежала семья с двумя детьми и горой чемоданов. Они спешно принялись размещать своё барахло в багажнике, но корзина с котом никак не хотела помещаться, после чего её решили бросить.

На нас никто, разумеется, не обратил внимания.

Увидев, куда эта гнида тащит меня, я что есть силы замотал головой. Мой кадык устремился в направлении позвоночника, вытаращенные глаза готовы были лопнуть, а из горла послышался страшный рык удушаемого животного. Гнедас тащил меня к мусорным бакам, намереваясь скинуть в один из них.

– Нет! Нет! – пытался кричать я, но получалось только: – Грхе-е, грхе-е…

Спустя несколько секунд я очутился внутри омерзительного, пахнущего помоями чрева. Парень швырнул меня в один из баков и закрыл крышку, а сверху навалил кирпичей, так, чтобы я не

смог выбраться. Единственный плюс: я мог снова дышать, хоть воздух здесь и был пропитан блевотиной до рези в глазах.

Я услышал телефонный звонок. Не здесь, в своём сознании, точнее, в своей реальности. Это было так странно, что в какой-то момент я просто уселся в кучу влажных помоев и принялся вслушиваться в странный звук, доносящийся из собственной головы.

«Это из издательства, точно из издательства», – почему-то подумал я. И совершил страшную непоправимую ошибку. Я скомандовал: «Назад».

Звонила Вика.

– Ян, привет, мы могли бы встретиться сегодня вечером? – как всегда, не дожидаясь моего ответа, выпалила она.

– Нет.

– Нет?

– Нет, – повторил я. Чёрт возьми, что же я делаю?!

Я швырнул телефон на диван и кинулся к «НОМАДу». Дьявол, как я и думал: сессия завершилась, и теперь устройство вновь надо было перезапускать.

И снова пять минут показались мне целой вечностью. Ну надо же! Два таких нелепых выброса именно сегодня! Я ругал Вику последними словами, потому что, если бы не она, я бы… Уж не знаю, как минимум, остался бы в куче помоев, но зато в нужной реальности.

Когда прибор был готов к работе, я уже сидел в кресле с лентой на голове. Но моя радость была недолгой. Мир не пустил меня. Вот так просто. Я сделал десять попыток, потом двадцать, но снова и снова натыкался на невидимую стену. Черноту. Меня выносило обратно в свою реальность, словно Марк…

Нет, боже мой, только не это! Чуть ли не плача, я принялся листать инструкцию… Так, где-то это точно было…

«Ошибка № 380: мир не пускает вас. Вероятная причина № 1: гибель воплощения».

Сегодняшний день поистине был провалом.

Я сидел на полу и плакал от бессильной злобы. Я разбил телефон и хотел было разбить «НОМАД», но остатками здравого смысла понимал, что он мне ещё пригодится.

А ещё мне было жаль Марка. Я надеялся, что он умер быстро: от кислотных капель или от ослепительной, уничтожающей всё живое вспышки, которую он даже не увидел бы, потому что сидел в мусорном баке.

Выпив три чашки кофе и съев две таблетки парацетамола, я подсчитал то, что осталось от аванса. Двадцать тысяч рублей. Даже если я займу у друзей, мне всё равно не отдать издательству

то, что я уже потратил. Нужно было дописать книгу во что бы то ни стало.

Глава 4. Варны

Колония «Райская обитель»

Часы РУТ-81 и ТиТ-5 запиликали одновременно.

– Боже мой, уже столько времени! – ТиТ-5 вскочил с камня.

– «Божимой» – что это значит? – удивилась его напарница, всё ещё зачарованная рассказанной историей.

– Это значит, что нам хана, если не улетим вовремя, – пояснил андроид, глядя на уходящее в закат солнце. Оставался ровно час до момента, когда оба светила этой планеты сядут, и тогда вместе со звенящим холодом придут ночные обитатели, которые стащили у варнов уже не одного мусорщика.

– Божимой, божимой, – пробормотала себе под нос РУТ-81 и, поднеся к уху коммуникатор, произнесла: – Лети сюда, Верзила!

Верзилой звали здоровенного робота-копателя. Такие полагались каждой команде мусорщиков: они делали грязную работу вроде раскопки подземных шахт, а также поднимали из-под слоя пыли то, что андроидам поднять было не под силу. Обычно копатели были безликими, обделёнными интеллектом машинами, когда-то давно вышедшими из-под станка одной большой партией, но РУТ-81 и ТиТ-5 повезло. У них был Верзила – особенный грузчик со своим именем.

– Не могу засечь ваши координаты, РУТ-81, – доложил грузчик. – Приступаю к визуальному поиску.

– Что ты несёшь?! – выругался ТиТ-5. Не имея точных координат, высматривать двух мусорщиков в огромной выжженной пустыне – всё равно что искать иголку в стоге сена.

– Ладно, ладно, я пошутил. Я вас вижу, – серьёзно сказал Верзила. Если бы он мог усмехаться, то непременно сделал бы это.

ТиТ-5 и РУТ-81 переглянулись: для простого грузчика у Верзилы был слишком высокий уровень юмора. Довольно специфического, надо сказать. ТиТ-5 взобрался на обломок наполовину засыпанного песком летательного аппарата и взглянул вдаль. Линзы в его глазах еле слышно щёлкнули – взгляд мусорщика фокусировался на горизонте.

– Вижу. Летит на всех парах, – доложил он, прищурившись. Верзила нёсся навстречу в облаке красно-коричневой пыли,

которую выбивали из земли его лопасти.

Варны частенько жаловались на эту пыль: мол, забивает нос, глаза слезятся, а после пребывания на поверхности во рту горьковато-солёный привкус. Как у крови. Что ж, варнам виднее, они органические существа и питаются сырым мясом. Организм андроидов усваивает только энергопунш, а их вкусовые рецепторы не рассчитаны на гастрономические изыски. Можно выбрать шоколадный, клубничный или банановый вкус энергопунша, вот только как ТиТ-5 ни старался, так и не смог вспомнить, какой из них какой.

– Писатель, я хотела бы услышать продолжение рассказа, – сказала РУТ-81, прислонившись к обломку. Андроид с сомнением покачал головой. Варны не поощряли неформальное общение между мусорщиками, но ему самому хотелось закончить историю, так что…

– Попробуем встретиться сегодня вечером, – наконец сказал он.

Верзила порадовал хорошими новостями: сегодня он расчистил от завала несколько этажей крупного здания, и уже завтра они могли приступить к обыску. Но сейчас пора было возвращаться на корабль, и андроиды, устроившись на спине у грузчика, словно наездники на чешуйчатой спине дракона, оставили место раскопок остывать под последними лучами солнца.

– Гони к челноку, Верзила, – сказала РУТ-81. – Через десять минут здесь будет очень холодно.

– Слушаюсь. В крайнем случае можете распороть мне брюхо и переждать холод в теплоте моего чрева, – на полном серьёзе предложил робот. Хотя на другую интонацию его голосовые связки были просто не способны.

– Кто научил тебя всему этому? – удивился ТиТ-5.

– Ха-ха-ха. – Металлический голос робота прозвучал устрашающе. – Что, если я скажу, что вы не первые мои рабы?

– Хватит на сегодня остроумия, Верзила. – РУТ-81 постучала по его цилиндрической башке.

ТиТ-5 хмыкнул себе под нос. Ну надо же: Верзила знал эпизод из известного фильма. Неужели здесь когда-то были люди из его, Яна Монастырского, первоначального мира? А может быть, даже из Ростовии? Нет, бред. Вероятность этого ничтожно мала, все равно что двум муравьям повстречаться в бескрайнем космосе. А может быть, Джордж Нукас и его «Галактические войны» популярны и в других реальностях тоже? Надо будет порасспрашивать у мусорщиков.

В «Райской обители» не принято рассказывать о своих мирах.

Каждому отбывающему наказание преступнику было проще думать, что пуповина, связывающая его с прошлым, навсегда разорвана. Нет пути домой – и точка. И только ТиТ-5 и РУТ-81 принялись бередить свои раны, пустившись в воспоминания.

Челноки стягивались к кораблю, стоявшему на орбите. Это был огромный муравейник, состоявший из множества уровней, доков, грузовых и жилых отсеков. Ещё никогда ТиТ-5 не удавалось осмотреть корабль целиком – настолько огромным он был.

Его построили варны – владельцы мусорщиков, торговцы, чья планета находилась в десятках световых лет отсюда. «Райская обитель» хоть и была основательно загажена, открывала поистине безграничные возможности для промысла. Родий, платина и другие элементы, содержащиеся в предметах быта почивших обитателей планеты, стоили невероятных денег. Именно поэтому варны надолго обосновались на здешней орбите. Ну а мусорщики… мусорщики работали на них, параллельно отбывая наказание за совершённые межпространственные преступления. ТиТ-5 слышал, что существуют и другие колонии в иных, более агрессивных реальностях, но считал, что ему повезло, вовсе не поэтому. Здесь была РУТ-81.

– Что ж, хорошего вечера, Пис… ТиТ-5. – Женщина-андроид похлопала его по плечу. – Ударно поработали сегодня!

Вообще-то нет, но двое варнов стояли поблизости, поэтому пришлось немного приврать.

– Да, доброй ночи, РУТ-81, – ответил ТиТ-5. – Увидимся завтра.

Нужно было сделать вид, что они расходятся по корпусам, как это и полагалось по протоколу. Андроиды женского и мужского пола жили отдельно, хоть и не имели внешних отличий по половому признаку. Кстати, как и варны.

Представьте себе двухметровых откормленных лягушек с мощными задними лапами и слабыми передними. Получилось? А теперь добавьте к этому образу длинный балахон на манер персидского халата и высокую торбу на голове. Именно так и выглядели эти торговцы-кочевники. В своём мире они были высшей кастой, поэтому ко всем остальным формам жизни относились с терпеливым снисхождением. До мусорщиков особо не докапывались, кроме разве что некоторых варнов, мечтающих получить повышение по службе.

– Чтобы сказать «пока», нужно не больше двух секунд, – раздался за спиной у андроидов гнусавый голос Ларса. – А ну живо по корпусам!

Два раза повторять не пришлось: РУТ-81 и ТиТ-5 быстро

разошлись в разные стороны. Подполковник Ларс был одним из самых неприятных типов на корабле. Мечтая выслужиться, он пуще всех остальных следил за дисциплиной и, разумеется, регулярно находил нарушителей протокола.

«Главное, не давать ему повода подозревать нас», – думал ТиТ-5, проходя в моечную капсулу. Это была ежедневная процедура после работы «в поле»: специальный раствор очищал от пыли синтетическую кожу киборгов, после чего она покрывалась масляным бальзамом. «Интересно, сколько стоит моя жизнь?» – думал ТиТ-5, втирая в кожу остатки масла, пахнущего ненатуральной хвоей. Варны заботились обо всём, что было связано с телами мусорщиков: обеспечивали питание и отдых, условия труда и гигиену. Но любому существу, обладающему разумом, нужно кое-что ещё.

Общение и дружба разрешались, но не поощрялись. Из развлечений здесь были только фильмы один раз в неделю, и то скорее технического, чем художественного содержания. Например, про бурение скважин. Хотя, возможно, лягушки думали, что это интересно.

Книг здесь не было, к величайшему сожалению Писателя. Даже инструкцию по безопасности им каждое утро зачитывал бестелесный женский голос. Дикторша съедала окончания слов и неправильно ставила ударения. Поначалу это жутко бесило Писателя, но потом он начал повторять за ней ради забавы:

– КаждОму мусОрщик полАгается носит солнцезащит Очки в днЕвное врем.

Вечером был другой голос, мужской. Он говорил правильнее, и это не так резало уши. А ещё он желал спокойной ночи. ТиТ-5 хотел бы, чтобы спокойной ночи желала девушка, но это было так же невозможно, как изменить орбиту Луны. Лучше было даже не подходить к варнам с таким вопросом: они либо не поймут, либо вкатят смену вне очереди.

«19:30 – возвращение в отсек» – есть!

«19:35 – мойка» – есть!

«19:59 – приём энергопунша» – есть!

ТиТ-5 обозначал выполненные действия в электронном журнале. Следующий час был отведён на любой из доступных видов досуга: фильм (строка была неактивна, значит, сегодня фильм посмотреть не удавалось), коммуникации в фойе (должно быть, варны имели в виду «общение») и одиночество. Последний вариант был просто идеален для интровертов. Три года назад ТиТ-5 без раздумий выбрал бы его, но времена меняются. Ещё никогда его так не тянуло к простому человеческому общению, как сейчас, когда он фактически перестал быть человеком.

Андроиды-мужчины и андроиды-женщины обитали на разных половинах корабля. Их фойе для «коммуникаций» не сообщались между собой, а это означало, что проводить свободное время вместе они не могли. ТиТ-5 не понимал, почему варны запрещали неформальное общение между представителями противоположного пола, ведь «в поле» они всё равно работали вместе. Ладно, должно быть, это одна из тех лягушачьих штучек типа фильмов про бурение. Разным видам никогда не понять друг друга.

Но запретный плод был сладок, поэтому сегодня Писатель собирался проникнуть на женскую половину.

«Чтобы закончить рассказ, разумеется», – говорил он себе.

Отметив в журнале, что он собирается провести досуг-час в одиночестве, Писатель отправился на вылазку. Он прошёл фойе насквозь, стараясь не контактировать с другими мусорщиками, которые, развалившись в креслах, играли в отупляющие игры типа костей или «Камень-ножницы-бумага».

– Давай с нами, ТиТ-5, – позвал его ДЭрМ-11.

– Не сегодня, друг, – покачал головой ТиТ-5, притворившись, что он смертельно устал. – Хочу немного побыть один, понимаешь?

– Понимать-то понимаю, вот только твой отсек в противоположной стороне, – заметил ДЭрМ-11, сверля его сверкающими голубыми глазами.

Иногда ТиТ-5 начинало казаться, что ДЭрМ-11 слишком хорошо его знает.

– Верно, – улыбнулся Писатель и пошёл в обратную сторону. А что ещё делать? Среди мусорщиков не было стукачей, и всё-таки лишние подозрения были ему ни к чему.

Но просто так он сдаваться не собирался. На женскую половину был и другой путь – через технический уровень.

Там работали гуны – ещё одни твари с планеты варнов. Тогда как варны гордо несли своё лягушачье тело на сильных лапах, гуны передвигались опасливо, точно крысы. Тела гунов были сплюснутыми, словно они только что вышли из-под пресса, а характер и вовсе премерзкий. В кастовой системе варнов они стояли ниже лягушек, но выше мусорщиков, поэтому к последним относились как к грязи. ТиТ-5 шёл мимо, а они посматривали ему вслед своими маленькими, глубоко посаженными глазками, словно говоря: «Мы не знаем, кто ты, но ты нам не нравишься».

В любой другой раз ТиТ-5 непременно рассмотрел бы технический уровень поближе. Корабль, построенный варнами, не имел ничего общего с теми космическими кораблями, которые строили на его исторической родине. Насколько ему было

известно, варны использовали энергию, полученную в ходе аннигиляции вещества и антивещества, чтобы перемещаться из одной галактики в другую. Он не помнил, было ли антивещество открыто в его реальности – честно говоря, ТиТ-5 увлекался физикой лишь на уровне Рустернета и только тогда, когда ему нужно было описать какой-нибудь термин для своей книги. Но одно дело – читать о гипотетическом фотонном двигателе, и совсем другое – находиться от него в паре метров. Любопытно было до жути, впрочем…

«Не забывай, что именно любопытство привело тебя на эту планету», – одёрнул себя ТиТ-5 и пошёл дальше под прицелом злых глазок гунов. Половина свободного часа уже истекла, и, если он хотел увидеться с РУТ-81, нужно было торопиться.

Технический уровень вывел ТиТ-5 в длинный коридор, в конце которого была она – заветная дверь на женскую половину. Андроид радостно ускорил шаг, не смея поверить, что всё оказалось так просто.

Но не тут-то было. Дверь оказалась защищена магнитным замком, доступ к которому, вероятно, был только у варнов.

«Ну а на что ты надеялся?» – мысленно обругал себя ТиТ-5 и приложил ухо к двери. Ему показалось, что он слышит голоса – должно быть, там, за стеной, располагалось фойе для отдыха, такое же, как у них.

– Что ты здесь делаешь?

Бионическое сердце на миг соскочило с ритма. Варн в золотистом балахоне и упирающейся в потолок золотой шапке стоял позади него. На секунду ТиТ-5 показалось, что это Ларс, но этот был на одну лягушачью голову выше подполковника.

– Я… я пришёл навестить подругу, – смело ответил андроид.

Вместо ответа варн поднес к его голове сканер: да, они предпочитали общаться, зная, что за преступник стоит перед ними.

«Идентификационный номер: ТиТ-5.

Исходный мир: X12-Z895-4, Земля.

Прибыл в колонию "Райская обитель": 3 месяца назад.

Преступление: вмешательство в судьбу воплощений, преднамеренное убийство инкарнации.

Срок заключения: пожизненно, до истечения срока эксплуатации или смерти мозга».

Ознакомившись с досье, варн улыбнулся, обнажая белоснежные клыки. ТиТ-5 ожидал, что его обдаст смрадной волной сырого мяса, но дыхание варна было на удивление приятным, словно он только что съел с десяток пригоршней «ТикТака».

– ТиТ-5, тебе известно, что андроидам мужского пола запрещено находиться на женской половине? – Язык варнов напоминал не то кваканье, не то бульканье, но благодаря синхронному переводу ТиТ-5 слышал то, что должен был услышать. Понятную для него речь.

– Правда? – попытался оправдаться ТиТ-5, но быстро понял, что перед лицом этого типа ему не удастся сойти за дурачка. – Этого больше не повторится.

– Ты шёл к своей напарнице? – спросил варн.

– Да… то есть нет! К её знакомой…

«Чёрт! Ну и придурок!» – мысленно обругал себя андроид.

Варн в золотой шапке снова обратился к досье. Дело было плохо. ТиТ-5 подставил напарницу, а виной всему была его патологическая тяга к разного рода авантюрам. Сейчас варн пройдётся по списку, без труда узнает номер РУТ-81, и всё, хана. Им обоим поставят маячки, и тогда никаких тебе разговорчиков и посиделок. Каждое передвижение будет зафиксировано варнами, а это все равно что жить под прицелом Большого Брата.

Но не сегодня. Сегодня андроиду крупно везло.

В динамике варна раздалось бульканье. Примерно с минуту он слушал экспрессивную речь собеседника: эти типы не выносили спешки, и даже самые экстренные сообщения были долгими и обстоятельными, как семейный обед в воскресенье.

– Меня ждут на капитанском мостике, – сообщил несостоявшийся палач ТиТ-5, намекая на то, что андроиду чертовски повезло. – Завтра передашь своей подруге, что генерал Ивар видит всё.

«Генерал Ивар?! Вот ведь чёрт!» – мусорщик растерянно заморгал. Об Иваре ходили слухи как о самом суровом и принципиальном варне на корабле. Кому рассказать – не поверят, что вышел сухим из воды после встречи с Иваром.

Улыбнувшись, генерал затянул пояс на своём золотом халате и направился прочь. Неторопливо, точно за коктейлем на пляже, а не по срочному делу на капитанский мостик.

А ТиТ-5 помчался прочь, думая о том, что это был самый невезучий и одновременно везучий досуг-час в его жизни.

⁂

Следующие несколько дней сгорели так же быстро, как мотылёк, попавший под выхлоп термоядерного двигателя. Верзила обнаружил то, что проморгали специалисты по спектральному анализу, – замурованный под землёй научный

кампус, и теперь андроиды с утра до вечера искали возможность проникнуть туда так, чтобы не вызвать обвала.

Времени на разговоры катастрофически не хватало, да что там – даже обед приходилось совмещать с ужином, благо без подпитки тела мусорщиков могли обходиться сравнительно долго.

Единственным удовольствием (пусть и весьма сомнительным) было слушать по громкой связи, как Верзила напевает себе под нос: «Арам-зам-зам, арам-зам-зам, гули-гули-гули-гули-гули, рам-зам-зам», но через три часа и это начинало надоедать.

ТиТ-5 оставил попытки добраться до РУТ-81 в свободное время. Магнитный замок ему всё равно не вскрыть, а от Ивара во второй раз уйти не удастся. ТиТ-5 не любил сдаваться, но и тактика «упереться рогом» была ему не близка. Поэтому, отложив попытки до лучших времён, он принялся коротать время как все: за просмотром фильмов и играми в домино.

– Почему ты всё ещё здесь? – в один из вечеров спросил его ДЭрМ-11.

– Не понял, – тупо произнёс ТиТ-5.

Свободный час заканчивался, и в фойе остались только они двое.

– Почему не пошёл к ней сегодня? – уточнил андроид, и ТиТ-5 почувствовал, как его бионическое сердце ушло в не менее бионические пятки. Похоже, оправдываться было бессмысленно.

ДЭрМ-11, этот законопослушный выскочка, смотрел на него ясными голубыми глазами. Да, все мусорщики выглядели одинаково, и всё же иногда ТиТ-5 казалось, что глаза ДЭрМ-11 светлее, чем у всех остальных.

– С чего ты взял, что я ходил… туда, куда не следует? – пробормотал ТиТ-5, озираясь по сторонам. «Неужели он донесёт на меня?»

– Опыт, дорогой друг, – усмехнулся ДЭрМ-11. – В своём мире я прожил немало и знаю, как выглядят влюблённые люди.

Последняя фраза смутила мусорщика до невозможности.

– Мы просто общаемся, что тут такого? – Будь он человеком, наверняка обзавёлся бы сейчас двумя пылающими факелами вместо ушей.

Вместо ответа ДЭрМ-11 наклонился к нему и протянул пластиковую карту, покрытую царапинами и трещинами. Это был магнитный ключ.

– Когда-то он принадлежал полковнику Магнусу-младшему, – шёпотом произнёс ДЭрМ-11. – А потом он потерял его и сделал новый. Ну а я сберёг, на всякий пожарный.

ТиТ-5 не знал, что сказать. Он молча смотрел на мусорщика,

но видел не андроида, а пожилого мужчину с окладистой бородой и сеточкой морщин вокруг глаз.

– Спасибо, – наконец произнёс он, пряча ключ от посторонних глаз.

– Иди к ней, – подмигнул ДЭрМ-11. – И если что – я тебе ничего не давал, ты сам нашёл его.

Через несколько минут ТиТ-5 уже нёсся по техническому этажу, сбивая с ног зазевавшихся гунов. Он был так счастлив, что не боялся даже встречи с Иваром или Ларсом: если его начнут обыскивать, то наличие магнитного ключа будет большей бедой, чем несоблюдение территориальной изоляции.

Со скоростью межгалактического крейсера ТиТ-5 миновал обитель гунов и вновь очутился перед дверью, отделяющей его от женской комнаты отдыха. Но на этот раз она не выглядела неприступной: всё-таки чувствуешь себя куда свободнее, когда обладаешь рядом привилегий, даже если это всего лишь магнитный ключ.

«Боже мой, сработало!» – возликовал андроид, когда замок запиликал и тяжёлая дверь наконец открылась.

Как ТиТ-5 и ожидал, женское фойе выглядело точь-в-точь, как… хотя постойте! Вместо костей и домино на столах стояли шахматы и нарды, из динамиков под потолком лилась приятная музыка, и даже освещение было каким-то другим, как в гостиной на званом вечере. Так-так, значит ли это, что варны считают носителей женского сознания более восприимчивыми и, страшно подумать, более умными?

– Да это же дискриминация, – не выдержал ТиТ-5, и несколько андроидов оглянулось.

– Что ты здесь делаешь?!

Это была РУТ-81. И, судя по её округлившимся от удивления глазам, она не ожидала увидеть здесь своего напарника.

– Я же сказал, что навещу тебя, – гордо ответилТиТ-5. Сколько же раз он репетировал эту фразу!

Но РУТ-81 не спешила разделить его восторг. Точнее, восторг был, вот только смешанный с ужасом от того…

– Сколько сейчас времени? – вдруг спросил ТиТ-5, глядя вокруг. Андроиды расходились по своим комнатам, и лишь единицы оставались сидеть за столами или в креслах.

– Свободный час уже закончился, – обречённо произнесла РУТ-81.

– Мне жаль, – произнёс ТиТ-5. Пожалуй, это действительно всё, что он мог сейчас сказать. Он влип по уши, и теперь только чудо могло спасти его от проблем с начальством.

Но у РУТ-81 как раз было в запасе одно такое «чудо».

Оглянувшись по сторонам, мусорщица крепко схватила напарника за запястье.

– Идём, – решительно сказала она. – Спрячу тебя. До утра.

⁂

РУТ-81 привела его в небольшую подсобку. Наряду с бесхозными контейнерами и неисправными капсулами гибернации здесь были вещи весьма прозаичные: швабра, совсем как из мира ТиТ-5, аквариум размером со взрослого человека, не то веер, не то веник из перьев, напоминающих страусиные, и – что порадовало измученную душу Яна Монастырского – бумажный справочник по ботанике планеты Хикс из системы Мёбиус.

РУТ-81 вскарабкалась наверх, ловко ступая на импровизированную лестницу из всякого хлама. Там, под потолком, планировщики корабля умудрились разместить маленький вытянутый иллюминатор. Не говоря ни слова, ТиТ-5 последовал за ней, изо всех сил стараясь не выглядеть неуклюжим болваном с патологической боязнью высоты. Его риск был вознаграждён: из иллюминатора открывался просто потрясающий вид на «Райскую обитель»: красные смерчи свирепствовали над равнинами, артерии высохших рек бороздили выжженную землю, и лишь на полюсе оставалось немного зелени: её голубоватые островки из последних сил боролись с подступающей со всех сторон пустыней.

– Как думаешь, долго ещё варны пробудут на орбите? – спросил ТиТ-5, глядя, как над экватором поднимается песчаная буря.

– Пока не выкачают отсюда все ресурсы, – отозвалась РУТ-81. – Лет пять-десять.

Её лицо выглядело зачарованным, как, наверное, и лицо самого Писателя.

– Хочешь, покажу тебе кое-что? – вдруг вспомнила РУТ-81. Она порылась в одной из коробок и извлекла оттуда миниатюрный плёночный проектор для домашнего кинотеатра.

– В твоём мире были такие? – спросила она.

Ещё как были. Однажды в детстве Ян просил такую штуку на день рождения, но родители подарили ему хомячка.

– Да, но проектор бесполезен без плёнки, – заметил ТиТ-5.

– Есть плёнка. – РУТ-81 радостно закивала. – Всего одна и, кажется, повреждённая, но… попробуем.

Андроид еле слышно хмыкнул: похоже, кое-кто ждал

момента, чтобы посмотреть киношку в хорошей компании.

Пленка действительно оказалась повреждённой: начало фильма было залито чем-то липким, зато середина была целой.

– Давай представим, что мы пропустили всё самое неинтересное, – предложил Писатель, и его напарница весело улыбнулась. Сейчас они были похожи на школьников, которые сбежали с уроков, чтобы поиграть в приставку.

ТиТ-5 спроецировал изображение на потолок и нажал кнопку воспроизведения. И тут же в заваленную хламом подсобку корабля вторглись космические крейсеры злобных пришельцев.

– Ого, – восхитилась РУТ-81, откидываясь на спину. – Как в кино-капсуле.

«Кино-капсула. Словечко из её мира, – подумал Писатель, наблюдая за тем, как режиссёр взял крупным планом искажённое гневом лицо гуманоида. – Интересно будет послушать её историю».

– Кажется, я поняла, – сказала РУТ-81. – Вот это плохие парни. – Она указала на зелёных мохнатых гусениц с бластерами наперевес. – А эти – хорошие.

«Хорошие» были человекоподобными типами с большими головами и гипертрофированными чертами лица. Они напоминали мультяшных кукол и выглядели почти смешно, если не брать в расчёт праведный гнев на лицах. Во время бега они размахивали руками, словно карапузы, которые только научились ходить, а бутафорское оружие в их руках смешно болталось во все стороны.

– Интересно, в какой вселенной живут эти ребята? – спросил ТиТ-5, пристраиваясь на коробки рядом с РУТ-81.

– Кто? Гусеницы?

– Ага, – кивнул ТиТ-5, хотя имел в виду совсем других.

– Наверное, во вселенной варнов. Это же их корабль, – предположила андроид.

– Наверное, – отозвался Писатель. Впервые за долгое время ему было хорошо и спокойно.

Звука не было, но фильм был настолько захватывающим, что всё было понятно без слов. К несчастью, он обрывался так же внезапно, как и начался, – конец ленты был безвозвратно утерян.

– Что ж, значит, пришло время рассказа, – произнёс ТиТ-5. – Ты ещё хочешь услышать продолжение?

В какой-то момент он испугался, что РУТ-81 откажется слушать его мемуары, но увидев, как зажглись её глаза, тут же успокоился.

– Конечно! – сказала она и по-турецки уселась на капсулу гибернации.

Писатель на минуту закрыл глаза. Приглушённый свет помогал расслабиться, а шум вентиляции сглаживал все посторонние шумы – эта подсобка была почти идеальным местом для долгих историй.

– Так, на чём же я остановился? Ах да… Мои сбережения подходили к концу…

Глава 5. Мир Бездны

Мои сбережения подходили к концу. Пару раз я занимал у Вики, чувствуя себя при этом полнейшим неудачником. Кстати, она довольно быстро простила меня за тот инцидент с телефонным звонком. Правда, мне пришлось приврать, что у меня умер лучший друг. В какой-то степени так оно и было.

Я потерял Марка Гугению – свою героическую ипостась, источник вдохновения и идей. Его мир закрылся для меня, но я не мог позволить себе горевать слишком долго: сроки по сдаче книги наступали на пятки вместе с первыми осенними холодами.

Но были и хорошие новости. Я почти закончил рукопись.

Наблюдательный читатель смог бы заметить, что первая половина написана вполне реалистично: дотошные описания места действия, чувств и мыслей главного героя – всё это заставляло поверить в то, что где-то подобные вещи действительно происходят. Поверить и содрогнуться. К несчастью, вторая часть была лишена всей этой глубины, которую мне просто неоткуда было брать. Спустя две недели терзаний я взял себя в руки и скомпенсировал отсутствие идей бессмысленными, но эпичными батальными сценами. Немного подумав, я даже добавил короткую интрижку, ради которой мне пришлось «подрастить» Марка до семнадцати с половиной лет.

Вторая часть получилась пошлой, словно дешёвое кино, и мне было стыдно за неё, но переписывать уже не было времени. Я был рад, что хотя бы не сдался и уложился в сроки.

Звонок из издательства и вовсе наградил меня верой в свой несгибаемый талант.

– Честно сказать, мы весьма удивлены, Ян Викторович, – произнёс человек по имени Виталий Борисович. Его предшественник, с лёгкой руки даровавший мне шанс на счастье, так и остался для меня безымянным благодетелем, поскольку уволился на следующий же день после разговора со мной. – И как только мы проглядели вас раньше?

Я хотел было ответить: «Потому что это моя первая книга», но вовремя прикусил язык. Пусть сокрушаются.

– Рукопись будет издана? – пытаясь усмирить свой дрожащий голос, спросил я.

– Разумеется. Мы поставили вас в очередь, – по-деловому ответил Виталий Борисович.

«В очередь?» – с тревогой подумал я. Я с детства на дух не

переносил очереди, особенно те, которые подразумевали под собой некую конкуренцию. Например, очередь к врачу, который работает только до обеда. Или очередь на прослушивание, когда известно, что роль получит только один человек. И вот ты стоишь и ненавидишь всех этих людей до и после тебя, а они точно так же ненавидят тебя. А ещё вот эта фраза: «Кто последний?! За вами буду!» Бр-р-р, просто ножом по сердцу.

И хотя в данном случае вопрос об издании моей книги был скорее вопросом времени, сама идея о том, что придется отстоять в очереди за счастьем, оставляла неприятный осадок.

– И когда меня издадут? Хотя бы примерно? – спокойно спросил я, но в голосе так и сквозила обида.

– Так, – произнёс собеседник и замолчал на неопределённое время. – Примерно… э-э-э… Примерно весной.

Супер. Просто прекрасно, лучше и быть не может. И на что мне жить всё это время?

Должно быть, Виталий Борисович расценил моё обиженное молчание как вопрос.

– Могу предложить вам вот что, – сказал он. – Пишите новую книгу. Получите аванс и бонусы от издательства, а весной, глядишь, и роялти с продаж подоспеют. Как вам идея?

Конечно, я мог бы отказаться, потребовать издания книги вне очереди, раз уж я такой классный. Но понимал, что мне просто чёртовски повезло и лучше уж помалкивать, чтобы не спугнуть удачу.

– Идея отличная. Меня всё устраивает, – ответил я в трубку.

– Вот и ладушки, – сказал Виталий Борисович, словно говорил не с писателем, а со своим внучатым племянником-годовасиком. – Ждите звонка.

Он повесил трубку. Я поймал в зеркале своё отражение, сгорбленное напряжённым телефонным звонком, и на ум мне пришло определение: «писатель хренов». По-моему, оно невероятно точно описывало меня настоящего.

– Вот тебе и ладушки, – разочарованно сказал я самому себе. На душе было паршиво.

⁂

Первое октября принесло с собой первые настоящие холода. Только что я отнёс свою рукопись в издательство и получил за неё остаток аванса. Тридцать тысяч рублей. Можно было и порадоваться, если бы я не был столь морально измотан. Я потратил на «Оккупантов» все душевные силы, и теперь моё

истощённое творческое депо требовало скорейшего восстановления. Именно поэтому я пошёл на своё проверенное место силы – старую железную дорогу.

Она скрывалась за гаражами, засыпанными мокрыми осенними листьями, схваченными первым морозцем. Я перешагнул через рельсы, по которым уже много лет не ходили поезда, и пошёл вперёд, стараясь ступать исключительно на шпалы. Приходилось идти либо слишком быстро, либо делая неестественно большие шаги, и такой темп мне быстро надоел. Тогда я просто уселся на железки и закурил.

«Последняя», – в который раз сказал я себе.

Нужно было начинать новую книгу, а я не брался за «НОМАД» с момента гибели Марка. Захочу ли я вновь пережить этот потусторонний страх? Бегство, разборки с «авторитетами», смертельные болезни? В чьём теле я окажусь в очередном мире? Может быть, в теле женщины?

Я выпустил в ясное небо поток дымного воздуха и огляделся по сторонам. Вот старая водонапорная башня, вот домик сторожа, который круглые сутки смотрит телевизор. Я хорошо знаю это место. Хорошо знаю этот мир.

Я знаю, что, сколько ни сиди на рельсах, поезд не пойдёт, потому что железная дорога не функционирует уже много лет. А новая реальность – это каждый раз выход из зоны комфорта, и хотя модные журналы и книги по психологии говорят, что это полезно, все мы чёртовски не любим её покидать.

Почти докурив, я вдруг заметил, что заросший травой железнодорожный светофор горит красным. Это было столь же неожиданно, как если бы из-за поворота прямо на меня выехал поезд. Я кинул непонимающий взгляд на будку сторожа, потом ещё раз на светофор. Он, паразит, всё так же горел, хоть я и был уверен, что раньше не замечал за ним каких-либо признаков жизни. Мне стало не по себе, совсем не по себе. Я прислушался, но услышал лишь, как в нескольких кварталах отсюда заколачивают сваи. Поезд не приближался, но светофор горел.

Затушив сигарету, я вскочил со своего места и направился прочь.

«Наверное, он просто сломался», – утешал я сам себя, но тихий-тихий голосок внутри говорил совершенно другое:

«Признайся, что ты ничего не знаешь об этом мире, приятель».

Вечером мы встретились с Викой. Сегодня было ровно три месяца с момента нашего знакомства, и мне хотелось как-то отметить эту дату. Например, в дорогом ресторане. К моему удивлению, она отказалась принимать долг, и я посчитал делом

чести хорошенько накормить её. Напоить, а затем организовать увлекательнейший досуг в своей спальне.

– За твой первый успех, – сказала Вика, поднимая бокал вина.

– Я думал, мы празднуем наши три месяца, – смутился я.

– Да брось. – Виктория улыбнулась той самой томной кошачьей улыбкой, от которой у меня дрожали колени. – Твоя книга будет издана – разве за это не стоит выпить?

Честно говоря, я был приятно удивлён, что Вика активно интересуется моей карьерой, чего нельзя было сказать обо мне. Я не поздравил её с началом учебного года, и, честно говоря, не был уверен, что она всё ещё учится.

– А у тебя как дела? – спросил я, когда мы пригубили бокалы.

– Потихонечку, – как всегда уклончиво ответила моя девушка. – Учусь, работаю.

– Ясно. Виталий Борисович велел мне начать новую книгу, – выпалил я и тут же пожалел о слове «велел». Создавалось впечатление, что он указывает мне, что делать, а это, разумеется, было не так.

– Вау, отлично! – обрадовалась Вика, и на секунду я и вправду ощутил себя востребованным писателем. Но это чувство быстро улетучилось, стоило мне вспомнить о ждущем своего часа «НОМАДе».

– Всё не так просто. – Я покачал головой и уставился в свою тарелку.

– Но почему?

Я посмотрел в глубокие синие глаза своей спутницы. Восторг в них смешивался с искренним недоумением. Чёрт, я снова был невероятно близок к тому, чтобы рассказать ей всё. Наверное, именно поэтому в следующую секунду я ляпнул:

– Переезжай жить ко мне.

Несколько секунд Вика молчала. Именно столько было нужно, чтобы я понял, что совершил ужасную ошибку.

– Я не могу, Ян, – наконец сказала она.

«Спасибо, Господи, спасибо! Что же на меня нашло?»

– Ладно, – сказал я, придав голосу лёгкое недовольство. – Я поторопился.

– Да, всё слишком быстро. – Вика обрадовалась моему пониманию.

– Это из-за Анжелики? – спросил я.

– Да, из-за неё. – Девушка явно с удовольствием зацепилась за эту причину. Что ж, иногда дела семейные могут оправдать очень многое.

– Ясно, – сказал я, прогоняя образ сестры-двойняшки, измученной заточением в психиатрической клинике.

В этот момент принесли заказ, и неудачная тема с переездом как-то сама собой закрылась. Дальше всё следовало по сценарию: ужин, быстрая поездка на такси, во время которой мы без устали целовались. Я очнулся лишь в своей кровати, ровно в тот самый момент, когда Вика срывала с меня одежду.

«Нет, я буду жить один. Я хочу жить один», – сказал я сам себе. «НОМАД» только подмигнул из кресла зелёным глазком, как бы говоря, что скоро ему потребуется подзарядка.

Утро началось с телефонного звонка, который определил мой день. Звонил Виталий Борисович, и, судя по деловому тону, он уже давно был на работе.

– У нас тут изменения в плане, Ян Викторович, – сказал он. – Придётся вашу книгу вне очереди издавать.

– Ого, – сказал я с энтузиазмом человека, системы которого ещё не до конца запустились после сна. – Что от меня потребуется?

– Готовьтесь к редактуре. Это та ещё канитель, так что советую запастись терпением.

Мы попрощались, но я ещё долго сидел в постели. Голый, замёрзший и словно громом поражённый.

Незаметно проснулась Вика.

– Что с тобой, Ян? Выглядишь просто…

– Они издадут мою книгу вне очереди, – произнёс я, не до конца осознавая смысл своих слов. – Издадут, понимаешь? Мою книгу!

Тогда я ещё не подозревал, что меня ждёт. Иногда нам кажется, что самое страшное позади, но именно в этот момент и начинаются настоящие испытания.

Я думал, что писать в жёстком цейтноте – это сложно, но редактура высосала мои силы, словно вселенский вакуумный насос. Меня дёргали по каждому предложению, по каждому «нелитературному» слову и придирались к каждому выражению, которое я наивно считал авторским. В итоге за месяц с небольшим мне пришлось почти полностью переписать книгу, чтобы сделать её, как бы пошло это ни звучало, более продаваемой. Да, я мог бы встать в позу, но это отняло бы лишнюю энергию, которая и так была в дефиците. Поэтому я соглашался на всё. Переименовать героя? Пожалуйста. Сделать сцену менее жестокой? Ладно. Убрать лишние описания и добавить больше мыслей? Так уж и быть, только отстаньте.

Я соглашался на всё новые и новые правки, пока мне не начало казаться, что от моих «Оккупантов» осталась лишь тень. В этот момент от меня, наконец, отстали.

– Книга готова, – всё так же по телефону уведомил меня

Виталий Борисович. – Остались технические моменты, и тираж уйдёт в печать.

Я выдохнул. Что-что, а технические моменты от меня точно не зависели. Я сделал всё, что мог.

– Запишите телефон Натальи Алексеевны, – произнёс мой незримый руководитель. – Она поможет организовать встречу с читателями.

Я закашлялся, потому что чай, который я пил, попал в дыхательные пути.

– Простите, что вы сказали?! Встречу с читателями?

– Да, в каком-нибудь крупном книжном магазине. Это будет лучшим способом заявить о себе.

В школе я любил публичные выступления и даже сыграл несколько ролей в спектаклях, но встречаться с потенциальными читателями, рассказывать им о своей книге… было всё равно, что обнажать душу. Волнительно – нет, страшно! А вдруг никто не придёт? Вдруг никто не захочет купить книгу?

– Диктуйте номер, – сказал я, понимая, что выбора у меня нет. Как говорится: назвался горшком…

– Кстати, начальство просит узнать: как дела с новым романом? – Должно быть, Виталий Борисович решил окончательно добить меня.

– Ещё не начинал, – честно ответил я, представив, как вытягивается его лицо от разочарования. Конечно, мы, писатели, только и делаем, что ляпаем новые книжки, точно горячие пирожки.

– Понимаю, – к моему удивлению, протянул Виталий Борисович, и я тотчас же зачислил его в ряды адекватных людей. – Отдыхать тоже надо.

– Вы ведь придёте на встречу? – спросил я. Надо быть уверенным, что хотя бы один человек точно явится.

– Конечно, но вам не на меня ориентироваться надо. А на обычных людей, на потенциальных покупателей. Проанализируйте, для кого ваша книга? Какова её целевая аудитория? – задал вопрос Виталий Борисович. – Сделайте рекламу в Рустернете, пройдитесь по университетам, покидайте листовки, в конце концов.

Звучало унизительно. Получается, я и швец, и жнец, и на дуде игрец?

– Ладно, – устало сказал я, решив, что пора заканчивать разговор, пока на меня не взвалили ещё с десяток обязанностей.

⁂

Наталья Алексеевна оказалась милейшей девушкой, с удовольствием разделившей мою непосильную ношу. Она организовала всё так чётко и грамотно, что мне оставалось только кивать и улыбаться.

– Ян Викторович, магазин «Звукоед» даст нам помещение бесплатно…

Киваю и улыбаюсь.

– Я обзвонила три института, там повесят наши афиши…

Киваю и улыбаюсь.

– Ян Викторович, сколько экземпляров взять на реализацию – двадцать или тридцать?

Киваю и улыбаюсь.

– Так сколько? – терпеливо повторяет Наталья Алексеевна. Знает ведь, что мы, писатели, народ рассеянный.

– Э-э-э, тридцать… наверное, – говорю я. – А сколько человек придёт?

– Около десяти, – бодро ответила Наталья Алексеевна. – Это я не беру в расчёт ваших друзей и близких. Сколько их будет? Хотя бы примерно?

Друзей и близких… О них я как-то не задумался. Можно было бы позвать маму, но тогда придётся рассказать, что я уволился из школы. Вика должна прийти, попрошу её позвать подруг.

– Двое-трое, – уклончиво ответил я.

– Хорошо. – Девушка сделала пометку в ежедневнике. Я заметил, что у неё смешная ручка, с помпоном на колпачке. – Лучше взять больше экземпляров, вдруг кто-то захочет купить в подарок…

Пятое ноября был волнительным днём. Мы с Викой приехали на два часа раньше, чтобы спокойно подготовиться, но в «Звукоеде» уже было полно народу.

– Наташа, это что, всё ко мне?! – в ужасе спросил я свою незаменимую помощницу, которая в этот самый момент тащила письменный стол.

– На первом этаже дегустация хумуса, – ответила Наталья Алексеевна. – А это, я так полагаю, очередь в туалет.

– Прекрасно, просто прекрасно, – сказал я, ощущая, что всё летит коту под хвост, не успев начаться.

Но Виталий Борисович послал мне поистине толковую помощницу.

– Через дорогу есть кофейня. Будет лучше, если вы выпьете кофе и соберётесь с мыслями, Ян… Викторович. – Наташа улыбнулась.

– Ты просто фея. – Я чуть было не кинулся обнимать её, но столкнулся с ледяным взглядом Вики.

Наталья Алексеевна не могла соперничать с ней. Молодая и лёгкая, точно её помпон на колпачке от ручки, она была противоположностью породистой и своенравной Вике. Не знаю, как там у девушек, но мужчинам нравится дружить с такими, как Наташа. Однако спать они предпочитают с такими, как Вика.

Всё прошло на удивление быстро. Если не считать моей девушки и «засланных казачков» из издательства, на встречу пришло одиннадцать человек. Я представился, вкратце рассказал о сюжете, поведал историю создания книги (разумеется, умолчав о главенствующей роли «НОМАДа»). Затем следовали вопросы из зала, вполне ожидаемые, в меру каверзные и, что приятно, вызвавшие во мне ощущение гордости. Я поймал себя на мысли, что мне хорошо здесь, среди всех этих людей. Вика взирала на меня с восхищением, Наташа – с обожанием, а Виталий Борисович, который оказался полным дядькой лет сорока, – с уважением.

Книг купили немного, всего семь, зато обещали обязательно рассказать обо мне друзьям и знакомым.

В какой-то момент мне захотелось, чтобы здесь оказался Марк Гугения. Сел на краешек стула где-нибудь в последнем ряду, достал из-за пазухи жирный беляш и кружку с чаем… Я бы обязательно подарил ему экземпляр (я не был уверен, что могу это делать, но всё же) и сказал что-то вроде:

– Без тебя этой книги бы не было.

Но вместо Марка в конце встречи ко мне подошёл Виталий Борисович, точнее…

– Лайам Аврельевич, – представился дядька, которого я по ошибке принял за моего телефонного наставника. – Я начальник Виталия Красинского, директор издательства «Вектор».

– О, очень приятно! – Я пожал руку Лайаму и почему-то тут же сник.

– Ты молодец, Ян! Так держать! – сказал он.

Мне никогда не нравились люди, обращающиеся к незнакомцам на «ты», особенно если этот незнакомец для них – я. Сразу чувствуешь себя подростком, который заигрался во взрослого дядю, и его раскусили.

– Рад, что вам понравилось, – ответил я, провожая взглядом последнего посетителя, запоздало понимая, что он говорит не о книге, а о проведённой встрече.

– Новую уже начал? – Лайам Аврельевич не спрашивал. Он утверждал.

– Да, конечно, – как можно более невинно ответил я, выравнивая стопочку книг.

– Тоже пришельцы? – не унимался босс моего босса.

Нет уж. Хватит с меня пришельцев.

– Не совсем, – уклончиво ответил я. – Романтика, приключения…

Честно говоря, я понятия не имел, о чём будет моя следующая книга. Не помогла даже шоковая терапия в виде красного одутловатого лица нависшего надо мной Лайама Аврельевича. Всё опять упиралось в идеи, которые я не мог генерировать, должно быть, просто по своей природе. Мне нужна была подсказка. Мне нужен был «НОМАД».

Впрочем, Лайам Аврельевич считал, что просто обязан дать мне творческого пинка.

– Какая романтика? Какие приключения, Ян?! – воскликнул он. – Если хочешь удержаться на плаву, надо давать людям то, что они хотят читать!

– И что же они хотят читать? – наивно спросил я, но вопрос прозвучал как издёвка.

– А ты современников своих почитай, Монастырский! – Директор издательства вытаращил и без того выпученные глаза. – Данилевского, Рубинштейна! Тех, кто бабло зашибает. Зомби-апокалипсисы там всякие – они сейчас хорошо расходятся.

Я содрогнулся. Хорошо Рубинштейну, он наверняка сочиняет из головы. Я же пишу по горячим следам, испытав всё на своей шкуре. Хотелось крикнуть это в лицо Лайаму Аврельевичу, но тогда, боюсь, моя карьера писателя закончилась бы, не успев начаться.

– Вот аванс, – сказал мужчина и бросил на стол конверт. – Ты уж не подведи Виталия Борисовича, Монастырский. Он многое на тебя поставил.

Я не притронулся к конверту. Мне хотелось узнать, почему Виталий Красинский не пришёл на встречу, но вместо этого я просто ждал, пока Лайам Аврельевич уйдёт. Сложно было представить себе более неприятного человека, который, как оказалось, может оказывать сильное влияние на мою судьбу. От таких людей я всегда невольно дистанцировался, хоть и выполнял их указания.

И всё-таки это был хороший день. Начало новой жизни. Отправив Вику на пары, я вернулся домой, сварил себе кофе в турке (подумав, что на полученный аванс надо будет купить кофемашину), а после вытащил из-под дивана покрывшуюся пылью инструкцию, которую зашвырнул туда в порыве гнева.

Раскрыл, полистал и отложил.

– Вначале нужно понять, что ты ищешь, – сказал я своему отражению.

Терпеливо выслушав потустороннюю трель своего диал-ап

модема (где-то я прочитал, что этот звук означает рукопожатие между модемами, и мне крайне понравилась эта идея), я углубился в Рустернет в поисках современных писателей. Разумеется, первыми отовсюду повылазили творения Данилевского и Рубинштейна.

– Почитай современников, Монастырский! – передразнил я голос Лайама Аврельевича, и улыбка заскользила по моему лицу.

Отыскав с десяток молодых и не очень писателей нашего времени, я принялся выписывать в блокнот самые яркие из их идей. Изюминки, ключевые моменты, которые делали книги коллег – да, коллег! – особенными и, как любят говорить издатели, продаваемыми.

В итоге у меня получился такой список:

«Рубинштейн: зомби, много крови, детальное описание процесса поедания мозгов.

Октовейн С.: стимпанк, мир паровых двигателей.

Мангустович: хищные растения, тропики, сокровища, в духе "Фронтианы Джойс".

Панин-Лексли: постапокалипсис, опять зомби. Много зомби!» Последнее слово я вначале подчеркнул, а потом жирно закрасил маркером: меньше всего на свете мне хотелось рассекать по мирам, населённым этими недомёртвыми тварями.

Открыв чистую страницу, я написал крупными буквами: «Какой мир мне нужен?»

«Как хищное растение: с первого взгляда приветливый, но таящий в себе опасность». И лучше бы, чтобы я с самого начала об этой опасности знал.

«Красивая природа, дикие животные, может быть, даже динозавры».

«Население – люди!» Это было важно. Я не был готов проснуться в теле какой-нибудь каракатицы с щупальцами вместо… ладно, чёрт с ним. Пусть обитатели будут хотя бы антропоморфными.

Что ещё? Подумав, я добавил ещё одну строку.

«Поменьше народу». Не хочу работать на заводе, учиться в школе (упаси Господи!), участвовать в разборках и терпеть насмешки.

Всё. Над остальным пусть поработает элемент неожиданности.

Я залпом допил остывший кофе и обречённо взглянул на инструкцию: мда, поиск подходящей вселенной убьёт немало времени… Я покосился на своё отражение и прочитал отвагу в глазах. А что, если мне посёрфить самостоятельно? Сосредоточиться на заданных параметрах, довериться интуиции,

и пусть «НОМАД» за руку отведёт меня в нужную реальность. К богатству и славе.

Идея была рискованная, но отвага в моих глазах, граничащая с безрассудством, давала понять, что решение уже принято. Итак, после почти трехмесячного воздержания я собирался воспользоваться прибором наобум. Ну а что? Иногда даже самые взвешенные решения оборачиваются полным провалом, а спонтанные и, на первый взгляд, сумасшедшие приносят удачу.

Закрыв глаза и сделав глубокий вдох, я шагнул в неизвестность. И в тот же миг сумма сигналов в моём мозгу, именуемая сознанием, проделала стремительный путь из одного тела в другое.

О том, что перемещение закончилось, я понял по яркому свету, проникающему сквозь закрытые веки. Невероятно ярко. Должно быть, этот мир блистал словно алмаз, отражая солнце каждой из своих граней. Я глубоко вдохнул чистейший, предельно насыщенный озоном воздух и, наконец, открыл глаза.

Мне показалось, что я стою в воде. Вода была вокруг меня, куда ни глянь. «Иисус», – в благоговейном ужасе подумал я, но всё оказалось куда прозаичнее: я стоял на песчаной косе посреди мелкой речушки. В руках у меня была самодельная удочка, а возле босых ног дырявое ведро с бьющейся о стенки серебристой рыбкой.

Оглядев себя, насколько это было возможно, я облегчённо вздохнул – человек. Мужчина. Судя по мозолям на руках – приверженец физического труда. Когда глаза привыкли к яркому свету (нет, здесь действительно было светлее, чем где-либо на Земле), я разглядел на берегу лачугу, построенную из каких-то палок и соломы. К торчащему из воды пню была привязана лодка – всё, больше предметов, сотворённых человеком разумным, в моём окружении не наблюдалось. Только дикая, не тронутая цивилизацией природа.

«Ты ведь этого хотел», – напомнил я себе.

Взяв прохудившееся ведро с рыбой, я направился к берегу. Ступал осторожно, прощупывая дно перед каждым шагом. Мужчина, которым я был в этой вселенной, имел сильное тело, ясное сознание и здоровые лёгкие, которые полноценно и быстро насыщали организм кислородом. Его физической форме я мог только позавидовать.

«Не забывай: где-то здесь кроется опасность!» – сказал я себе, шагнув на белоснежный песок.

Лачуга была моим домом. Я почувствовал это, как только ступил на порог. Точнее, на настил из соломы, потому что никакого порога и в помине не было. Либо я был аскетом, либо…

«Похоже, у тебя руки из жопы, парень», – подумал я, разглядывая, как убого были соединены друг с другом палки. Несущие конструкции стояли криво-косо, кое-где в потолке были дыры. Неужели климат здесь настолько шикарный, что можно жить почти что под открытым небом?

К единственной нормальной стене была прибита полочка с минимальной кухонной утварью, а в противоположном углу навалено несколько шкур – подобие спального места. «Кухня» в виде кострища и традиционный деревенский туалет модели «дыра обыкновенная» располагались на улице.

«Ладно, я сюда не отдыхать пришёл», – напомнил я себе.

Повинуясь чувству голода и желудку рыбака, урчащему, словно кит, я наспех поджарил рыбу на огне. Получилось вкусно, хоть и без соли.

В запасе оставалось ещё двадцать минут. Пора было отправляться на экскурсию.

Песчаный пляж оканчивался густым хвойным лесом. Он был почти идеальным – ни комаров тебе, ни мошек. За лесом располагалось поле: сочное, яркое, с медовыми запахами и разнотравьем, радующим глаз живущего вдали от природы человека. То ли солнце миновало свой зенит, то ли я наконец привык, но освещение этого мира перестало быть болезненным, и я смог по-настоящему насладиться природой.

Я позволил себе маленькое удовольствие и прилёг на траву, пахнущую земляникой. Взглянул в ослепительное небо, по которому плыли редкие облака. Как же хорошо! Совсем как в детстве.

Перекатившись на живот, я закусил травинку и принялся наблюдать, как непуганое семейство кроликов пасётся неподалеку от меня. Они то флегматично жевали траву, то кидались вприпрыжку сквозь высокую осоку – особенно старался самый маленький кролик, вызвав у меня почти что умиление.

Громко каркнула какая-то птица, и кролики бросились наутёк. Раз – и нет их вовсе, как будто исчезли. Я вначале хмыкнул – дескать, резвые какие, но потом странное чувство заставило меня подняться на ноги. Не могли зверята так быстро исчезнуть, не телепортировались же они всё-таки.

Я сделал несколько шагов вперёд и остановился. Организм моего воплощения среагировал первым – всё же его мир был ему хорошо знаком. Знаете такую фразу: «засосало под ложечкой»? Я никогда не понимал её, но сейчас, кажется, понял. Понял после того, как увидел это. За вами погнался огромный медведь – засосало под ложечкой. Скрутило живот перед экзаменом – засосало под ложечкой. Увидели посреди чистого поля нечто

ужасное и чуть не обделались от страха – засосало под ложечкой. Последнее было как раз моим случаем.

Кролики не исчезли. Кролики провалились в бездну. Говоря: «бездна», я выражаюсь вовсе не метафорически. Посреди зелёного поля с клевером и иван-чаем расположилась самая настоящая Бездна. Пропасть без дна, зияющая, словно рот великана. Она была метров пятьдесят в диаметре, а её стены усеивали острые кристаллы, напоминающие драконьи клыки.

Несколько секунд я безмолвно смотрел в черноту, которая начиналась примерно через километр, а затем в ужасе отшатнулся. Эта штуковина была столь же неуместна здесь, как и коровья лепёшка посреди дворцовых палат. И кто вообще додумался расположить эту Бездну здесь, в поле?! Дьявол, да я и сам мог провалиться туда, если бы лёг на несколько метров ближе!

В этот момент – хвала небесам – сработал таймер. Это произошло очень вовремя, потому что ещё чуть-чуть, и моё сердце разорвалось бы от ужаса.

«НОМАД» требовал зарядки; впрочем, я тоже. Увиденное потрясло меня до глубины души, но в то же время я понимал: найденный мир – это артефакт, редкий самородок, огранкой которого мне предстояло заняться. Я не встречал упоминаний о нём в инструкции, вполне возможно, что я был первым из людей, кто нашёл его. Или кто выжил. Кто знает, может быть, эта Бездна – единица мигрирующая и появляется каждый раз в новом месте.

Зарядка устройства продолжалась пять часов. За это время я успел пообедать, а также досконально зафиксировать то, что пережил. После того как описал Бездну во всех красках, она перестала быть для меня столь же пугающей, как при встрече. Ну пропасть и пропасть, чего тут такого. Однако главная «опасность» мира-самородка была впереди.

Я очнулся посреди поля. В тот же самом месте, откуда моё сознание исчезло пять часов назад. Это было странно, ведь обычно после моего ухода воплощения продолжают жить своей жизнью, не особо подозревая о том, что кто-то побывал в их голове. Ну, по крайней мере, я так считал. Неужели рыбак просто взял и проспал всё это время?

Бездна всё так же была рядом. В этот раз я ограничился лишь беглым взглядом в её чёрное нутро, потому что чувствовал: что-то изменилось. Я огляделся по сторонам: лес, поле, холм – всё было на месте… Чёрт побери! Солнце! Оно ничуть не сдвинулось с места! Однако его свет стал будто бы менее интенсивным. Краски вокруг поблёкли, небо и трава потускнели, и даже птицы пели не

так заливисто, как утром.

Моё сердце сжалось от тревоги. Разве может быть так, чтобы светило не двигалось? Что это за мир такой? Что ещё я о нём не знаю? Я не знал ничего. И через пять секунд это самое «ничего» выбежало из леса.

Мужики. Шестеро или семеро. В чём мать родила. С большими руками, ступнями и маленькими головами. Они мчались мне навстречу и что-то радостно мычали, словно отряд глухонемых Герасимов. Ужасная догадка пронеслась в моей голове. Я открыл рот и попытался сказать что-то вроде: «Привет, мужики!», но получилось только: «Му-у-у-уа-а-ау-у-у».

Непонятно, что было первично: отсутствие речи в этой мире или же отсутствие мозгов в голове моего воплощения. Теперь многое вставало на свои места: аскетичный образ жизни, неумело построенное жилище… В этой реальности я был, что называется, умственно отсталым.

За моей спиной послышались женские крики. Семь или восемь девушек с корзинами, полными грибов, разбегались в разные стороны при виде мужчин. Их речь была такой же невнятной, однако нагота была прикрыта просторными сарафанами, напоминающими мешки для картошки. Они убегали от мужиков, а те, обезумев от радости, ловили их и… о, ужас! Принимались совокупляться прямо здесь, на поляне!

Я почувствовал, что меня вот-вот стошнит. Но что было ещё хуже: при виде женщин организм рыбака пришёл в полную боевую готовность. Должно быть, здесь всё работало на уровне инстинктов: увидел самку – размножайся. Даже если ты в поле. Даже если рядом Бездна. Даже если ты видишь свою даму в первый и последний раз.

Кстати, о Бездне. Одна из пар свалилась туда, но никто не моргнул и глазом. Похоже, социальные связи имели здесь не больше ценности, чем удобства и инфраструктура. Грёбаный мир! Наверняка лицо моё приобрело грозное выражение, потому что две девчонки, совсем ещё юные, взвизгнули от ужаса и кинулись врассыпную.

«Да не нужны вы мне!» – хотел было крикнуть я, но получилось только воинственное: «В-в-ву-уа-ав-ву-уа-а!»

Девушек тут же схватили двое других мужчин, которые едва успели закончить с другими леди. Было гадко и мерзко. Настолько, что мой организм перестал сопротивляться и исторгнул на траву содержимое желудка. За последние пять минут мир потускнел ещё сильнее, и я решил, что пора сваливать, пока всё не зашло слишком далеко.

Я матерился. Долго, красноречиво и без устали. Вспомнил все

матерные слова, которые знал, а когда мой словарный запас истощился, принялся повторять самые выдающиеся. Как же хорошо уметь говорить! И как же чудесно, до невозможности чудесно быть дома, в своём любимом кресле.

Да, межпространственные путешествия – такая штука, к которой просто невозможно подготовиться. Невозможно просчитать все последствия. Забегая вперёд, хочу сказать – я жалею о том, что тогда повидал слишком мало. Я мог бы увидеть гораздо больше миров, если бы не был так смертельно напуган. Но моя психика была на грани самоуничтожения, поэтому мир рыбака стал последним из освоенных мною реальностей. Перед тем как меня… ну, арестовали.

После нескольких дней шока и прокрастинации я написал первую главу своей новой книги. Признаюсь, сейчас мне уже не вспомнить сюжет, но тогда мне казалось, что это даже круче «Оккупантов». Я быстро вошёл в рабочий режим и к моменту выхода в свет первой книги уже имел задел для кое-чего любопытного под кодовым названием «Мир Бездны».

«Если "Оккупанты" не выстрелят, то уж это наверняка», – беспечно думал я, взахлёб рассказывая Вике, Виталию Борисовичу и этому, со странным именем, которое я всё время забывал, о том, как же классно я всё придумал. И всё могло бы быть замечательно, если бы я не решил, что в моей книге обязательно должно присутствовать самоубийство.

Очень быстро оно стало краеугольным камнем всего сюжета. Я прекрасно понимал: чтобы описать его правдоподобно, сочно и со вкусом, мне придётся испытать всё на своей шкуре. Убить одно из своих воплощений, хоть инструкция и запрещала это делать. Но кто узнает?

Недолго думая, я пришёл к выводу, что недалёкий рыбак из мира хаотичных половых связей как нельзя лучше подходит для этой роли.

Вы спросите: кто я такой, чтобы решать, кому жить, а кому умереть? Правильно, никто. И всё же, чем больше времени я проводил в теле этого тупого мужлана с интеллектом кролика, готового трахать всё, что движется, тем больше я понимал, что не просто должен, а хочу убить его. Я никогда не скажу, что само существование мира Бездны – ошибка, ведь я не Бог. Но рыбак имел ко мне самое непосредственное отношение – я был им. И это было отвратительно. Я не мог позволить частице своей души существовать в виде этого никчемного создания.

Был ещё один весомый довод. Бездна. Всего один шаг в этом мире отделял меня от смерти. Если, конечно, лететь до дна не сто тысяч лет. Можно было сказать, что я выбрал идеальный мир для

того, чтобы умереть.

Было ли мне страшно? Конечно. Но больше всего я боялся самой боли, а не последствий типа «эффекта бабочки». Если миров так много, разве будет иметь значение смерть одного из моих воплощений? Как же я заблуждался… Но обо всём поподробнее.

Вначале было много радостных событий.

Я был на вечеринке, посвящённой выходу моей первой книги. Представляете?! Вечеринка. В мою честь. Её с подачи Виталия Борисовича организовала Наталья Алексеевна. Кстати, он сам тоже был здесь. Впервые за всё это время я смог вживую увидеть моего телефонного наставника. Не скажу, что он произвёл сильное впечатление: обычный дядька лет сорока, невысокий, полноватый, лысеющий, с интересной козлиной бородкой и банданой, повязанной на шее на манер пионерского галстука. Мы немного поговорили, выпили шампанского, а потом я забыл про него, поскольку единственное, что имело значение на сегодняшнем вечере, – это стопочки моих книг, расставленные то тут, то там. Моих книг с моим автографом.

На обложке красовался юнец, отдаленно напоминающий Марка Гугению (я знал, как он выглядит, потому что видел себя в зеркале). Обложка разрабатывалась с учётом моих требований, и я настоял на том, чтобы внешний вид героя был именно таким. Периодически я уходил в тёмный угол, брал одну из своих книг и вдыхал запах свежей типографской краски. Вот она – мечта, ставшая реальностью. Безусловно, это был самый счастливый момент в моей жизни.

– У меня хорошая новость, – сказала Вика, нарушая наше с книгой уединение. – Родители подарили мне квартиру.

– Ух ты, поздравляю, – сдержанно поздравил я, предчувствуя подвох.

– Может быть, поживём у меня? Помнишь, ты предлагал, – будничным тоном сказала Вика.

От ответа меня спас Лайам Аврельевич, которому я сейчас был почти что рад.

– Отойдём на минутку, Монастырский, – сказал он, подмигнув Виктории.

«Сейчас снова будет задвигать про современников и продажи», – подумал я. Однако это было лучше неудобного разговора про переезд, к которому я был совершенно не готов.

– Как успехи? – Глава издательства перешёл сразу к делу.

– Пишу, Лайам Аврельевич, – устало произнёс я, как будто своим вопросом он только что оторвал меня от рукописи.

Но, вопреки моим ожиданиям, разговор был не про книги.

– Я тут подумал, что тебе надо сменить обстановку. – Лайам Аврельевич достал из-за пазухи помятый конверт. Из цветного картона с изображением моря и пальм.

– Здесь тур на Гоа, семь дней, семь ночей. Всё включено. Поезжай, Монастырский, за счёт фирмы. – Мужчина попытался улыбнуться, но, должно быть, за годы работы боссом разучился это делать.

– Вы серьёзно? – Я опешил. Несколько лет назад я мечтал побывать на Гоа, ещё до того, как он превратился из места силы в самый попсовый штат Индии с обилием туристов из всех уголков мира. – Но тут только один билет.

– Да, один, – кивнул Лайам Аврельевич. – Отдохнёшь немного от своей пассии. И, кстати, Монастырский! Это не отпуск, понял? Это шанс отдохнуть от Ростовии и поработать, сидя под пальмами.

Что-то он недоговаривал. Создавалось впечатление, что он хочет, чтобы я на время уехал из страны. Никто просто так не раздаёт билеты в пятизвездочный отель. Приблизив своё лицо к красно-синему от обструктивного бронхита лицу начальника, я тихо произнёс:

– У меня проблемы, Лайам Аврельевич?

Тот смотрел на меня долго, словно не верил, что я оказался таким смышлёным.

– Обстановка в издательстве какая-то нездоровая в последнее время, – наконец сказал он, рыская глазами по конференц-залу. – Как бы не испортили мне перспективного юношу.

– Кого? Меня? – тупо переспросил я, рассеивая миф о своей смекалке.

– Тебя, Монастырский, тебя, – со вздохом произнёс Лайам Аврельевич. – Ну так что? Согласен?

Я вздохнул. Если бы мне предложили это год назад, я согласился бы не раздумывая. Но сейчас…

– Нет, Лайам Аврельевич, я пас. – Я покачал головой и отдал горячую путёвку обратно. – Карьера только пошла в гору, не хочу упустить волну. Да и девушка моя не одобрит.

С минуту мужчина смотрел мне в глаза, словно решал, рассказать мне о своих опасениях или не стоит. Но так и не решился. По крайней мере, не в этой вселенной.

– Что ж, удачи, Монастырский!

Лайам Аврельевич пожал мне руку и удалился, а я ещё долго стоял и смотрел, держа в руках книгу с автографом, которую так и не подарил ему.

Глава 6. Инактиватор

Этой ночью мне приснился странный сон. Я стоял на краю Бездны, а Лайам Аврельевич и Виталий Борисович кричали мне в спину: «Прыгай, Монастырский! Прыгай!» Потом глава издательства достал откуда-то длинную, напоминающую спиннинг, палку и принялся тыкать меня ею меж лопаток.

– Давай, Монастырский, все современники прошли через Бездну. Это будет твоим крещением!

– А, ну раз все современники… – обрадовался я и прыгнул. Пролетев несколько метров, я приземлился на батут, который с силой вытолкнул меня обратно.

– Ну как же так?! Я должен умереть! – кричал я, продолжая глупо подпрыгивать.

Неожиданно я очутился на пляже. У самой воды в пластиковых креслах сидели всё те же Лайам Аврельевич и Виталий Борисович, а их ноги жадно лизали пенистые волны.

– Семь дней и семь ночей, Ян Викторович. – Виталий Борисович поприветствовал меня бокалом пинаколады.

– Всё включено, – поддакнул Лайам Аврельевич, и они оба заржали.

Вдруг на коленях Виталия Борисовича образовалась моя Вика, нежащаяся под лучами солнца, словно кошка. Я шикнул на неё, а она оскалилась и зашипела в ответ. На этом сон, трансформировавшийся в какой-то безумный фарс, развеялся. Последнее, что я запомнил, – это лицо Виталия Борисовича, до боли напомнившее мне кого-то очень знакомого… Я проснулся точно мешком ударенный. Может быть, стоило всё-таки согласиться на халявный отпуск?

Я сварил себе кофе, просмотрел почту на компьютере, затем поправил написанное вчера вечером. Взглянул на телефон и почему-то подумал о Вике. Честно говоря, я редко вспоминал о ней просто так, хотя мы были вместе уже почти год. Может, стоит принять её предложение съехаться? Или сразу жениться? Или расстаться окончательно?

Мне было удобно с Викой, хоть у нас и не случилось тех чувств, от которых коленки подкашиваются. Что ж, не всем парам суждено прожить жизнь в любви. Зато мне повезло с карьерой.

Поразмыслив подобным образом ещё пару минут, я неожиданно для самого себя взял в руки «НОМАД». Подключившись к миру Бездны и осознав себя рыбаком, принялся

бежать. Через пляж, лес, поле с земляникой и резвыми кроликами. Я бежал, наслаждаясь чистым воздухом и силой своих мышц. Такого воздуха, пожалуй, нет больше нигде. И больше не будет. Для меня.

Ещё пара шагов, и вот я стою на самом краю пропасти. Огромная, поражающая воображение, обрамленная внутри сиреневыми кристаллами, напоминающими кварц. Бездна. Главная героиня моей новой книги.

В отличие от сна, дна пропасти не было видно. Лишь чёрное нечто, уходящее в никуда (а может быть, имеющее выход с другой стороны планеты, кто знает?).

«Я сделаю это сейчас», – пронеслось в голове, и кишечник рыбака автоматически опорожнился, предчувствуя неминуемую смерть. Я знал, что другого шанса у меня не будет: вряд ли мне когда-то ещё хватит смелости зайти так далеко. В последний раз взглянув в чистейшее синее небо, яркое, словно солнце, отражённое в сотне зеркал, я сделал маленький шаг вперёд…

– Привет, – взволнованно сказал я. – Присядем?

Вика молча кивнула, и я проводил её к нашему столику. Украдкой заметил, что она надела новое платье и сделала вечерний макияж. Должно быть, подружки прожужжали ей все уши насчёт того, что сегодня я сделаю ей предложение. Всё-таки дорогой ресторан, годовщина начала отношений… Слишком много совпадений. Собственно, именно это я и собирался сделать, но волновало меня совсем другое. Я совершил преступление и собирался в нём признаться.

– Выпьем вина? – предложил я.

Моя спутница кивнула, и я неистово замахал официанту. Вика украдкой усмехнулась. Я заметил, что она теребит кончики волос – явный признак того, что она взволнована.

– Сегодня особенный вечер, – начал я, глядя куда угодно, только не в её томные синие глаза. – Ровно год назад мы встретились.

– Ровно год вместе, – не то дополнила, не то поправила Вика, пригубив бокал. – Это было в «МакСомнальдсе».

– О да. – Я прыснул от смеха. – Тогда я и подумать не мог, что буду зарабатывать столько спустя всего какой-то жалкий год!

Это было правдой. На продаже «Оккупантов» я действительно стал зарабатывать прилично. Взять хотя бы мой внешний вид: если тогда я придерживался преимущественно джинсово-спортивного стиля, то сейчас вполне мог позволить себе носить ретро-плащ в пол, шляпу, дорогие часы и ботинки. Благо холодное, дождливое лето способствовало моему образу этакого частного детектива из мира стимпанка.

Должно быть, последнюю фразу я выкрикнул слишком громко, потому что пожилая дама за соседним столиком покосилась на меня с неодобрением. Но сдержать энергию атомного взрыва в душе было невероятно сложно.

– Наверное, я должен сказать тебе спасибо, – произнёс я, встречаясь взглядом с девушкой, которой суждено было стать моей женой.

– Наверное? – переспросила она, но я продолжал:

– Всё это – во многом благодаря тебе. – Здесь я был честен. Незаметно вытащил коробочку с кольцом из кармана брюк и положил себе на колени. «Сейчас или никогда».

– Вика… – В горле запершило, и я откашлялся. – Не откажешься ли ты… разделить со мной…

Щёки Виктории загорелись: подруги говорили правду.

– Разделить со мной… груз смертельно важной информации, – выпалил я.

Вика непонимающе захлопала ресницами, и я понял, что перемудрил с формулировкой. Я наклонился к ней и прошептал:

– Неделю назад я убил человека.

Как я и ожидал, первой реакцией был ужас. Вика напряглась, точно анаконда перед броском; спасибо, что хоть за нож не схватилась.

– Не бойся, этот человек не из нашего мира, – поспешно сказал я, совсем забыв, что мне надо придумать, как побыстрее объяснить про «НОМАД», пока моя пассия не вызвала милицию. – Это я сам, только из другой реальности. Вернее будет сказать, что я совершил самоубийство.

За этим признанием последовала фраза, которая перевернула всё моё представление о своей девушке.

– Ян, ты что, убил своё воплощение?! – воскликнула Вика.

Я ожидал чего угодно, но только не этого.

– Постой, ты знаешь?! – Я схватил её за запястье, но девушка отдёрнула руку.

Буквально секунду Вика ещё сомневалась, но потом выдала мне всё как на духу.

– Ну, конечно же, я знаю, Ян! – прошипела она, точно, как в моём сне. – Иначе зачем бы мне встречаться с таким придурком, как ты?

Я дернулся всём телом, словно от удара током, и коробочка с кольцом упала на пол. Наверное, я всё-таки знал. Всегда знал.

– Тебя подослали следить за мной? – сухо спросил я.

– Следить, мотивировать, контролировать. – Вика ожесточённо рылась в сумочке. – Ты держался как партизан. Ни разу не проговорился.

Я схватился за голову. Происходящее было подлым, унизительным, хуже, чем самый злой розыгрыш в мире.

– Знаешь, ты ведь мне даже понравился! – в сердцах крикнула Виктория, и пожилая дама вновь обернулась. – Даже несмотря на то, что ты никогда не любил меня.

Я почувствовал укол совести: она была права. И всё равно, такого исхода я не заслуживал.

– Ну зачем ты убил его, а? – В глазах Вики стояли слёзы. Сейчас она была настоящая, как тогда, в психиатрической больнице.

– Для книги, – произнёс я, глядя перед собой. Столько всего надо было обсудить, высказать…

Вика наконец нашла то, что искала, – телефон. Должно быть, последний ответ добил её окончательно, потому что она резко взяла себя в руки.

– Так. Я звоню Инактиватору.

– Кому?! – У меня чуть глаза на лоб не полезли.

– А ты что думал, любимый? – стервозно улыбнулась она. – Сёрфишь между мирами, убиваешь воплощения – и всё тебе будет прощено?! Ты вообще читал инструкцию?

Конечно, читал, но, видимо, не так подробно. Про Инактиватора я слышал впервые, и это слово мне совсем не нравилось.

– Вика, подожди! – Я попытался заговорить её. – Давай всё останется между нами, ладно? Никто ведь не узнает, если мы никому не скажем? И, кстати, у меня есть для тебя кое-что ещё…

– Не узнает?! Ты в своём уме?! – Девушка почти кричала, её тушь размазалась, а подбородок трясся от гнева. – Да все уже давно в курсе, что кто-то прихлопнул одного инуктука, вот только не знали кто. А тут ты – со своим добровольным признанием.

«Инуктук – надо запомнить. Для книги», – подумал я, но тут же сообразил, что писать мне придется не скоро.

– Мне очень, очень жаль, Ян! – с искренним сожалением произнесла Вика и нажала кнопку вызова. – Ты хороший парень, хоть и придурок.

«Мальчик?» – удивился я, но тут же подумал, что, возможно, Вика намного старше, чем мне казалось.

– Виталий Борисович? – сказала Вика в трубку и посмотрела на меня. – Да, он сейчас со мной. Во всём признался. Да. Буду ждать.

«Что?!» Я просто не мог поверить в происходящее.

– И он тоже? – спросил я, задним умом соображая, что моя фраза прозвучала почти как фраза, сказанная Бруту.

– Представь себе. – Вика убрала телефон в сумку и попросила

счёт. Она успокоилась. Знала ведь, стерва, что я не стану убегать. Впрочем, бежать мне было некуда. Вика настолько глубоко запустила щупальца во все мои личные дела, что проще было умереть, чем уничтожить их все. Или стереть меня из этого мира, как в книге «Черновик». А потом меня запрут в старой водонапорной башне и заставят открывать новые миры. И дадут суперсилу. Размечтался, ага.

– Как давно вы следите за мной? – спросил я и тут же сам всё понял. Ну конечно. Я встретил Вику на следующий же день после того, как приобрёл «НОМАД». Тогда я ещё был на собрании по инновационным технологиям, где Артём Маевич… Озарение ударило меня словно током. Маевич… Май Листвинов…

Я схватился за голову. Так вот кого напомнил мне Виталий Борисович! Того самого писателя Мая Листвинова с плаката!

– Ты был выбран как один из потенциальных покупателей и пользователей «НОМАДа». Молодой писатель, подающий надежды. Мы решили, что устройство пригодится тебе, и оно и впрямь пригодилось, – рассуждала Вика. – Вот только я не предполагала, что тебя занесёт так далеко. В чём-то это и моя вина. Не уследила.

Но сожаления больше не было в её голосе. Теперь это была просто чужая женщина, сидящая напротив в ожидании конца истории. Тогда я и решил сделать то, чего от меня никак не ожидали. Бежать.

Наверное, со стороны я выглядел как человек, решивший дать дёру от надоевшей любовницы. Или как товарищ, не желающий платить по счёту. Я бежал через весь зал, опрокидывая стулья, и уже намеревался проскочить мимо внушительных размеров швейцара, но не рассчитал свои силы. В нескольких метрах от спасительной двери швейцар вырубил меня точным ударом в висок.

На моей голове была лента «НОМАДа». Противная, с царапающей липучкой. Я почувствовал её ещё до того, как открыл глаза, а это означало, что кто-то подключил меня, пока я был без сознания. Без моего ведома.

Воспоминания вернулись вместе с тупой головной болью. Я вспомнил всё. То, как позорно пытался сбежать от Вики; Виталия Борисовича, который оказался таинственным Инактиватором. Разговор, который был до этого. Кажется, моё преступление было тяжелее, чем я мог себе представить, и теперь судить меня собирались по всей строгости закона.

– Здравствуй, Ян! – Голос вернул меня в реальный мир. – Кажется, пора познакомиться заново. Меня зовут Виталий Красинский, или Инактиватор.

Дядька с внешностью Бориса Клевенщикова сидел напротив меня. В моей квартире. Я же сидел на кухонном табурете, а мои руки были сцеплены сзади кабельными стяжками.

– Не пытайся бежать, Ян, – спокойно сказал Инактиватор. – Это не твоя реальность, и законы тут скорее на нашей стороне, чем на твоей.

Мое сердце заныло от мерзкого тягуче-тоскливого ощущения, совсем как по утрам, когда будильник вырывает тебя из мира грёз, где ты свободен и счастлив. Я огляделся по сторонам и решил, что это и правда не мой мир. Квартира словно была меньше и замшелее той, что досталась мне в наследство от бабушки.

– Зачем же вы так с инуктуком, Ян Викторович? – пробормотал Виталий Борисович, откидываясь в кресле.

Опять это слово. Инуктук. Наверное, это название популяции, как «человек разумный», только в данном случае наоборот – «человек безумный».

– А разве мой ответ может что-то изменить? – криво усмехнулся я, запоздало понимая, что веду себя слишком дерзко для задержанного. Интересно, вся эта контора подчиняется милиции или другим органам? Или они как люди в чёрном из одноименного фильма – сами по себе, и никто им не указ?

– Не может, – согласился Виталий Борисович. – Вы нарушили закон о неприкосновенности воплощений, вмешались в ход событий в одной из вселенных, запустили каскад спонтанных нежелательных реакций, которые могут серьёзно отразиться на всех нас, вплоть до гибели целых цивилизаций!

Он отчеканил эту фразу ни разу не прервавшись, чтобы вдохнуть.

Я улыбнулся. Сложно было поверить, что, совершив самоубийство в одном мире (кстати, я почти ничего не помнил, так что для книги мой опыт был бесполезен), я запустил какой-то там каскад, который мог ударить по вселенным смертоносным бумерангом. Словно эффект бабочки. Однако мои стянутые руки, которые уже начали неметь, давали понять, что пленившие меня люди настроены весьма серьёзно. А вдруг это не учёные, а просто группа фанатиков? Может, мне стоит попросить телефон и вызвать наряд милиции? Или хотя бы родным позвонить?

– Дайте мне трубку, – спокойно потребовал я.

– Я уже говорил, что это не ваш мир. – Инактиватор насупился. – Вам некуда звонить, понимаете?

Он говорил серьёзно, и я поёжился от охватившего меня безотчётного страха.

– Ян Викторович, позвольте, я расскажу вам, как устроена

наша мультивселенная. – Виталий Борисович встал и принялся прогуливаться по комнате. – Есть существа разумные, есть полуразумные, а есть низшие. Как инуктуки. К вашему сведению, человечество относится к полуразумным существам. – Здесь он усмехнулся, словно это был неплохой подкол.

– С начала времён высшие создания используют низших для достижения целей. Как мы используем лошадей, коров и так далее. Пока всё понятно? – спросил меня Виталий Борисович, как будто объяснял школьную задачку. Я вяло кивнул, и он продолжил: – Существует порядка двадцати пяти миров, в которых рабочую силу гуманоидов используют на раскопках погибших цивилизаций. Тела этих примитивных созданий дополнены металлом и микросхемами, а разум… разум принадлежит преступникам, таким, как вы.

То, что он говорил, не могло быть правдой. Это просто сказка. Глупая страшная сказка. Так я говорил себе, но почему-то в горле был ком.

– За убийство вы заплатите своей жизнью. Ваше сознание будет насильно перенесено в тело аборигена колонии «Райская обитель», где вы будете отбывать своё наказание. Длиною в жизнь.

Краем глаза я заметил Викторию, стоящую позади меня. Может, пора начинать просить пощады? Слова Инактиватора были бы смешными, если бы не датчик «НОМАДа», готовый в любой момент начать транслировать в мой мозг импульсы, активирующие тета-волны. Я был в одном шаге от того, чтобы погрузиться в кошмарный сон длиною в вечность.

– А что тогда будет с моим телом? – Слова давались мне с трудом.

– Личность, известная как Ян Монастырский, будет удалена из этого мира нашими стирателями, – произнёс Инактиватор. – Им придётся поработать: изменить воспоминания ваших родных и друзей, но после этого – можете мне поверить – никто и никогда не вспомнит о том, что когда-то жил такой неудачник, как Ян Монастырский.

Я замотал головой. Нет, этого просто не могло быть. Я не верю.

– Я не верю, – произнёс я вслух, и мои слова эхом отразились от зеркала напротив. – Это абсурд.

– Идея мультивселенной поначалу тоже казалась вам абсурдной, – парировал Виталий Борисович. – Но это не мешало ей существовать.

– Боже мой, что вы несёте! – Я не выдержал. – Какая колония, почему?! Чёрт, я ведь просто…

Я хотел сказать «убил инуктука», но язык не повернулся. Инактиватор прочёл это в моих глазах и закивал – мол, вот-вот.

Вика подошла и встала за моей спиной. Она положила руки мне на плечи, и на секунду мне показалось, что сейчас она поцелует меня и скажет, что всё это розыгрыш. Господи, как же я хотел этого! Но в руках Вики мелькнул целлофановый пакет, и я понял, что мне крышка.

– Пожалуйста, послушайте! – выкрикнул я, почувствовав, что скоро умру. – Можно как-то смягчить наказание? Или сократить?

– Мы ведь не убиваем тебя, Ян! – по-доброму сказал Виталий Борисович. – Мы даём тебе второй шанс, новую жизнь. Просто в несколько другом теле, вот и всё.

Он пожал плечами, словно говоря: «Ну что тут такого?» Затем взял «НОМАД» и нажал на кнопку старта. В ту же секунду я ощутил, как моё сознание начало раскачиваться.

И тут меня осенило: я не смогу попасть в реальность, на которую не настроен. Бинго! Это же просто очевидно! Но, похоже, Инактиватор и его помощница (моя бывшая девушка) думали по-другому.

– К сожалению, мы не можем заставить тебя выбрать реальность. – Инактиватор покачал головой, словно ему было не по себе от того, что они собирались сделать. – Но мы пойдём другим путем. Видишь эту кнопку?

Он указал на одну из маленьких кнопочек на панели устройства, назначение которых всегда оставалось для меня загадкой.

– Это функция приёмника. «НОМАД» может принять звучание нужной реальности и переместить сознание по нужному адресу. Миры звучат, Ян, – задумчиво произнёс Виталий Борисович и заложил руки за спину. – Они умеют звать. Вот только чтобы услышать их, мозгу нужно острое кислородное голодание.

Едва он успел сказать это, как Вика накинула на мою голову целлофановый мешок. Она была сильнее, гораздо сильнее, чем я думал. Я попытался вдохнуть, но вместо воздуха в мой рот попал мерзкий целлофан, почему-то пахнущий рыбой. Я вскочил со стула, но Инактиватор насильно усадил меня обратно. Так они и держали меня, вдвоём, пока моё тело билось в предсмертных судорогах, а сердце неистово качало последние литры крови.

– Датчик прижми, Вика, слышишь?! Датчик! – крикнул Виталий Борисович. Его голос я слышал ясно и чётко, но как будто бы со стороны. Должно быть, моё сознание уже отправилось в своё последнее путешествие.

⁂

– За какие-то две недели я умер дважды. Так себе статистика, не правда ли?

РУТ-81 смотрела на него с невыразимым сочувствием. ТиТ-5 не знал, насколько её история похожа, но ощущал, что ей знакома эта боль. Когда клешнями вытаскивают из привычного мира.

Два светила «Райской обители» показались из-за горизонта. Значит, они проболтали здесь всю ночь.

– Нужно возвращаться в свои каюты, – сказал ТиТ-5, спрыгнув со старой капсулы гибернации. Если бы человек просидел всю ночь в одном положении, его суставы затекли бы, а мышцы онемели от недостатка кровообращения. Но мусорщики были существами другого рода. Они были приспособлены для долгой и нудной работы в условиях с низким содержанием кислорода, слабым освещением и экстремальными температурами. Разумеется, это не означало, что они неуязвимы. Любой механизм можно сломать, а уж полуорганический и подавно. И всё же андроиды давали фору многим существам в мультивселенной.

– Пойдём, выведу тебя отсюда, – сказала РУТ-81. Два андроида покинули подсобку, а на потолке так и остался фрагмент фильма, конец которого был безвозвратно утерян. На стоп-кадре космолёт с героями-победителями улетал домой, оставляя разрушенный мир врагов полыхать в огне. В чём-то это было даже символично: полёт, который никогда не закончится, потому что конца просто нет. Разве что батарейка у проектора сядет, и подсобка вновь погрузится во тьму. Так и жизнь андроидов-заключённых: работай, пока не выйдешь из строя. Копай землю, пока функционируют твои бионические мышцы, а мозг живёт, поддерживаемый системой электродов. Двести лет, а то и больше.

Иногда ТиТ-5 вспоминал слова, сказанные Инактиватором в день его суда. «Жизнь в обмен на жизнь». Ян забрал жизнь существа, даже не до конца осознающего себя, а отдал двести с лишним лет в теле робота, хранящего воспоминания о своём прежнем теле. Разве это равноценный обмен?

Спина Верзилы была прохладной. Она ещё не успела нагреться от работы двигателя и от солнц, что медленно поднимались над горизонтом. Робот-копатель бежал через красную пустыню, наяривая лопастями, а два мусорщика на его загривке сидели, точно всадники. РУТ-81 сидела впереди, и ТиТ-5 любовался её точёной талией. Разумеется, у всех роботов строение тела было одинаковым, но пропорции РУТ-81 всегда казались Писателю какими-то особенными.

«Интересно, какой она была при жизни?» – подумал он.

– Я рассказал свою историю, теперь твоя очередь, – сказал

ТиТ-5.

– Я Верзила, машина для копания земли. Отец мой был машиной для копания, и дед, и прадед тоже, – немедленно отозвался Верзила.

– Вообще-то, я говорил с РУТ, – заметил ТиТ-5.

– Вообще-то, у кого-то здесь нет чувства юмора, – в тон ему отозвался копатель и умолк. На время, конечно.

– Моя история не такая интересная, как твоя, – ответила мусорщица не оборачиваясь. – Да и рассказчица из меня так себе.

– Но ты ведь была человеком, верно? – уточнил её напарник. – Не зелёной гусеницей из фильма?

Конечно, он шутил, но в его шутке была доля опасения.

– Да, я была человеком, – отозвалась РУТ-81 со странным сожалением. – Но не таким, как ты. Ты был романтиком, а я потребителем. Потребители и производители… так был устроен мой мир.

ТиТ-5 глянул под ноги: красная пыль вздымалась из-под лопастей Верзилы, и белое солнце, Тито, утопало в ней, тогда как второе солнце, Димитри, уже поднялось достаточно высоко.

– Не кори себя за то, кем ты была в прошлой жизни, – произнёс ТиТ-5. – Я тоже наделал немало ошибок, о которых теперь сожалею.

РУТ-81 вздохнула, и её вздох был наполнен сомнениями.

– Ладно, я расскажу тебе, – начала она, но в эту секунду Верзила стряхнул их на землю.

– Работать, негры! Солнце ещё высоко, – сказал он и заржал так, что окружающие камни задрожали. Вот скажите, и откуда у него все эти словечки? Не дождавшись ответной реакции, Верзила отправился расчищать очередной участок, а РУТ-81 и ТиТ-5 направились в шахту лифта. Их ждал очередной этаж старого здания, обнаруженного несколько недель назад. После того как Верзила и другие копатели вывезли крупногабаритный мусор, задача андроидов состояла в том, чтобы обследовать территорию, выявить ценность находки, а затем приступить к сбору полезных ископаемых.

В шахте было темно и затхло; фонарики андроидов скользили по стенам, цепляясь за углубления и выступы. Иногда кто-то шевелился в темноте, но мусорщикам не было страшно: твари из пустоши вряд ли будут прятаться здесь. А другие живые существа были им не страшны.

– Летучие мыши, – сказал ТиТ-5, когда небольшая стая прошелестела мимо них, хлопая крыльями.

– Откуда они здесь? – удивилась РУТ-81.

– Должно быть, прилетели… откуда-то, – пожал плечами

андроид.

Не в первый раз они сталкивались с поразительным упрямством жизни. Ростки, пробивающиеся через обезвоженную почву; мох, растущий на раскалённых в дневное время камнях; а теперь вот эти мыши, живущие в погребённом под землёй здании. Жизнь пробивается везде, где может. Борется, цепляется за любой шанс. Просто поразительно. Особенно если сравнить с тем, как легко сдаются люди, эти высокоразвитые существа. Отравляют себя годами, паразитируют, уничтожают место своего обитания.

– Ты сказала, что была потребителем, что это значит? – спросил ТиТ-5.

– Потребитель и производитель – это что-то вроде социальных классов, – сказала РУТ-81. – Люди, рождённые от людей, и люди, выращенные в пробирке.

Лифт остановился, и андроиды ступили на этаж. Включили сканеры – пора было приниматься за поиски.

– А разве есть разница? – спросил ТиТ-5, рассматривая высокие стеллажи, уходящие в темноту.

РУТ-81 усмехнулась.

– В том-то и дело, что нет. Эта классификация – просто мера нашего правительства, чтобы разделить людей на тех, кто будет работать, и тех, кто будет потреблять.

В её голосе не было ностальгии, как в голосе Писателя, когда он говорил о своём мире. Создавалось ощущение, что она глубоко ненавидела свой мир. Собственно, именно так оно и было. РУТ-81 презирала своё прошлое, а вместе с ним и саму себя.

– Значит, ты была рождена от людей, – рассудил ТиТ-5, но РУТ-81 перебила его:

– Нет, к сожалению, нет. В младенчестве меня отдали приёмной семье, втайне от всех, – выпалила РУТ-81, и её глаза возбуждённо замерцали в тёплом свете фонаря. – Надо же, наверное, ты первый, кому я это рассказала.

– Я сохраню твою тайну, – улыбнулся ТиТ-5 и принялся вглядываться в окружающие их объекты.

На стеллажах были книги. Сотни и тысячи книг, некоторые из них рассыпались в руках от одного прикосновения. Другие же были сохранены почти в идеальном состоянии, словно только вчера сошли с типографского станка.

– Поняла, где мы? – спросил он, но РУТ-81 отрицательно покачала головой.

Надо же. После стольких лет копания в земле его наконец-то занесло в такое прекрасное, хоть и заброшенное место. На чужой планете, в чужом мире Писатель нашёл то, к чему всегда лежала

его душа.

– Это библиотека, РУТ. Мы нашли библиотеку.

⁂

К сожалению, в современных реалиях библиотека не представляла особой ценности. После того как РУТ-81 и ТиТ-5 исследовали этаж на предмет полезных соединений, библиотека, небольшое кафе, а также две комнаты отдыха были занесены в реестр «наследия, не представляющего ценности» и по окончании раскопок должны были быть преданы сожжению. И всё же Писатель сохранил несколько книг, чтобы как-нибудь прочесть их РУТ-81.

Следующий день начался совершенно обычно. Ещё один день в «Раю», такой же, как и сотня предыдущих. Верзила привёз их на место раскопок, а сам отправился на расчистку дистрикта в трёх километрах к северу. Примерно до обеда всё шло по плану: РУТ-81 и ТиТ-5 наконец-то нашли представляющий интерес объект в виде радиорубки и теперь трудились в поте лица, сканируя один предмет за другим. Приём энергопунша состоялся здесь же, на рабочем месте, потому что подниматься на поверхность означало потратить драгоценные десять минут.

ТиТ-5 только что закончил собирать транзисторы, как в его коммуникаторе раздались помехи.

– ТиТ-5, братишка, как слышишь? – Голос Верзилы раздался в тишине заброшенной радиорубки. – У меня проблемы.

Андроид почувствовал, как в груди ёкнуло сердце. Ещё никогда Верзила не обращался к ним за помощью: чаще всего это они посылали копателю сигналы бедствия, чтобы он вытащил их из очередной ямы.

– Слышу тебя, Верзила. В чём дело? – произнёс ТиТ-5, ловя тревожный взгляд РУТ-81.

– Я провалился под землю, – ответил робот, перекрывая помехи и непонятный шум.

– Воспользуйся спасательным тросом, – предложила РУТ-81, наклонившись к коммуникатору напарника.

– С удовольствием, красавица, но меня намертво придавило. Не могу пошевелиться, – ответил Верзила, пытающийся, судя по звукам, самостоятельно освободиться из-под завала.

Мда, если уж этот копатель, поднимающий тяжести размером с центнер, не может выбраться, значит, дело действительно плохо. По протоколу андроиды должны были вызвать подмогу с корабля, но почему-то именно сегодня РУТ-81 и ТиТ-5 решили всё

сделать сами.

ТиТ-5 хорошо запомнил эти несколько мгновений, когда они с РУТ-81 смотрели друг другу в глаза и молча принимали, наверное, главное решение в своей жизни. Тогда они ещё не знали всей его ценности.

– Жди, мы сейчас будем, – наконец произнёс ТиТ-5 в коммуникатор.

Почему они поступили так? Ведь ясно же, что двум мусорщикам поднять двухсоткилограммового копателя практически нереально. Даже на двух спасательных тросах. Наверное, некоторые события нашей жизни изменить просто невозможно: это судьба, если угодно. Тогда ценность любого решения обнуляется, раз уж все равно всё предопределено. Другой вариант: любое наше событие, любое решение, даже самое мелкое, играет огромную роль. И может стать как залогом нашей долгой и счастливой жизни, так и залогом преждевременной смерти.

Поднявшись на поверхность, андроиды принялись бежать. Нужно было экономить время. Сейчас ТиТ-5 и РУТ-81 были вторыми в рейтинге самой эффективной пары мусорщиков по итогам месяца. Они рассчитывали, что обнаружение научного кампуса выведет их в лидеры и позволит задержаться на первом месте до истечения срока. Тогда… тогда их ждёт поощрение от варнов в виде выходного дня. Целый день! ТиТ-5 уже распланировал, как они вместе с напарницей проведут его. Прогуляются по поверхности, встретят закат… Однако обо всём этом можно будет забыть, если они угробят Верзилу. Или если его найдут и прикончат твари из пустоши. Кто знает, может, это они устроили засаду?

Твари из пустоши – вот ещё одна причина, по которой мусорщики не стали вызывать подмогу. И ещё один довод в пользу того, что помощь нужно было вызывать незамедлительно. Ночные твари – жестокие и непредсказуемые существа, передвигающиеся исключительно группами. Они воровали копательные машины и челноки мусорщиков, и вдвоём с ними было точно не справиться. Но, с другой стороны, если Верзила попался в их ловушку, нужно было торопиться, пока эти воришки не разобрали его на запчасти.

– Ты там один, Верзила? – на ходу спросил ТиТ-5.

– Вроде бы, – отозвался копатель. – По крайней мере, мои инфракрасные датчики никого не засекли.

Твари из пустоши являлись органическими существами, но либо они были от природы чёртовски неуловимыми, либо проапгрейдили свой организм так, что могли передвигаться со

скоростью гепарда. Ещё никому не удавалось поймать хотя бы одну особь, даже варнам.

– Гляди! – крикнул ТиТ-5, увидев чёрную дыру в земле на том самом месте, откуда шёл сигнал Верзилы. Разрыв земной коры зиял, словно пасть, и на какой-то момент Писателю показалось, что это Бездна. Преследует его по пятам, словно призрак из прошлого. Но, разумеется, это была не она, хотя бы потому, что снизу доносилось слабое ворчание робота-копателя.

– Верзила! – крикнула РУТ-81, приблизившись к краю, но робот не ответил.

– Верзила, приём, – позвал ТиТ-5, используя коммуникатор. И снова нет ответа.

– Запустим дрон, – предложила мусорщица.

Она достала из поясной сумки небольшой модуль в форме теннисного мячика и запустила вниз, где он тотчас же растворился во тьме. Четыре минуты, отведённые на поиски, показались вечностью.

– Ну что? – не выдержал ТиТ-5.

– Ничего. – РУТ-81 нервно покачала головой. – Дрон ослеп, словно внизу…

Она не решилась озвучить свою догадку, потому что это означало большие неприятности.

– Электромагнитное поле, – мрачно сказал ТиТ-5. – Ладно, спускаемся.

Тито катилось к горизонту, когда два андроида, закрепив крепчайшие тросы на ближайшем валуне, принялись спускаться в зияющую в красной почве дыру. Наверняка Верзила знал, что на этом месте находится подземный объект: всё-таки существуют и сканеры, и эхолокация, но либо он неправильно рассчитал плотность пород, либо… Этих «либо» могло быть сколько угодно, но о самом неприятном думать всё же не хотелось. Ночные твари на то и ночные, что шастают преимущественно в тёмное время суток. Да и пустоши свои редко покидают. И всё-таки, взглянув в последний раз на большое и яркое солнце, катящееся к закату, ТиТ-5 ощутил тревогу на душе.

«Мы только оценим обстановку и обратно. Вызовем подкрепление», – сказал он себе и принялся понемногу травить трос.

Дыра, которую проделал Верзила при падении, вполне могла вместить двух андроидов, поэтому РУТ-81 и ТиТ-5 спускались одновременно. Примерно через три минуты они достигли дна.

Стоило им ступить на неровный пол пещеры, как худшие опасения подтвердились: Верзилы здесь не было.

Вместо него был широкий туннель, уходящий в сторону. Судя

по свежести грунта, он был сделан совсем недавно. Значит, это либо Верзила протаранил себе альтернативный путь спасения, либо (и эта мысль крайне не нравилась напарникам) это сделали твари.

– За мной, – решительно произнёс ТиТ-5. Его коммуникатор по-прежнему не работал, как и дрон.

– Стой. – РУТ-81 ухватила его за запястье. – У меня плохое предчувствие. Давай вызовем подмогу! Где бы ни был Верзила, вдвоём мы ему вряд ли поможем.

Это было здравое решение.

– Что-то глушит здесь всю электронику – придётся лезть наверх, – покачал головой ТиТ-5. – Потратим время… Ладно, ты права.

Прицепив трос к страховочной системе, ТиТ-5 принялся подниматься. Это было нетрудно с его длинными и цепкими пальцами, и всё же в некоторых местах отвесные камни сильно усложняли задачу, позволяя полагаться только на снаряжение.

РУТ-81 поднималась рядом, быстро и ловко, точно муравьишка. И снова ТиТ-5 залюбовался своей напарницей, отчего желание узнать её историю разгорелось только сильнее.

Но их приключения только начинались. Ровно за пять метров до точки выхода кто-то или что-то пересекло их тросы практически одновременно. Вмиг утратив страховку, мусорщики, безуспешно пытаясь ухватиться за гладкие камни, рухнули на дно.

Для человека падение с высоты десятиэтажного дома означало мгновенную смерть. Для полуорганического робота – как повезёт.

– ТиТ-5! – РУТ-81 первая сообразила, что только что произошло. – Доложи, как ты?

Ответа не было.

Кое-как поднявшись на ноги, она обнаружила лежащего рядом напарника. Его системы жизнеобеспечения были в норме, вот только…

– У меня серьёзные неприятности, Рут, – слабо произнёс ТиТ-5. – Пара позвонков в грудном отделе сместилась. Диагностика подтверждает. Я смогу шевелиться, лишь когда АПИ отладит подачу импульсов от мозга.

АПИ – автономная программа интеграции – позволяла контролировать процессы жизнедеятельности в теле андроида, устраняла мелкие неполадки, следила за работой мозга. Если говорить ненаучно, АПИ помогала механическим и биологическим частям тела жить в гармонии. Жить и процветать. А также восстановиться после незначительных травм за счёт

перераспределения внутренних ресурсов.

– Ты можешь шевелиться? – спросила РУТ-81, боясь прикоснуться к нему.

– Боюсь, что нет, напарница. – Андроид улыбнулся краешком губ. – Я знаю, что мы в полной заднице. Верзила непонятно где, коммуникаторы не работают, и последнее солнце скоро сядет… Попробуй выбраться самостоятельно, я знаю, у тебя получится.

Ему совсем не хотелось оставаться одному в тёмной подземной пещере, но заставить РУТ-81 сидеть рядом с ним он тоже не мог.

– Сколько времени потребуется на восстановление? – спросила она.

– Диагностика говорит: шесть часов, – обречённо сказал ТиТ-5.

За это время Димитри зайдёт, и на планету опустится холод.

– Значит, мы просто посидим здесь эти шесть часов, – улыбнулась РУТ-81 и осторожно дотронулась до его ладони.

– В таком случае я бы очень хотел послушать твой рассказ, – сказал ТиТ-5. – Это поможет репликаторам быстрее работать.

Они уже работали, эти маленькие наниты. Сращивали раздробленные позвонки, сшивали пересечённые нервные волокна.

– Всё началось восемь лет назад, – на манер Писателя начала РУТ-81. Она погасила фонарь, и андроиды погрузились в темноту…

Часть вторая. Тестировщица

Глава 7. Лин Чжин Хо из пробирки

Земля-2, Нова Соуль, 2136 год

Всё началось восемь лет назад… Нет, не так. Всё началось двадцать два года назад, в день моего рождения.

Акушерка с широким красным лицом вспорола родовой мешок. Её рука была твёрдой, а движения уверенными и хладнокровными. Она проделывала это каждый день: выпускала на свет тех, кому суждено было стать производителем. Эта участь была уготована и мне.

Но мои приёмные родители решили по-другому.

– Она ваша. – Акушерка положила голую и орущую меня на грудь молодой женщины. – Поздравляю.

Мужчина не смог сдержать слёзы, на что акушерка демонстративно закатила глаза. Она повидала слишком многое, и её сердце давно зачерствело.

– Оплата, – сухо напомнила она, запихав использованный родовой мешок в измельчитель. Сделка, которую она заключила, была незаконной, но деньги от бездетных богачей оправдывали риск.

– Да, конечно, – поспешно сказал мужчина и приложил запястье к толстому запястью акушерки. В мгновение ока три миллиона вон перекочевали на карту госпожи Бао. Но эта сумма была мелочью по сравнению с тем, что семья только что получила взамен.

– Она совсем как Рин, – плача от умиления, прошептала госпожа Чжин Хо. Должно быть, в этот момент я с остервенением сосала грудь, потому что… ну а что ещё мне было делать?

– Она и есть Рин, – осторожно напомнил её супруг.

– А молоко когда придёт? – спросила госпожа Чжин Хо у акушерки.

– А я почём знаю? У меня нет детей, – госпожа Бао равнодушно пожала плечами. Её работа была сделана, и уже завтра она отправлялась отдыхать на остров Чхеджоу, наравне с потребителями.

Молока не было, и я начала хныкать.

– Давай дадим ей смесь, – предложил мужчина. Он ещё не забыл, каково это – быть молодым родителем. В отличие от своей

жены, у которой после смерти дочери начались серьёзные проблемы с памятью. Однако наука, корпорация «Нанко» и, в частности, госпожа Бао подарили им ту же Рин во второй раз. Её точную копию, которую решено было назвать Лин.

Так появилась я, Лин Чжин Хо, выращенная в пробирке. И отданная любящей семейной паре, у которой есть всё. Интересно, о чём ещё можно мечтать?

Я никогда не чувствовала себя чьей-то заменой. До семнадцати лет вообще не знала ни о какой Рин и о том, что родители тайно купили меня у некой госпожи Бао, точнее, у компании, в которой она работала. Я росла потребителем, и мне не было дела до производителей. Но обо всём по порядку, ведь мы всё ещё здесь, в подвалах корпорации «Нанко», где моя мать, госпожа Чжин Хо, безуспешно пытается накормить меня.

Должно быть, в этот момент созвездия надо мной сложились в иероглифы «хрен вам», кто-то просыпал соль или разбил зеркало, но с тех самых пор ни один год моей жизни не проходил без участия злого рока. Меня он обходил стороной, но по окружающим бил нещадно. И началось всё с той самой госпожи Бао. В тот вечер она, напившись сочжу, возвращалась домой навеселе. Не дойдя двести метров до квартиры своего приятеля, напоролась на грабителей, которые перерезали ей горло.

Я не хотела смерти госпожи Бао, ведь благодаря ей я попала в любящую семью, а не в детдом, но такова была моя сущность: где бы ни появлялась Лин Чжин Хо, там обязательно случались несчастья.

В два года я окончательно потеряла мать. Она и раньше была, что называется, поехавшей: то забудет меня в ванне, где из крана бежит горячая вода, то даст мыло вместо сока, то отправит на прогулку без обуви. Чаша переполнилась, когда однажды мамочка дала мне поиграть своими таблетками. Отец пришёл домой как раз к моменту, когда я доедала вторую пачку флуоксетанга – мощного антидепрессанта, в больших дозах угнетающего дыхательный центр. Тогда я чуть не умерла, и папа решил, что рассеянность моей матери зашла слишком далеко. Сделав слепок сознания супруги, когда она пребывала в твёрдой памяти, он отправил её в психушку. Ну а я целый год наслаждалась обществом куклы с сознанием живого человека – моей мамы, госпожи Чжин Хо. Пока и оно окончательно не угасло.

Слепки имеют срок годности; обычно их делают для того, чтобы ребёнок мог попрощаться с близким человеком, которого больше нет в живых. В моём случае кукла заменила реального человека, которому запрещено было общаться со мной по решению суда. Тогда, в два года, я не смогла по достоинству

оценить потерю: мамы в моей жизни было совсем мало.

Но когда в семь лет я лишилась отца, что-то в голове щёлкнуло, и я поняла, что приношу несчастья. Смерть папы была трагичной и… глупой. В то время были популярны нейросенсорные игры, и мой папаша, как заядлый геймер, конечно же, поставил себе игровой чип в лобную долю. Вернувшись из школы, я нашла его бьющимся в агонии с пеной у рта. Его мозг перегорел, не выдержав нагрузки, – так сказали врачи. Психологи предложили мне пожить немного с такой же интерактивной куклой, но на этот раз с сознанием отца. Я отказалась, решив, что с меня довольно кукол.

Подтвердив на комиссии свою независимость и дееспособность, я начала жить одна, искренне веря, что спасаю человечество от злого рока, преследующего меня по пятам.

Когда мне было шестнадцать, «Чхонджу геймз» презентовала первую нативную игру. Я была на этой презентации и держала в руках первого джойкегури – существо-геймпад в виде лягушки. Это было волшебно. В тот день я поняла, чем хочу заниматься в жизни. Потребителям не было необходимости работать, для этого существовали производители – люди, выращенные в пробирке. Как госпожа Бао или мой приятель Хвон. Как и я.

Должно быть, мои приёмные родители успели вложить в меня нечто хорошее, потому что я всегда стремилась приносить пользу людям, даже когда не знала об истинной природе своего появления на свет. Родители подарили мне счастливый билет в будущее, и пусть они никогда не увидят, каких высот я достигла, я благодарна им, что у меня всегда был выбор.

В семнадцать мой мир рухнул. Я узнала о том, что являюсь клоном девочки, погибшей в автокатастрофе, и меня вырастили в корпорации «Нанко» по заказу супругов Чжин Хо. Именно тогда впервые в жизни я почувствовала себя номером вторым. Клон. Копия. Синтетик. Производитель по своей природе.

Я презирала свою внешность, генотип, собранный по кусочкам и отредактированный, словно файл. Ощущала, что прошлое предало меня, подставило, обмануло, подсунув чужую жизнь в качестве изнанки. Я не хотела жить. Но именно в это невероятно трудное для меня время в моей жизни появился Сэджик.

– Сможешь выйти сегодня на работу? – Нет, босс не спрашивает. Босс утверждает. Такую фразу я привыкла слышать пару-тройку раз в месяц.

– Сегодня воскресенье, Сэджик, – ответила я, вытирая волосы полотенцем.

С Йеном Сэджиком, генеральным директором «Чхонджу

Геймз», я познакомилась в шестнадцать лет, на той самой первой презентации. Он сразу приметил меня: не самую талантливую, зато уж точно самую упрямую выпускницу. Ради работы в крупнейшей корпорации по созданию игр я готова была убивать. А ещё я всегда была и являюсь крайне внушаемым человеком. Меня легко подсадить на игру, что и сделал со мной господин Сэджик.

– Код R-2319, Лин, – небрежно кинул начальник. Когда в названии кода есть буква, это означает, что ситуация внештатная. А когда ситуация внештатная – всегда вызывают меня, потому что только я способна проглотить любую игру: от ужастиков рейтинга SS до порнографии с элементами кинка.

– Кто прислал? – уточнила я, зачёсывая назад подсушенные волосы. «Чхонджу Геймз» сотрудничала с несколькими инди-разработчиками, которые поставляли нам игры. Впрочем, некоторые создатели предпочитали оставаться неназванными. Как и в этот раз.

– Аноним. – Я практически видела, как нахмурился Сэджик: он ненавидел чего-то не знать.

– Жанр? – Конечно же, я могла выяснить всё это на работе. Но Сэджик ожидал от меня ответа, а мне не терпелось потрепать его стальные нервы.

– Кажется, хоррор, – ещё более небрежно кинул босс. – Так ты приедешь?

Надо же, снизошёл до прямого вопроса.

– Да. Я приеду, Сэдж. – Я улыбнулась своему отражению. Играть с чувствами босса может быть очень забавно, главное, не забывать, что он в любой момент может тебя уволить.

Вы можете подумать, что мы состоим в романтических отношениях, но это не так. Сэджик женат на своей работе, ну а я… ближе джойкегури у меня никого нет.

Джойкегури – живой геймпад для нативных игр. Может хранить от ста до полутора миллионов сюжетов. К человеку он подключается через порт в пупке, который бесплатно имплантируется при покупке первой игры и меняется раз в пять лет. С тех пор, как игровые нейродатчики, убившие моего отца, были запрещены, человечество перешло на использование нативных игр. Мы почти отказались от контактов «меха-био», кроме разве что торговцев из Нижнего города. Они до сих пор бренчат своими устаревшими механическими протезами, тогда как все потребители давно перешли на контакты «био-био».

Джойкегури – полностью биологические существа, выращенные на фермах. У них есть примитивная нервная система и зачатки интеллекта, однако в нашем мире, где построить

отношения гораздо сложнее, чем космический корабль, джойкегури стали практически членами семьи.

Моему питомцу три года. Это много по меркам геймпадов. Он хранит в себе воспоминания о трёх тысячах игровых сюжетов, но я использую только один.

Посмотрела на трафик: пробок сегодня нет.

– Буду через одиннадцать минут, – сказала я боссу и закончила разговор. Успеем ещё пообщаться. Любовно погладила своего джойкегури и положила его под ультрафиолетовую лампу.

Антигравитатор нёс меня через джунгли утреннего Нова Соуля. За окном солнце отражалось от тысяч зеркальных поверхностей домов и солнечных батарей, поливало своим светом джойфермы, но я не видела всего этого, потому что, как обычно, листала ленту новостей. Мне не было дела до торговцев-производителей, что обосновались там внизу, посреди сточных вод и свалок. Здесь, наверху, где много воздуха и света, жили потребители, высший класс нашего общества, к которому волей судьбы относилась и я.

Звонок от Хвона. Я ощутила его как серию коротких импульсов, поступающих прямо в мозг.

– Зависнем сегодня? – Ни «привет», ни «как дела», типичный Хвон со своим «зависнем».

– Не знаю, Сэджик-ним попросил приехать сегодня, – удручённо ответила я и тут же мысленно воскликнула: «Ну почему именно сегодня?»

– И ты, разумеется, не смогла ему отказать, – констатировал мой друг. Хвон работал в небольшой конкурирующей компании, но к Сэджику относился предвзято именно из-за его особого ко мне отношения.

Всё, что я могла, – это промолчать, тупо разглядывая танцующую неоновую девушку из рекламы стрип-клуба. «Зависнуть» на языке Хвона означало совместное подключение к «Невесомости» – новинке на рынке нативных игр, когда ты просто паришь в пространстве без света, звука и гравитации. Тот ещё наркотик. Говорят, если играть в «Невесомость» несколько суток подряд, можно увидеть свои прошлые жизни или будущее, или ещё чёрт знает что. Но мне совсем не хотелось проверять это, ведь пока ты «зависаешь», тело продолжает функционировать. Да, vr-костюмы хорошо впитывают продукты жизнедеятельности, и всё же ходить под себя несколько суток – удовольствие сомнительное. Мой рекорд в «Невесомости» составлял пять с половиной часов, и это было слабовато, по мнению друзей.

– Ладно, всё понятно, Лин-ян, – ответил Хвон. – Если зверюга отпустит пораньше, мы будем где обычно.

«Где обычно» было vr-клубом «7/11», круглые сутки впускающим в двери сотни гиков вроде нас.

– Не буду обещать, Хвон, – ответила я, наблюдая, как антигравитационный лайнер снижается над зданием «Чхонджу Геймз». Я бы очень хотела присоединиться, но господин директор вполне мог задержать меня до позднего вечера. Или даже до утра.

А вот и он сам. Йен Сэджик ждал меня на стыковочной площадке: невысокий молодой человек в деловом костюме – ничем не примечательный, на первый взгляд; таких миллионы в Нова Соуле, как среди потребителей, так и среди производителей. И только мелочи могли выдать в нем директора крупнейшей корпорации на всём континенте: золотые запонки, джойкегури последнего поколения, гордо лежащий в руках, но главное крылось во взгляде – властном, холодном и в то же время пылающем страстью к своей работе. Таким был Йен Сэджик, которого я знала и почитала, словно божество.

– Опоздала на одну минуту, – процедил он, подавая мне руку.

– Сегодня такой день, что никто со мной не здоровается? – риторически спросила я, но тут уже переключилась на деловую волну. – Кто-нибудь уже смотрел *её*?

– Ты будешь первой.

– О да, – ухмыльнулась я. Нет ничего слаще в этом мире, чем тестировать игру, в которую не входил никто, кроме создателя.

Мы прошагали в светлое здание корпорации. Зелени здесь было больше, чем где-либо ещё в Нова Соуле, поэтому воздух был чистым и свежим.

– Прежде чем ты увидишь геймпад, я хочу узнать у тебя кое-что. – Изящным движением цепких пальцев Сэджик придержал меня за манжету блузки. – Как давно ты производила замену порта?

Вопрос удивил меня.

– Год назад, а в чём дело?

В шестнадцать я оказалась в группе добровольцев, которым имплантировали первые экспериментальные порты. Я ожидала чего угодно: от гепатита до полиорганной недостаточности, но единственный минус этих портов состоял в том, что не со всеми играми удавалось достичь полного слияния. И когда год назад на свой день рождения я, наконец, поменяла чип на универсальный, радости моей не было предела.

Сэджик нахмурился.

– Возможно, после этого случая придётся. У нас есть подозрения, что джойкегури инфицирован…

Дальше я уже не слушала. Бодро прошагав в лабораторию, я, наконец, увидела то, из-за чего было столько шума. Геймпад

лежал под ультрафиолетовой лампой, а над ним, склонившись, стояли разработчики и учёные.

– Позвольте взглянуть, – произнесла я, и мужчины расступились. Я никогда не стремилась к тому, чтобы быть лидером или примером для подражания. Просто моя страсть к работе, а именно к тестированию новых, зачастую даже самых странных нативных игр, снискала мне авторитет среди коллег.

– Лин-сонбэ, – украдкой поприветствовала меня младший ассистент Мэй. Она ходила за мной хвостиком и иногда очень надоедала, но я делала скидку на то, что ей всего восемнадцать. Мэй пришла в «Чхонджу Геймз» почти в том же возрасте, что и я, вот только я не создавала себе кумиров. До нас нативными играми всерьёз не занимался никто. Это был экспериментальный продукт, неожиданно имевший колоссальный успех во всем мире. И из первооткрывателей мы превратились в богов. Ну, почти.

– Взгляните на эти бляшки, Лин, – произнёс Ван, указывая на тело джойкегури.

Я нахмурилась. Одного, даже беглого взгляда хватило, чтобы определить: с этим геймпадом явно что-то не то. Под тонкой полупрозрачной кожей билось сердце. Сердцебиение у «лягушек» почти как у крыс: 80–90 ударов в минуту, а нервная система совсем примитивная, почти как у простейших. То, что Ван назвал «бляшками», представляло собой странные чернильные пятна, напоминающие кровоизлияния.

Самое печальное, что мы не могли лечить джойкегури, не могли даже диагностировать болезнь. Любое вмешательство в их организацию влекло за собой «поломку» сценария. Всё, что мы могли сделать, – это подключиться к геймпаду и на уровне игры выяснить, что с ним не так. Именно этого от меня и ждали коллеги. Но я не готова была спустить в унитаз всю свою карьеру.

– Не боишься, что нам подсунули троянского коня? – Я внимательно взглянула на Сэджика.

Конкуренты вполне могли прислать нам испорченный геймпад, чтобы вывести из строя одного из сотрудников. В данном случае, меня.

Весь отдел ожидал реакции господина Сэджика, но, кажется, тот не спешил делиться своими догадками. Почесав с минуту гладко выбритый подбородок, он наконец произнёс:

– Лин, можно тебя на минутку?

Мы вышли за дверь, оставив коллег в полном недоумении.

– Его прислал некий Абра Хо, – произнёс начальник, когда мы остались наедине.

«Понятно, значит, всё-таки не аноним».

– Это наше будущее, Лин, – прошептал Сэджик, хоть нас и так

никто не мог услышать. – В сопроводительном письме было ясно сказано, что если мы не протестируем и не выкупим игру в течение сорока восьми часов, джойкегури умрёт. А вместе с ним и миллионы вон, которые мы могли бы заработать на этой игре!

Я нахмурилась. Сэджик был отличным боссом, но иногда его озабоченность деньгами глубоко ранила меня. Для меня игры были в первую очередь искусством.

– А если протестируем? – мрачно спросила я, не поднимая глаза от пола.

– Он пришлёт противоядие.

Так, значит, джойкегури всё же был болен. Что ж, неутешительно.

– Я не знаю, что с геймпадом и насколько это опасно, но, Лин… – Сэджик лёгким движением приподнял мой подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. – Эта игра нужна нам. Она перевернёт представление об играх во всём мире, понимаешь?

Однажды он уже говорил мне это, и я поверила. И не прогадала. Но сейчас страх паралитическим ядом отравлял мои мысли: невыносимо было даже подумать о том, что будет, если я подхвачу заразу!

– Конечно, мы можем отказаться. – Сэджик прочитал сомнение на моём лице и разочарованно опустил большие раскосые глаза. – Но тогда в следующий раз Абра Хо пришлёт джойкегури в компанию конкурентов. А мы потеряем огромные… огромную возможность взлететь к звёздам!

– Я сделаю это. – Мысль о гипотетическом заражении была невыносимой. Но ещё невыносимее было видеть разочарование на лице Сэджика.

– Я не сомневался в тебе, Лин, – почти тепло произнёс господин Йен. Иногда мне казалось, что он любит меня. Пока я не вспоминала, что главная любовь в его жизни – это деньги.

Ну а в моей – игры.

– Дамы и господа, готовьте кресло, – громко распорядился директор, возвращаясь в офис. – Лин протестирует её.

⁂

Я расстегнула рубашку и легла в кресло, разместив джойкегури на своём животе. Коллеги-мужчины не стали покидать комнату: мы работали тестировщиками не первый год и не стеснялись обнажённого тела. Почувствовав контакт с телом человека, джойкегури ожил, доверчиво расправил свои недоразвитые конечности, а его сердце забилось сильнее. Как и

моё.

– Будь осторожна. – Сэджик лично обработал место разъёма на моём животе. – И выходи при малейшей опасности.

Я молча кивнула и взяла из его рук пуповину кегури. Ещё десять лет назад это могло показаться странным: соединять своё тело с другим биологическим видом. Сегодня такое взаимодействие являлось нормой. Более того, я уверена, что с учётом дальнейшей экспансии человека за пределы своего ареала скоро мы будем существовать в виде симбионтов или даже химер.

Мягкое тепло разлилось по всему телу, когда я вставила окончание шнура в свой пупок. Джойкегури задрожал, и я успокаивающе погладила его по спине.

«Всё хорошо, милый, – разговаривать с геймпадом, пусть даже мысленно, было моей привычкой. – Впусти меня».

Очертания комнаты поплыли. Мэй без разрешения нацепила на мои виски датчики ЭЭГ, но протестовать не было ни сил, ни желания: игра поглощала меня, опутывала, словно тугой кокон, и я совсем не хотела сопротивляться.

– Какая высокая активность, – негромко воскликнула ассистентка, указав на данные, полученные от моего мозга.

Кажется, Сэджик сказал что-то вроде: «Ну это же Лин», но меня больше не было в комнате. Я была в другой реальности.

Сложно придумать игру жанра хоррор, которая смогла бы меня напугать. Я с лёгкостью проходила сценарии с призраками, восставшими из мёртвых, чудовищными мутантами и жаждущими крови пришельцами. Там, где у взрослых мужиков случался сердечный приступ, я действовала уверенно и хладнокровно, потому что никогда не забывала – это всего лишь иллюзия.

Таких, как я, ненавидят производители игр и на вес золота ценят люди вроде Сэджика. Меня не удивишь ни правдоподобной графикой, ни тактильными ощущениями реальнее, чем сама реальность. Кто-то думал, что мой секрет кроется в непоколебимом внутреннем стержне, способности чётко разграничивать, где кончается настоящий мир и начинается выдуманный, но всё было гораздо проще. Я всегда держала в голове одну вещь: реальный мир опасен и непредсказуем, а границы игры определяются лишь границами человеческого воображения.

Я оказалась за городом. По левую руку была магистраль, по правую – сточные канавы. Создавалось ощущение, что минуту назад кто-то вышвырнул меня из машины прямо в эту мокрую, пахнущую химикатами осень. Из одежды на мне была какая-то рванина, а в руках – свёрток, который я ни в коем случае не должна была бросать. Это было правило, продиктованное

сюжетом игры; все прочие действия оставались на моё усмотрение.

Низкое серое небо проливалось мелким дождём, и через пару минут я промокла до нитки и очень замёрзла. Всё, что мне оставалось, – это идти вдоль шоссе и надеяться на попутку. Либо ждать подсказок от самой игры.

Машины проносились мимо, но никто не обращал внимания. Нет, не так: люди проезжали мимо, опасаясь меня. Я видела страх на лицах водителей и пассажиров. Вот проехал потрепанный минивэн со следами обстрела на ржавом корпусе, и дети на заднем сиденье принялись таращиться на меня. За это им тут же влетело от строгой мамаши. Значит, для всех остальных в этом мире я была иной.

Другой, не такой, как все, опасной. Странное, до боли знакомое чувство всколыхнулось во мне, словно когда-то я уже была здесь. Не на этой бесконечной дороге, но внутри этого поганого водоворота самоотрицания. Абра Хо запрограммировал джойкегури проникнуть в воспоминания игрока, чтобы вызвать на поверхность его депрессии, неврозы, навязчивые идеи.

«Неплохой ход, – подумала я, стиснув зубы и продолжая топать вдоль дороги. – И всё-таки это всего лишь игра».

Над головой просвистела тройка истребителей. А через пару минут за лесом прогремел артиллерийский залп. Здесь шла война.

«Ваше здоровье на исходе», – замигала надпись в правом верхнем углу.

– Хрен вам! – дрожа от холода, проскрипела я и сошла с дороги. Преодолела вонючую канаву и ступила в высокую траву заросшего поля. Метрах в ста виднелась полуразрушенная водонапорная башня, и интуиция опытного игрока велела мне направиться туда.

Я не ошиблась: руины были входом в подземную лабораторию. Мерзкое место, пахнущее болью и лекарствами, но хотя бы сухое. Гулкие коридоры уходили вниз, в неизвестность, лампы мигали тусклым светом, а на кафельном полу виднелись кровавые разводы.

Хотелось бежать отсюда как можно скорее, но в этот момент случилось нечто совершенно неожиданное: свёрток в моих руках зашевелился.

Это был ребёнок. Маленький, голый, синий от холода. До этого момента я никогда не держала на руках новорождённых детей и, честно говоря, никогда не стремилась. Но этот младенец был не просто свалившейся с неба обузой, он был частью меня, о чём свидетельствовала пуповина, соединяющая нас.

Нет, не порт, как в случае с джойкегури и игроком. Пуповина в действительности соединяла наши животы, и это было… ужасно!

Я вскрикнула, и ребенок заорал. Мне хотелось бросить его, отрезать эту жуткую пуповину, но я не могла. Всё-таки он был живым.

Завернув его в те же тряпки, я принялась бежать. Вглубь лаборатории, надеясь получить хоть какую-то помощь.

Позднее, вспоминая этот момент, я мысленно преклонялась перед создателем игры, господином Хо. Он стал первым, кто заставил меня поверить в реальность происходящего. Но самое страшное было ещё впереди.

Коридоры были пустыми. Я звала на помощь, но в ответ раздавалось только эхо. И всё же я не смогла не заметить, что в больнице царил хаос. Палаты были разгромлены; пол в одной из них был усеян осколками разбитых колб, а другая явно послужила местом исполнения наказания: стена была изрешечена пулями, а кафель основательно залит кровью.

Тел тоже не было, и от этого было ещё страшнее.

Два человека появились неожиданно: в тот самый момент, когда я уже отчаялась найти хоть кого-то. Они стояли в дверях очередной палаты, спокойные и молчаливые.

– Слава богу, хоть кто-то! – радостно воскликнула я. – Вы знаете, что здесь произошло?

Мужчина и женщина молчали. Несколько секунд потребовалось мне, чтобы узнать в них своих родителей.

Игра была сложнее, чем я предполагала. Джойкегури не просто поднимал со дна мои страхи, он развивался, встраивая в сюжет фрагменты, взятые из моей памяти.

Лица умерших родителей были в точности такими, какими я их запомнила. Вот только одеты они были в серые комбинезоны, напоминающие тюремные.

– Рин, – произнесла мама, и это имя ножом резануло по сердцу. Рин. Имя моей погибшей сестры-близнеца.

– Я Лин, мам, – сказала я, с трудом сглатывая комок в горле.

Но мать обращалась вовсе не ко мне: их с отцом взгляды были прикованы к младенцу у меня на руках.

Осознав, кого именно я держу на руках, я едва не осела на пол. Можно было выйти из игры в любой момент, но сбежать от себя – невозможно. Тяжесть прошлого, осознание того, кто я есть на самом деле, мёртвым грузом придавили меня к земле. Эта игра была хуже, чем просто ужастик. Она показывала игрокам правду о самих себе.

Рин снова заплакала. Нет, не так: заорала. Этот невыносимый

звук разносился по подземелью, отскакивая от стен многоголосым эхом. Мама взяла из моих рук свёрток с ребёнком и принялась качать, но в этот момент – господи, кто только додумался до такого! – изо рта младенца начала течь кровь.

Тёмная, густая, пахнущая железом. Она струилась по подбородку и капала на пол. Кап-кап-кап… Пф-фух! Целый фонтан крови вырвался изо рта ребёнка, заливая меня с головы до ног.

Зарычав от ужаса и отвращения, я принялась срывать с себя испачканную одежду.

В этот момент в реальном мире коллеги, неусыпно следящие за показателями моего организма, забили тревогу.

– Лин, немедленно выходи! Слышишь меня?! – словно в тумане донёсся до меня голос Сэджика. – Твоё давление опасно подскочило!

Кровь Рин впиталась. Мои поры втянули её, словно сок через трубочку. Теперь она была во мне – моя чёртова сестра-клон. Она была частью меня, и я была заражена ею, словно болезнью.

Я выдернула пуповину раньше, чем вышла из игры. Попыталась встать с кресла, но почувствовала сильное головокружение. Сэджик прикрыл меня простынёй и жестом приказал коллегам вернуться к своей работе, мол, она в порядке, глазеть не на что.

– Твои мозг и сердце работали на пределе. – Йен присел рядом со мной. – Ты перенесла колоссальную нагрузку, Лин. Что там произошло?

Вместо ответа я нервно рассмеялась. Мэй сделала укол флуоксетанга – да-да, того самого, который в детстве чуть не убил меня. Сейчас только он мог снять так называемую постигровую ломку.

– Сделай ещё, – попросила я. – Ещё одну дозу.

Мэй вопросительно взглянула на Сэджика, и тот одобрительно кивнул.

– Восстанавливайся, – сказал он и протянул мне шоколадку. – Можешь поехать домой и отдохнуть. Только не очень надолго: а то некоторые здесь умрут от любопытства.

– Со мной покончено, – тихо сказала я.

– Что?

– Я всё, Сэдж. Выбыла. – Снова нервный смешок. – Игра заразила меня.

Не нужны были доказательства, полученные опытным путем. После того как кровь Рин проникла в мой организм, пусть даже на уровне игры, я поняла, что инфицирована. Чем – неизвестно. Но это в любом случае означало конец моей карьеры

тестировщицы.

Глава 8. Вирус

Пять часов назад я вошла в игру.

В прошлом столетии люди победили СПИД. Нашли лекарство от рака. В Нижнем Нова Соуле – так называют те сточные канавы на нулевых уровнях города, где живут производители, – всё ещё болеют корью и сифилисом, но мы, потребители, выше этого. Мы прививаемся и предохраняемся. Наш генетический материал чистится от случайных ошибок и промахов. Но иногда бывают осечки.

Четыре часа назад я съездила по физиономии Йена Сэджика и покинула офис, в котором проработала почти пять лет. Может, господин Абра Хо и пришлёт антидот для своего драгоценного джойкегури, но меня лечить уже поздно.

ЗППНИ – заболевания, полученные путём нативных игр – редкая и весьма мерзкая группа болячек. Чаще всего они возникают, когда в паре игрок – джойкегури наступает дисбаланс. Тогда клетки тела человека начинают атаковать своего хозяина, и в этой борьбе он сгорает словно спичка. Это называется аутоиммунной реакцией.

Два часа назад я побывала в клинике и сдала анализы на вирус ЗППНИ. А десять минут назад – получила результаты.

Иммуноглобулин J оказался повышенным, а это явный признак заражения. Вместе с неутешительным (да что там – катастрофическим!) результатом мне выдали короткую инструкцию, которая вызвала у меня приступ нервного смеха:

«Не вступайте в контакт с людьми.

Не используйте порт для нативных игр!

Оставайтесь дома и ожидайте дальнейших указаний».

Ожидайте дальнейших указаний! В сети я нашла всего три случая ЗППНИ вирусной этиологии. Всего три за пять лет! Лечения нет, диагностика затруднена. Понятно, почему врачи на ушах стоят. Хорошо хоть меня не изолировали на месте, а дали спокойно добраться до дома.

«Не вступайте в контакт с людьми». Полная чушь. Фраза для галочки. Гибридный вирус, появившийся на свет божий в результате слияния генотипа человека и джойкегури, не передаётся ни воздушно-капельным, ни половым путем. Я безопасна для окружающих, пока не использую порт или не пью чужую кровь. Если без крови я и могу прожить, то без игр… Без игр я теперь никто.

Умышленно или нет, но господин Хо забрал у меня смысл существования. Ни один порт не сможет стопроцентно защитить джойкегури от вируса ЗППНИ, а это значит, что ни одна маломальски приличная компания не возьмёт меня тестировщиком.

Нет, я не умру от голода, оставшись без работы. Большинство потребителей ведут праздный образ жизни, получая за это деньги от производителей. В какой-то степени это свинство, но таково их право по рождению. Кто я, чтобы осуждать модель поведения, сформированную в наших умах на протяжении столетий?

Беда в том, что без игр моя жизнь превратится в ничто. Реальность – это жмых, оставшийся от фруктов, тогда как игры – самый сок. Все сферы нашего общества замешаны на нативках, а без них я очень быстро стану изгоем.

Вспомнив кое о чём, я метнулась в ванную. Ну конечно: в тайничке за зеркалом лежала последняя упаковка флуоксетанга. Не то, чтобы я сидела на нём, просто… да чёрт возьми, кого я обманываю! Уже два года я принимала его регулярно, превышая рекомендуемую дозу. Брала на работе, но теперь, после увольнения… Вряд ли Мэй настолько любит меня, чтобы привозить флуоксетанг мне на дом.

Я попала. Серьёзно влипла. Кроме всего прочего, теперь ещё и ломка станет моей верной спутницей. Отыскав сигареты, оставшиеся от последнего бойфренда, я вышла на балкон и закурила.

Как же давно я не была здесь! Не смотрела в лицо этому равнодушному, нестерпимо громкому и невыносимо яркому городу. С моего сто второго этажа землю было почти не видно. Только неоновые вывески и голограммы, проплывающие мимо окон потребителей, живущих на этом уровне. Но я знала, что где-то там, внизу, тоже есть жизнь, есть торговцы, религиозные фанатики, приверженцы культа отказа от биопортов и имплантатов. Выдохнув ментоловый дым в лицо вечно смеющемуся Нова Соулю, я твердо сказала себе, что не примкну ко всем этим отбросам, что бы ни случилось.

Ночь принесла с собой лихорадку и бредовые сновидения, закольцованные, словно змея, кусающая свой хвост. В каждом из них я безуспешно пыталась перерезать пуповину, соединяющую меня с Рин, но младенец рос и рос, пока не превращался в мою точную копию. И вот уже не пуповина соединяла нас, а петля, наброшенная на мою шею.

Я проснулась от собственного крика. Дверь на балкон осталась приоткрытой, и оттуда валил тяжёлый, пропитанный выхлопными газами воздух. Ревели двигатели антигравитаторов, развозивших по домам пьяных офисных работников. Им вставать

через пару часов, а они только что закончили выпивать с боссом. Какая-то девчонка громко смеялась, и этот смех был похож на лай шакала.

Закрыв дверь, я понизила температуру в комнате до минимальной. Приняла флуоксетанг. Потом ещё. Потом ещё, вместе с жаропонижающим. Нет, недостаточно. Нужно было действовать радикально.

Набрав ванну до краёв, я приправила и без того ледяную воду кубиками льда, оставшимися после редких вечеринок в моём доме. Залезла, ощущая, как перехватывает дыхание, а сердце норовит выскочить из грудной клетки через рот.

Ну надо же: меня, лучшую тестировщицу во всём Нова Соуле, сломали собственные кошмары. Всю свою жизнь я боролась с тем, кто я есть на самом деле – клон, выращенный в лаборатории, но сегодня моё прошлое прорвалось к свету и запустило чёрные путы в самое сердце. В мой мозг, в мою кровь, испортив её, отравив, сделав грязной и непригодной. Я никогда не боялась чужой фантазии, но кто бы мог подумать, что именно мои страхи однажды погубят меня.

Рука потянулась к джойкегури, которого я по привычке носила с собой по дому. Играть было опасно – так гласила инструкция. Но по – другому мне не забыться, не вытравить эту боль из души.

– Прости, приятель, – прошептала я, подключая шнур к своему порту. Я знала, что почти наверняка заражу его, своего старика. – Со мной тоже поступили жестоко.

Единственный сюжет, который хранил в себе мой джойкегури, изначально задумывался как страшилка. Однако я смогла сделать эту игру своей любимицей, должно быть, в силу тяготения к саморазрушению.

Волна жара прокатилась по моему остывшему телу. Я закрыла глаза и через несколько мгновений оказалась на другой планете. Сегодня игровое поле было покрыто густым слоем снега. Он искрился под светом луны, и его ровная гладь лишь изредка перемежалась верхушками сосен, покрытыми снежными шапками. Я же сидела в своей излюбленной позе на одиноком камне.

Небо начало розоветь – но это был не восход. С каждой секундой становилось всё теплее, и снег таял, превращаясь в струящиеся ручьи. Талая вода омывала камень, на котором я сидела, пока, наконец, не высохла под жаром летящего астероида. Возможно, кого-то и страшил конец света, но только не меня. Мне нравилось смотреть, как под действием запредельных температур плавятся камни. Ощущать, как моё собственное тело сгорает и рассыпается на атомы, которые потом становятся частью звёздной

пыли.

Игра не транслировала боль; весь её ужас и одновременно наслаждение заключалось в осознании своей гибели, распада на ничтожные частицы. Каждый раз сценарий смерти был иным, но суть сводилась к одному – уничтожению всего сущего.

И вот, паря среди звёзд и чёрных дыр в качестве разобщённых атомов, я вдруг ощутила присутствие постороннего. Кто-то собирал меня, притягивал друг к другу частицы, из которых состояло моё тело. Вирус! Он взломал мою игру и теперь переписывал её по своим правилам. Ужас охватил меня, но, всё ещё оставаясь в виде чистого сознания, я не могла сопротивляться.

Тем временем атомы складывались в молекулы, молекулы образовывали нити ДНК… Но это была не я. Вирус внедрил в программу сборки энное число мутаций, и теперь вместо меня на свет должно было появиться не иначе как чудовище.

Я закричала, взглянув на свои руки. Совершенно плоские двухмерные развёртки моих рук устремились из одной бесконечности в другую… Не дожидаясь продолжения этого адского превращения, я вышла из игры.

– Ты можешь сейчас приехать? – Я звонила своему приятелю, Хвону Чангпу.

Тот ответил не сразу: ну конечно, ведь они сегодня «зависали».

– Всё в порядке, Лин? – В голосе Хвона слышалось опасение за мою жизнь.

– Да… Нет. – На глаза навернулись слёзы. Мне хотелось закричать: «Я в полном отчаянье! Я уничтожена! Я смертельно больна!», но вместо этого я выдала лишь сухое: – У меня проблемы.

Не задавая лишних вопросов, парень отключился. А через пятнадцать минут его высокая нескладная фигура возникла у меня на пороге. Чангпу был одним из немногих производителей, пробившихся «в верха» при помощи интеллекта и адского труда. Когда мы только познакомились, всё, что он мог позволить себе, – это снимать пахнущую рыбой комнатушку над доками. Сейчас он жил всего на три уровня ниже меня, и никто и никогда не признал бы в нём производителя. Хвону удалось сбежать от своего происхождения, как и мне. По крайней мере, я думала так ещё утром.

Оглядев меня с ног до головы, он вздохнул и покачал головой.

– Ты выглядишь не лучше, – огрызнулась я в ответ на его взгляд. Он всё ещё был в vr-костюме, а волосы взмокли от пота.

Но до меня ему было далеко. Налив приятелю чаю, я удалилась в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Мой внешний вид никогда не соответствовал принятым в нашей компании нормам: «рукава», набитые ещё в молодости, асимметричная причёска и цвет волос, меняющийся каждый месяц, от ультрафиолетового до пепельно-розового, рваные джинсы и футболки с персонажами из манхва – на всё это Сэджик закрывал глаза лишь по причине моей незаменимости. Но сейчас, впавшая в отчаяние, я больше напоминала не гениальную тестировщицу нативок, а хостес из Нижнего города. Всклокоченные волосы, размазанная тушь, искусанные костяшки пальцев и неестественно расширенные зрачки – я всё ещё была под воздействием флуоксетанга.

После горячего душа последовал долгий разговор. Хвон почти не перебивал, только иногда вскакивал с места и принимался расхаживать по квартире. Я рассказала ему всё, включая события последних часов, когда вирус нарушил ход моей домашней игры.

– Ты должна немедленно лететь к этому Хо, – сказал он, когда мой рассказ был окончен. – Пусть лечит тебя, гад он этакий!

Иногда Хвон был излишне эмоциональным, но это не мешало ему давать дельные советы. У меня не оставалось выбора, кроме как навестить господина Хо и заставить его (или умолять на коленях) дать мне противоядие.

Дождавшись утра (передоз не позволил мне уснуть), я вызвала лайнер на великодушно присланный Сэджиком адрес Абры Хо. Но не тут-то было: программа такси заблочила меня, не дав даже подняться на борт.

«Заражение! Заражение! Заражение!» – трещал динамик, пока я не отменила свой полёт, высказав напоследок всё, что я думаю о лайнерах, карантине и в особенности господине Хо.

Меня не пустили на борт. Что дальше? Не дадут выйти из дома? Заблокируют двери, оставив меня гнить в четырёх стенах?

Но я не собиралась сдаваться. Спустившись на лифте на первый этаж (не помню, чтобы я когда-нибудь это делала), я окунулась прямиком в разношёрстную толпу спешащих на работу производителей. С учётом всех пробок я доберусь до «Чхонджу Геймз» примерно за час… Что ж, могло быть и хуже, живи я где-нибудь за третьей дамбой. Стараясь минимально контактировать с проходящими мимо людьми, я подняла руку, чтобы поймать наземное такси.

Но самая большая неприятность ждала впереди.

Меня не хотели пускать в здание «Чхонджу Геймз». Но если

лайнер с заданной программой я ещё могла простить (точнее, не могла наказать), то упёршийся рогом консьерж знатно взбесил меня.

– Хочешь остаться без потомства? – сказала я, злобно зыркнув с высоты своих полутора метров. Да, вышло по-хамски, но я уже потеряла лицо, точнее, сбросила маску достигшей дзена бизнес-леди. Это сработало: консьерж услужливо посторонился и пропустил меня вперёд. Пусть я больше не сотрудник корпорации, авторитет, наработанный за пять лет здесь, всё ещё был при мне.

– Я попала под карантин, – произнесла я, врываясь в кабинет Йена Сэджика.

– Почему ты здесь, Лин? Разве инструкции не велят тебе сидеть дома? – К моему счастью, Сэджик не нажал на кнопку охраны. С нескрываемым удовольствием я рассматривала его припухшее лицо, по которому вчера проехался мой кулак. Босс не имел права рисковать мной и всё же рискнул.

– Что с кегури? – спросила я.

Йен молчал, и это взбесило меня.

– Что с игрушкой, Сэдж?! – повторила я, балансируя на грани нервного срыва.

– Абра прислал антидот, как и обещал. – Сэджик посмотрел мне в глаза. – Сегодня в полдень мы запускаем продажи.

Примерно этого я и ожидала.

– А обо мне вы не подумали? – Вопрос прозвучал унизительно, с позиции жертвы.

– Я ничего не скрывал, когда вызвал тебя вчера, – парировал Сэджик. – Ты знала о рисках, Лин. Просто… тебе не повезло.

Вчера я и сама говорила так, но сегодня… Сегодня я, чёрт возьми, хотела всё вернуть!

– Мне нужен флуоксетанг, – тихо сказала я.

– Ты больше не сотрудник. – Голос Сэджика похолодел.

Это было правдой. Я больше не имела права на лекарства, как и права находиться здесь.

Мне хотелось кричать, материться, бить стекло и самого Сэджика, который держался как всегда спокойно и уверенно. Я хотела спросить его лишь об одном: как он посмел поступить так со мной. Но ответ на этот вопрос был известен. Потому что ему все равно. Потому что всем плевать на тебя, Лин. Это мир потребителей, и в нём нет незаменимых людей. Никто не прикипает к коллегам и «друзьям» – всё временно, и всё имеет цену.

Сегодня моя цена равнялась нулю.

– Ладно, – вместо тысячи лишних слов сказала я. – Охрану

вызывать не будешь?

– Нет. – Сэджик отвернулся к окну и погладил лежащего на руках джойкегури.

Постояв ещё три секунды, я развернулась и направилась к дверям. Говорить больше было не о чем.

– Лин, – вдруг окликнул меня Сэджик, а затем быстро подошёл и опустил что-то в карман пальто.

Уже в коридоре я обнаружила, что это была мятая упаковка флуоксетанга. Последний подарок моего босса оказался унизительным.

⁂

Я не могла вспомнить, в какой момент моя жизнь начала напоминать затянувшийся кошмар. После разговора с Сэджиком мне хотелось тихо скончаться в каком-нибудь уединённом месте, но Хвон не дал этого сделать. Следующей ночью он завалился ко мне с дюжиной геймпадов и выпивкой.

– Если ты не можешь победить вирус внутри себя, победи его в игре! – с жаром сказал он, и именно под этим лозунгом прошли следующие сорок восемь часов. Я боялась, что друг испугается, но Чангпу отнёсся к моему заражению как к достойной миссии, которой он ждал всю свою жизнь. Моё спасение было если не делом чести, то уж точно увлекательнейшей из игр, и я не хотела портить ему удовольствие.

Мне было все равно. Состояние было стабильным, настроение равномерно паршивым, а часы измерялись дозировкой флуокса в моей крови. Подачку Йена я выбросила в порыве гнева, но тут же посчитала свой поступок опрометчивым, после чего достала упаковку таблеток из измельчителя и спрятала в свой тайник за зеркалом.

«Так делают все наркоманы», – подумала я, глядя в глаза своему отражению.

Ехать к врачам не хотелось, да и без толку было: в электронной инструкции, которую прислали мне на почту, до сих пор горела строчка: «Ожидайте дальнейших указаний». А это означало, что лечения попросту нет. Для меня нет. Возможно, Абра Хо блефовал, и златоносный кегури скончается раньше, чем я, но, если честно, всё это больше не волновало меня. Я оторвалась от Земли и теперь достигла точки невозврата. Плыла в невесомости, точно астероидная пыль. Ещё несколько часов, и в моём скафандре закончится кислород, и тогда я, наверное, подниму забрало своего космошлема и позволю вселенскому

вакууму высосать меня подчистую.

– С чего начнём? – спросил одухотворённый Хвон, аккуратно раскладывая по моей комнате джойкегури.

– Давай по алфавиту, – сказала я, пригубив коктейль с диким названием «Кислотная вишня». Состав был не менее ужасающим и больше сгодился бы для чистки туалетов, но, как я уже сказала, мне было всё равно. Мой организм отслужил своё.

– По алфавиту… – Хвон задумался, но быстро сообразил, что я шучу. – Очень смешно, Лин. Давай протестируй вот этот.

От слова «протестируй» меня покоробило, но я сдержалась. Уселась на кровать, сняла майку (Хвон в этот момент отвернулся) и без лишних прелюдий подключилась к предложенной игре.

Гонки. Прекрасно. Выпитые коктейли давали о себе знать, и я рулила как попало. В итоге на первом же повороте меня занесло, и я разбила себе голову. Игрушка продемонстрировала красочную картинку растёкшихся мозгов вперемешку с волосами и только потом оповестила меня, что «игра окончена».

– Серьёзно? – усмехнулась я. В голове шумело. Игры вроде гонок запрограммированы передавать приближенные к реальным болевые ощущения, причем ключевое слово здесь «приближенные». Во многом то, как мы воспринимаем нативки, зависит от способностей нашего мозга, от нашей внушаемости. Я относилась к группе людей с повышенной восприимчивостью – каждый проходит специальный тест ещё в начальной школе. Моего отца предупреждали, что у меня могут быть проблемы с наркотиками и алкоголем, если, конечно, я не стану геймером. И я стала. Осознанно или нет, я избрала для себя наименьшее из зол – быть в игре. Хотя, если разобраться, именно игры стали самым сильным наркотиком нашего века. Нашей валютой. Основой жизни и, как в моём случае, причиной смерти.

Пришлось сосредоточиться, чтобы пройти первый раунд без потерь. Совершая круг почёта, я вдруг заметила чёрную машину, мчащуюся наперерез.

– Что ещё за?!.. – только и успела вскрикнуть я: машина на полной скорости протаранила мой болид, и я вылетела прямо на трассу.

«Игра окончена», – прочитала я, разглядывая месиво из костей и мяса. Тело ныло ещё минут пять – до тех пор, пока джойкегури не приказал моему мозгу прекратить пытку. Эндорфиновая волна перекрыла боль, но возвращаться к гонкам я не торопилась. Чёрная машина не была частью сюжета, она была ошибкой, артефактом, призванным уничтожить меня. Она была вирусом, локализованным внутри игрового поля.

– Ладно, засранец. – Я покрепче ухватилась за штурвал своего

болида. – Попробуй догони!

– Отлично сказано, первый! – ухмыльнулся второй пилот. Он уселся рядом и принялся насвистывать себе под нос – так мог вести себя только бот, коим он и был.

Третий раунд закончился, не успев начаться: послав ко всем чертям законы гравитации, чёрная машина сверзилась на мою голову ещё на старте. Рассматривая оставшееся от меня мокрое пятно, я решила, что с меня хватит.

– Вирус локализовался в игре, – сказала я, отсоединяясь от ни в чём не повинного геймпада. – Теперь он тоже заражён.

– Значит, минус один. – Хвон спокойно отложил джойкегури с гонками и выдал мне новый. – Вирус – всего лишь паразит, Линян. Он не может сгенерировать того, чего нет в тебе, поэтому в одной из этих игр ты одолеешь его.

– Он нарушает законы игрового пространства, Хвон. – Я развела руками. – В этой игре гоночная машина летала как космический корабль!

– Значит, в следующий раз ты полетишь быстрее, – спокойно сказал этот непоколебимый парень. Я вздохнула. Не мне рассказывать Хвону, как паршиво бывает после трёх смертей подряд: его геймерский стаж куда больше, чем мой.

В пять утра он протянул мне последнего джойкегури. Чангпу валился с ног, а я ощущала себя как один большой синяк: рецепторы боли были раскалены до предела, и даже прикосновение мягчайшего в мире пёрышка доставило бы мне сейчас невероятную боль.

За последние семь часов мы перепробовали всё: сражаться с вирусом в открытом космосе, на десятке других планет, в джунглях и в бушующем море. Один за другим геймпады приоткрывали мне новые миры и один за другим заражались ВППНИ. Оказываясь на игровом поле, вирус принимал облик кракена, древнего демона ада, инопланетного луча смерти, испепеляющей звезды, гигантского океанского червя и прочие немыслимые виды, и каждый раз одерживал победу. Последняя игра была детской развивашкой: нужно было рубить фрукты, летящие в тебя, при помощи самурайского меча.

Взломать код такой игры не составило труда, и уже через пять секунд после начала вирус обнаружил себя. Гигантская двухцепочечная спираль ДНК аспидно-чёрного цвета развернулась посреди безоблачного неба. ДНК как символ моего несовершенства. Словно насмехаясь надо мной, она скользила по небу, завивалась и закручивалась, делилась и пожирала пространство, пока наконец не пожрала и меня.

Всё было кончено. Опустошённая до самого дна, я упала на

кровать, где уже дрых мой доблестный напарник. Поджав ноги, я свернулась клубочком, и обжигающие слёзы потекли по моим щекам. Слёзы безысходности и облегчения одновременно.

Я проснулась от стука в дверь. Стука. В дверь. Уже одно это было странным: можно было послать сообщение, позвонить на интегрированный с мозгом айпорт, использовать дверной звонок, в конце концов.

За последнее столетие мы минимизировали звуковые оповещения: это позволило снизить уровень хронического стресса и уменьшить число психических расстройств. Стук в дверь был пугающим пережитком прошлого, неуважительным проявлением грубой силы, но игнорировать его было нельзя.

– Это я, Лин-ян! – послышался голос Хвона из-за двери. – Я был на работе, но вернулся проверить, как у тебя дела.

Странные дела. «Умный дом» был запрограммирован впускать близких людей в любое время дня и ночи, так почему же сейчас система не сработала?

– Открыть дверь, – велела я, но ничего не произошло. Вместо этого по всем каналам связи мне пришло одно и то же сообщение:

«Вы изолированы. Оставайтесь на месте и ждите дальнейших указаний! Бригада уже выехала. Извините за неудобства».

– И что это значит?! – вслух сказала я. – Я что, не могу теперь…

Умолкнув, я метнулась к двери. Она не поддавалась ни с той, ни с другой стороны.

– Хвон! – крикнула я. – Дверь заблокирована!

– Что?!

Я не верила в то, что происходило, словно виртуальные игры продолжались.

– Меня изолировали, чёрт бы их побрал! – страшным голосом прорычала я. – И они… они уже едут!

Чангпу забормотал что-то в растерянности, а я принялась метаться по квартире, словно подстреленная лань. «Бригада уже выехала» – что это значит? Меня заберут на принудительное лечение, и до конца жизни я буду овощем на препаратах? Но я не больна. Я не заразна.

Неожиданно мой взгляд упал на джойкегури, которых вчера принёс Хвон. Они были мертвы, все до одного. Их тела посерели, а внутри, под тонкой сморщенной кожей, виднелись следы кровоизлияний. Чёрные бляшки. Я отыскала своего кегури, но он тоже был мёртв.

«Это я их всех убила», – дошло до меня.

Ощутив странное покалывание в месте биопорта, я подняла майку и не смогла сдержать крика: вокруг моего пупка

распространилась сеть тёмных сосудов. Я зажала рот ладонью, чтобы подавить рвущийся наружу вой. Теперь будущее представлялось мне ещё более жестоким: вирус не просто убьёт меня, он изуродует моё тело до неузнаваемости.

– Хвон. – Я снова оказалась у двери. – Уходи.

– Куда?! Я пытаюсь взломать эту чёртову дверь! – сдавленно прохрипел он: должно быть, возился с замком.

– Нет! – Не хватало ещё, чтобы Чангпу нашёл меня в таком виде. – Я… я действительно больна, Хвон-ним. Я заражу тебя.

Раньше я никогда не добавляла уважительное «ним» к имени приятеля. Но сейчас, когда меня и Хвона разделяла не просто дверь, а страшное слово «изоляция», я подсознательно прощалась со своим единственным лучшим другом.

– Да что ты несёшь, Чжин Хо?! – Чангпу не на шутку рассвирепел. – Мы же выяснили, что ты не опасна для людей!

Похоже, просто так он не уйдёт.

– Уматывай, иначе я вызову полицию! – Слова дались тяжело, но мой голос не дрогнул.

Возня за дверью прекратилась. Вряд ли Хвон по-настоящему испугался моей угрозы, но хотя бы дверь выламывать перестанет. А ещё мне будет проще разорвать связь между нами.

Так, нужно было срочно уходить, пока санитары не надели на меня смирительную рубашку. Я вышла на балкон, и шум города обрушился на меня, словно ведро кипятка, доведя рецепторы до исступления. Какие у меня есть варианты? Звать на помощь – бесполезно. Никому ни до кого нет дела. Лезть на соседний балкон, рискуя разбиться всмятку? Проще сразу спрыгнуть вниз.

В панике я снова бросилась в квартиру, и очень вовремя: за дверью послышались мужские и женские голоса, а ещё через мгновение раздался писк электронного замка. Это была бригада санитаров. Разумеется, у них был ключ.

В голове была только одна мысль: бежать. Пусть меня списали со счетов, изолировали от общества – я всё ещё была жива. И мне совсем не хотелось провести последние дни в одиночной палате.

Метнувшись на балкон, я перелезла через стеклянные перила и… прыгнула прямо на крышу антигравитатора, что завис этажом ниже.

Смогла бы я сделать это, не будь виртуальщицей до мозга костей? Вряд ли. Я слишком привыкла к тому, что всё вокруг – лишь игра.

Ладони коснулись разогретой обшивки. Ещё секунда – и лайнер поднимется в небо, а меня сдует воздушными потоками. Нужно было пробираться в салон, если я хотела жить дальше.

Волосы трепал прохладный ветер. Можно было бы разбить стекло, будь со мной хоть что-то тяжелее домашней пижамы.

Тем временем лайнер начал набирать высоту. Я запаниковала, но в этот самый момент – о чудо! – окошко со стороны водителя приоткрылось, и из него показалась рука с сигаретой.

Навалившись всем телом, я надавила на стекло, опустив его до конца. Два ногтя сломались у самого основания, но мне было плевать. Кое-как ухватившись за гладкий корпус антигравитатора (кровь струилась по пальцам, заставляя их скользить), я развернулась и залезла в салон вперёд ногами. Будь я чуть более упитанной, этот трюк никогда не удался бы. Водитель лайнера завизжал точно девчонка, но место взявшемуся из ниоткуда телу всё же уступил. На своё же счастье: кто знает, на что я была способна в таком состоянии.

Оказавшись внутри, я в изнеможении рухнула на сиденье. Сердце билось как бешеное, руки были измазаны кровью, но, похоже, я была в безопасности. А ещё сбежала от бригады санитаров.

– Это что, угон? – вежливо поинтересовался водитель.

– Нет, что вы, – улыбнулась я, оставаясь в том же положении. – Мне только спуститься.

Антигравитатор был на автопилоте. В наше время мало кто сам управлял машиной, в этом просто не было необходимости. Искусственный интеллект просчитывал оптимальный маршрут с учётом пробок и погодных условий, был внимательным и не нарушал правил, однако сегодня мне пришлось вспомнить полученные когда-то навыки и посадить лайнер подальше от посторонних глаз.

Можно было не сомневаться, бригада уже знает, что я «угнала» транспортное средство, по скану сетчатки и отпечаткам пальцев – тело всё ещё работало против меня. Поэтому, попрощавшись со своим вынужденным спасителем, я быстрым шагом направилась в самое сердце Нижнего Нова Соуля.

Глава 9. Человек с железным лицом

За свою жизнь я ни разу не была в Нижнем городе. Не ступала по его тротуарам, утопающим в грязи, не вдыхала удушливый смрад сточных канав и выхлопных газов допотопного наземного транспорта. Сегодня я погрузилась в это варево сполна. Тогда как вверху всё искрилось и горело от тысяч вывесок и реклам, здесь, внизу, уже наступила ночь. Я обошла несколько гостиниц, но ни одна из них не внушала доверия. Первая кишела тараканами и крысами, вторая была, скорее, публичным домом, а в остальных я определённо не дожила бы до рассвета.

Как только портье видели моё клеймо потребителя, их глаза тут же покрывались влажным блеском, и вовсе не от уважения ко мне: вздумай я остаться на ночь на их территории, меня оприходовали бы все кому не лень. Многие хозяева ёгванов делали бизнес на таких вот залётных потребителях вроде меня: пускали переночевать, а затем продавали тестостероновым жеребцам.

С трудом стоя на ногах, я продолжала брести туманными переулками, то и дело натыкаясь на странных прохожих. Вот низкорослый мужчина с горящими в глубине капюшона красными огоньками глаз, вот две «гейши», торгующие телом, причём одна из них – андроид. Немногие потребители спускались сюда в поисках утех; внизу действовали свои законы и правила, главное из которых гласило: «Всегда будь начеку».

Высокий человек в тёмном плаще попросил у меня прикурить. На мгновение свет тусклого уличного фонаря упал на него, и я отшатнулась от ужаса: половина его лица была механической. Я бросилась бежать, а незнакомец проводил меня глухим презрительным смехом.

Далеко не все жители Нова Соуля могли позволить себе качественное протезирование. Когда денег не хватало, они спускались на дно, чтобы поставить себе протез по дешёвке, как правило, у нелегалов. Правительство знало об этом, но мер не принимало. Более того, несколько нелицензированных точек получали поддержку от правящей партии, обеспечивая ей лояльность производителей. Какая-никакая конечность лучше, чем её отсутствие.

Выйдя на оживлённую улицу, я остановилась, чтобы отдышаться. Больше никаких тёмных переулков, пусть даже придется ночевать под открытым небом. Неожиданно билборд

прямо передо мной ожил изображением человека, по чьей вине я и оказалась здесь. Холёное, с вечной самодовольной улыбкой, лицо Йена Сэджика крутилось передо мной в профиль и анфас. Он был всё так же хорош, и… он был мёртв.

«Генеральный директор корпорации "Чхонджу Геймз" погиб сегодня утром по пути на работу. Его лайнер взорвался через тридцать секунд после взлёта. Водитель и единственный пассажир погибли на месте. По предварительным данным – это несчастный случай. Подробности выясняются нашими экспертами…» – сообщил голос диктора.

Знакомое чувство вины и причастности к произошедшему тронуло мою душу, совсем как во время смерти отца. Но ненадолго. Даже если я действительно приношу несчастья, всё это скоро закончится. Отвернувшись от увеличенного лица бывшего босса, я заспешила прочь.

Похоже, я переоценила свои силы. К полуночи адреналин окончательно выветрился из моей крови, и вселенская усталость, в сочетании с ломкой, опустилась на мои плечи. С трудом передвигая ноги, я шла вдоль набережной. Яхты, лодки и даже плоты медленно покачивались в тёмных водах городских каналов и рек. Чем темнее становилось вокруг, тем ярче горели огни в каютах. Сейчас я была согласна на всё, лишь бы уснуть, сгодилась бы даже гостиница с крысами.

Пару раз я слышала крики и улюлюканье подвыпивших торговцев, но у меня не осталось сил, чтобы реагировать. Наверное, нужно было сдаться санитарам: сейчас я, по крайней мере, была бы в тепле и под крышей.

Несколько раз я засыпала, но ноги сами несли меня вперёд. В какой-то момент я просто залезла в первую попавшуюся лодку, стоящую у берега, накрылась брезентом и уснула практически мгновенно. Сквозь сон до меня доносились звуки молитвы – ежедневного ритуала, что исполняли шаманисты, приверженцы религии, которая зародилась в среде производителей. Их песня поднималась над водой, над кострами, горящими в ржавых цистернах, и улетала в небеса, туда, где жили потребители, не ведающие о том, что на дне тоже есть жизнь. Наверху хор голосов обрывался, растворялся в гуле антигравитаторов, вое кондиционеров и белом шуме новостных каналов. Сейчас я не принадлежала ни к тем, ни к другим, но это было неважно: впервые за всю мою жизнь мой сон был крепок и безмятежен.

Посреди ночи я проснулась от пристального взгляда. Сквозь сон в темноте мне примерещилась фигура того самого человека с железным лицом. Он стоял на соседней яхте и курил, но я была слишком слаба, чтобы бежать. Закутавшись в брезент с головой,

точно в детстве в мягкое одеяло, я вновь провалилась в сон.

Меня разбудил плеск воды. Какая-то женщина сидела на соседней лодке и стирала белье прямо в речке. Поспешно выскочив из кучи брезента, послужившего мне хорошим укрытием, я заковыляла в сторону центра. Всё тело ломило, словно я спала на груде кирпичей.

Сквозь смог пробивалось солнце. Над моей головой стояли в пробках антигравитаторы, со свистом проносились лихачи на ховербайках. В это время я обычно ехала на работу, а мой интерес к внешнему миру ограничивался лентой новостей. Я ничего не знала о реальном мире.

Вот прямо передо мной села стайка птиц, а я понятия не имела, как они называются. Навела указательный палец, приблизила изображение, покрутив большим пальцем.

«Бакланы», – выдала Сеть спустя пару секунд.

«Отлично, – подумала я. – Надо посёрфить, где тут можно бесплатно поесть».

«Заражение! Заражение! Заражение! – слова яркими мушками замелькали перед глазами. – Немедленно проследуйте в ближайший госпиталь!»

– Отключить браузер. Заблокировать мой аккаунт, – сказала я и, подумав, добавила: – Удалить мой аккаунт. И резервную копию тоже.

Вот и всё. Осталось извлечь порт, и смело можно вступать в гильдию неприкасаемых. Я коснулась живота и вскрикнула от резкой боли. Подняла майку, и тут же в ужасе опустила: тёмная сеть стала обширнее… чёрт, даже руки начали покрываться этими толстыми мутировавшими венами! Я прикусила губу и почувствовала на языке металлический привкус.

Почему же всё так несправедливо?! Я смотрела на толпы производителей, которые спешили на работу, вели детей в садик, продавали дурь и делали сотни других, обыденных для них вещей, и понимала, что не хочу быть одной из них. Эти грязные люди с уродливыми имплантами были мне омерзительны.

– Что это с тётей, мам? – спросил мальчик лет пяти с красной потрескавшейся кожей вокруг рта.

– Болеет, не смотри на неё, – сказала женщина, окинув меня тревожным взглядом.

«Они что, говорили обо мне?» – в ужасе подумала я, когда парочки и след простыл. Мысли в голове были медлительными и тягучими, словно смола.

Поймав своё отражение в ближайшей витрине, я обомлела. Очерченные тёмными кругами глаза были налиты кровью, кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок, а выступившие вены

напоминали мерзких подкожных червей. На последние наличные (карта оказалась заблокирована – кто бы мог подумать) я купила себе дурацкую соломенную шляпу и прикрыла лицо.

Ещё через несколько кварталов я поняла, что за мной следят.

Попетляв немного по узким переулкам, я нырнула в небольшой крытый рынок, и тут же пожалела об этом: воздух жужжал от обилия дронов-сканеров. Шляпа не спасёт от них: если дроны просканируют мою сетчатку (а это лишь вопрос времени), полицейские вместе с бригадой санитаров прибудут сюда в считанные минуты.

Хуже этого был только странный тип, идущий по пятам словно тень.

«Почему же всё так несправедливо?! Почему бы вам просто не оставить меня в покое?» – безмолвный крик раздирал меня.

Я обернулась, чтобы посмотреть незнакомцу прямо в лицо, и кровь застыла у меня в жилах: это был тот самый киборг! Сейчас, при свете дня, он выглядел не так ужасающе: мужчина средних лет с механической челюстью, хрящами носа и бионическим левым глазом. Прищурившись, он курил сигарету, а меня рассматривал словно добычу.

– Что вам надо? – громко спросила я, отметая неуверенность.

– Продолжаешь бежать, даже когда всё кончено. – Мужчина растягивал фразы, словно озвучивал старое кино.

– Да кто ты такой вообще?! – Я психанула, забыв о том, что он был вдвое больше меня и уж точно в сто раз сильнее. Одного его удара было достаточно, чтобы размозжить мне череп.

– Поверишь, если скажу, что я твой друг? – Мужчина вновь лениво затянулся.

– Нет, – отрезала я и развернулась, чтобы уйти.

– А стоило бы, – резко сказал киборг. – В твоей крови циркулирует вирус ЗППНИ, без должного лечения ты не протянешь и недели. Но это ещё цветочки. Скоро начнётся ломка, а флуоксетанга тебе не достать, разве что придётся продать печень или сердце.

Сжав зубы, я приблизилась к нему почти вплотную. Его человеческий глаз был голубым, а бионический – красным, отчего казалось, что разные половины его лица живут своей жизнью.

– Это не даёт тебе права следить за мной, – прошептала я. – Позволь мне самой решить, как провести последние дни своей жизни.

Киборг усмехнулся и извлёк из-за пазухи маленькую ампулу.

– Ты проживёшь долгую и счастливую жизнь, Лин Чжин Хо, – сказал он. – Если согласишься поработать на меня. В обмен на лекарство.

**

Киборг представился господином Тао Ли. Из разговора я поняла, что он был далёк от сферы нативных игр, но обо мне разузнал достаточно. Достаточно, чтобы понять, на что я куплюсь.

– Это не просто игра, Лин. – Тао Ли извлёк на свет маленькую коробочку. – Это проводник между мирами.

– Это электроника? – уточнила я, повертев в руках странное устройство, словно из прошлого века.

– Да. Беспроводное подключение к айпорту, никаких контактов «био-био».

Сами айпорты имплантировались в наш мозг на эмбриональном уровне и представляли собой мини-компьютеры, управляемые вербальными и невербальными командами. А ещё информация о каждом айпорте живущего на Земле человека хранилась в базе данных Интерпола – и сейчас это было для меня серьёзным минусом.

Я скептически покачала головой. Много лет проработав с живыми кегури, я с подозрением относилась к любым механизмам, а уж тем более интегрируемым с мозгом. В моей памяти всё ещё свежа была фраза патологоанатомов про «перегоревший мозг».

«К живому можно подключать только живое», – так всегда говорил Сэджик.

Но Сэджик тоже был на том свете.

– Ты не расслышала главного, – произнёс господин Ли. – Это устройство может перемещать сознание между мирами. Понимаешь?

– Да, я играла в такие, – задумчиво сказала я, рассматривая панель с тремя круглыми кнопками; нет, это устройство определённо было старьём, каких ещё поискать. На коробке, в которой оно лежало, было аккуратно написано слово «НОМАД».

– Лин. – Тао осторожно, но настойчиво коснулся моего плеча. – Ты не поняла. «НОМАД» переносит сознание из одного мира в другой. В реальности.

Этим вечером мне не пришлось выбирать наименьшее из зол: таинственный покровитель забронировал апартаменты в дорогом отеле, а также заплатил круглую сумму за то, чтобы меня не сканировали. Должно быть, он высоко ценил мои профессиональные навыки, или же… Об этом мне не хотелось думать.

– В реальности? – Я глотнула вина. Было уже за полночь, а мы всё ещё разговаривали, сидя на балконе. Странно было вновь вернуться в столь комфортабельные условия после моей ночёвки

в лодке. – Ли, реальность сейчас мало кого волнует.

– Она волнует меня. – Киборг смотрел, как ленивой вереницей тянутся по небу лайнеры и такси. – Нужно кое-что сделать в одном из миров.

– Почему ты сам это не сделаешь? – поинтересовалась я.

– Потому что в том мире моё воплощение мертво, – всё так же не глядя на меня, отозвался Тао.

Я отставила бокал в сторону.

– Ну ладно, Ли. Ты ведь не серьёзно, правда?

Тао Ли внимательно посмотрел на меня, и внутри всё содрогнулось. Было в его взгляде что-то потустороннее, словно он был опытным геймером, а я всего лишь ботом, принимающим за чистую монету всё, что происходит вокруг. Просто потому, что таков сценарий.

Испугавшись, что он передумает насчёт меня, я быстро сказала:

– Я согласна. По крайней мере, сделаю всё, что в моих силах. Кстати, что нужно сделать?

Выдержав драматическую паузу, киборг произнёс всего одно слово:

– Выжить.

Я получила лекарство. Это было великодушно со стороны Тао Ли: вначале вылечить, а затем засадить за работу. Но это обязывало меня, а я терпеть не могла быть у кого-то в долгу. К тому же я понятия не имела, что *в действительности* мне предстоит сделать. Остаться в живых в неком параллельном мире. Большим бредом было заставить меня лететь на Марс.

Признаться, я до последнего сомневалась, что все эти «параллельные реальности» и «мультивселенная» – не параноидальные идеи самого Тао или не шифр, призванный защитить мой мозг от опасной информации. Когда играешь в игры всю сознательную жизнь, привыкаешь думать, что реальность – это что-то серое и невыносимо скучное. И уж это точно не может меня удивить. Как же сильно я ошибалась.

Я ничего не знала о реальности.

– Ты слышала об эффекте бабочки, Лин? – спросил меня Тао Ли. Перед тем как приступить к работе, он великодушно решил кое-что объяснить мне.

– Малые изменения, которые могут привести к большим последствиям где-нибудь в другом месте, – сказала я. Конечно же, я слышала об этом.

– Мир, в который я хочу отправить тебя, очень важен для равновесия мультивселенной. Но вся беда состоит в том, что человечество в нём стоит на одной из низших ступеней эволюции.

Нас угнетают и используют как источник энергии и пищи. Это накладывает большой отпечаток на все миры, где есть люди. Холокост, истребление вальтрунцев… – Тао поморщился, будто эти воспоминания причиняли ему боль.

Слова были незнакомы мне, словно Ли приводил примеры из какой-то другой истории. Мы шли вдоль набережной, там, где ещё двое суток назад я шла одна, опустошённая и раздавленная. Ли объяснил мне, что нет ничего плохого в том, чтобы спускаться в Нижний город. В чём-то, говорил он, здесь даже безопаснее, чем наверху.

– Такие, как я, призваны держать систему вселенных в равновесии, – продолжал Тао. – Но иногда равновесие надо нарушить, чтобы привести чашу весов в движение.

– Как вы можете быть уверенными, что после вмешательства извне жизнь человечества изменится в лучшую сторону? А если наоборот? – спросила я. До этого мы уже провели несколько часов бесед на тему устройства мультивселенной, и я начала кое-что понимать. По крайней мере, в теории. Гипотетически. Поверить во всю эту чушь я была не в состоянии.

– Риск определённо есть. – Киборг кивнул. – Но твоя задача состоит лишь в том, чтобы уцелеть. И послужить примером для других людей. Первый человек, прорвавшийся к свету…

Последнюю фразу Тао Ли произнёс, словно читал заголовок в газете, и его мечтательный тон меня насмешил.

– Я не лидер, Тао, – сказала я. – Всё, что я умею, – это играть в игры.

Но вместо того чтобы убеждать, Тао Ли наклонился ко мне и с жаром произнёс:

– Это именно то, что нам надо, детка!

⁂

Я думала, что для работы мы вернемся в отель, но Тао заявил, что «там больше не безопасно». Что ж, прощайте, свежие простыни. Место, куда привёл меня мой странный покровитель, не просто напоминало притон. Это и был притон. С танцующими девочками-андроидами на входе и с мафиози, торгующими оружием в глубине заведения. К своему удивлению, я узнала несколько людей: все они были высокопоставленными лицами. Министр культуры пел караоке, в перерывах ругаясь отборным матом, а святой отец Сонг, пьяный в хлам, пытался клеить несовершеннолетнее существо неопознанного пола.

– «Так низость голую я прикрываю лохмотьями священных

ветхих текстов и, сердцем дьявол, выгляжу святым»[2], – произнёс Тао Ли, сжимая мою руку. Он уводил меня всё дальше и дальше, оставляя позади пьяные оргии, чревоугодие, лесть и подхалимство. Чем дальше мы шли, тем темнее вокруг становилось, но в то же время и тише, словно, пройдя через все врата ада, мы, наконец, спустились к центру земли, где царит тишина и покой.

– Здесь ты будешь работать, – сказал киборг, заведя меня в маленькую каморку с одним-единственным окном, из которого тянуло жареной рыбой. – Прямо над нами кухня, так что если проголодаешься…

– Подожди, – перебила я. – Ты что, не выпустишь меня отсюда, пока мы не закончим?

Лёгкий холодок пробежал вдоль моего позвоночника: а вдруг, согласившись работать на Тао, я совершила страшную ошибку?

– Конечно, выпущу. – Ли примирительно поднял вверх обе руки. – Но зная тебя, я уверен, что ты и сама не захочешь. Межпространственные путешествия азартны, они затягивают.

Он кивнул на стул, и я села, продолжая чувствовать себя подопытным кроликом. Только подумать: совсем скоро ко мне подключат странный электронный объект, который совершит над моим мозгом самое настоящее надругательство. Неужели сейчас из этой смрадной тёмной каморки я попаду в другой мир? Нет, мой мозг отказывался верить в это.

– Когда я впервые испытал «НОМАД», я был таким же, как ты, – произнёс Ли, цепляя на мою голову элегантный датчик, который тут же замигал зелёным глазком. – Я потерял всё.

Взглянув на него, я испугалась этого потемневшего мрачного лица. Киборг говорил искренне, и я ощутила, что мы с ним действительно похожи.

– Путешествия в тела других воплощений убедили меня в том, что где-то я определённо счастлив. Имею семью и друзей, – продолжал он. – Здесь твоя жизнь закончена, Чжин Хо, но *в этом* мире всё только начинается. Ты должна выжить, чтобы спасти человечество, понимаешь?

«Но кто же спасёт меня?» – хотела спросить я, но не стала. Тао Ли собирался сделать из меня мученицу, и, что самое страшное, я не могла отказаться.

Приготовления были окончены. Сев напротив меня прямо на каменный пол, киборг нажал центральную кнопку «НОМАДа».

– Ты знаешь, что делать, – сказал он. – Когда окажешься на месте, постарайся выбраться из лабиринта, прежде чем…

Он не договорил. Пол завибрировал, словно прямо над нами была ветка метро. Но там была только кухня… Значит, эта

вибрация – лишь игра моего сознания.

– Что бы ни случилось, через тридцать минут сработает таймер автоматического возвращения. – Тао прикрыл глаза, словно собирался немного поспать. – Ты вернёшься сюда, живая и невредимая.

– Или сутки спустя меня с пеной у рта найдут полицейские, – тяжело вздохнула я, закрывая глаза, ибо комната передо мной начала расплываться.

В этот момент на моих запястьях сомкнулись наручники, прочно пристегнув меня к креслу.

– Ли?! – возмутилась я, но господина Тао больше не было. Как и каморки в глубине притона.

Переход совершился мгновенно, как он и предупреждал.

Мы стояли в темноте. Точнее, темнота была вокруг, но сами мы, наши костюмы (или наша кожа?) служили источником света. Я осмотрела свои руки: по ним бежали тонкие параллельные линии, периодически соединяясь в жирных точках, обладающих слабой пульсацией.

– Латералис! Голову прямо! – Голос командира пронзил мой мозг. Я выпрямилась и уставилась вперёд, на тёмную стену в паре сантиметров от лица.

«Латералис» – я знала, что он обращался ко мне, хоть это странное слово и не было моим именем.

Начался обратный отсчёт. Люди рядом со мной заняли позицию как перед стартом. Моё тело неистово требовало сделать то же самое, и я подчинилась. От того, насколько быстро я побегу, когда отсчёт закончится, зависела моя жизнь.

…6, 5, 4, 3, 2, 1…

Ворота поднялись, и сотни людей бросились бежать. Их костюмы тотчас же заискрились, аккумулируя энергию.

«Батарейки», – пронеслось в моей голове. Тао Ли предупреждал, что часть сознания моего воплощения продолжит посылать информацию. «Этот странный защитный рефлекс спас немало жизней», – говорил он.

– Латералис!!! – На этот раз голос командира раздавался из дрона, нависшего прямо надо мной. – Какого чёрта ты встала?!

Оказывается, только я стояла на месте; все остальные были уже далеко. Шаг, второй, третий. Тело моего воплощения прекрасно знало, что надо делать. В своей прежней жизни я мало передвигалась на своих двоих. Последний забег случился пару дней назад, и закончился он доблестным прыжком с балкона. Но здесь… чёрт, разве законно было получать от бега столько удовольствия?

Данное мне тело было лёгким и сильным. Я ощущала каждую

мышцу, наслаждалась каждым вдохом, а костюм искрился так же ярко, как и у остальных, словно я была фотоном, воплощённой световой энергией.

У каждого бегуна была своя дорожка, отделённая от остальных невысоким бортиком. Я могла видеть, как играют мышцы на теле крупного темнокожего парня, бегущего рядом. В его груди светился ярчайший, словно звезда, фонарь. Точно такой же был у всех остальных, включая меня. Выглядели мы как люди, но многое в нашем облике было словно искусственно заточено под определённую функцию. Сбор и накопление энергии – именно это приходило мне в голову.

Тогда как мой мир и Нова Соуль в частности базировался на воспитании отдельного человека как личности (речь о потребителях, конечно), здесь границы явно были стёрты. Многие люди были похожи между собой как братья или клоны; винтики одной машины, электроды в суперкомпьютере – все мы делали своё дело, вот только непонятно, во имя чего. Или кого.

Вжух! Вжух! Вжух! Перед первыми бегунами с шумом захлопывались ворота-заслонки. Они опускались на дорожки откуда-то сверху, из черноты потолка, словно гильотины. Интуиция подсказывала, что мы находились в неком огромном здании, нет, не так: *внутри системы*. Винтики в необозримом гигантском механизме.

Я поднажала, чтобы успеть до того, как заслонка упадёт в очередной раз, но кто-то окликнул меня сзади.

– Латеральная, ты чего? Самоубийца?! – Меня нагнал невысокий крепкий парень с ёжиком на голове.

– А в чём дело? – удивилась я. – Просто бегу за всеми…

Парень взглянул на меня словно на тронувшуюся умом.

– Это же *максима*, – сказал он, делая ударение на первый слог. – А ты знай своё место, ладно?

Он хлопнул меня по плечу и побежал дальше. Последняя фраза не была издёвкой, скорее, предупреждением не высовываться. Я оглянулась и увидела, как за мной бегут ещё полсотни людей. Но, в отличие от диких скоростей *максима,* их бег был спокойным и даже неторопливым. Похоже, я начала понимать, что к чему.

Мы относились к разным типам. Почти все максима, которых мне удалось разглядеть, были по-спринтерски мощными, как тот темнокожий парень. Позади плелись самые настоящие стайеры – худосочные и невысокие. Ну а я была неким усреднённым вариантом; к тому же мой путь почему-то был проложен по дуге: он обходил дорожки для центральных бегунов сбоку, что значительно увеличивало протяжённость дистанции. Ну да ладно,

я ведь тут на время, если верить Тао.

Хотелось пообщаться с кем-то ещё, но все были заняты бегом.

«Неужели бег – это всё, что они делают?» – удивилась я, но в это мгновение меня нагнал ещё один дрон.

– Последнее предупреждение, латералис Харпер Дзета-8!!! – Голос вездесущего командира раздался из динамиков. – Или ты бежишь, или мы обнуляем тебя.

Дальше последовал разряд тока, который пронзил моё тело от макушки до пят. Звезда на груди несколько раз судорожно вспыхнула, словно её закоротило.

– Не знаете разницу между предупреждением и наказанием? – процедила я сквозь зубы. Зато теперь мне было известно моё имя: латералис Харпер… что там дальше? Неважно. Слово «обнуляем» мне очень не понравилось и вмиг заставило подняться на ноги. Придя в себя после предупреждающего разряда, я побежала дальше по следу из светящихся стрелок.

«Интересно, сколько времени прошло?» – подумала я. Не то, чтобы мне хотелось вернуться в своё слабое, измученное ломкой тело, просто тридцать минут, по моим внутренним подсчётам, уже давно истекли.

Обогнув центральные дорожки по параболе, я нырнула в небольшой туннель. Дорога уходила вниз, и бежать стало легче. Сама того не заметив, я набрала приличную скорость, и теперь мой костюм горел, словно оперение феникса.

«Значит, моё тело способно аккумулировать энергию, ясно», – пронеслось в моей голове. Мысли были чёткими, не затуманенными, словно камешки на дне прозрачной как стекло речки. Наверняка образ жизни местных homo sapiens был далёк от стимуляторов и антидепрессантов, коих в нашем мире было в избытке. В чём-то я даже завидовала своему воплощению, но самое главное открытие этого мира было ещё впереди.

В очередном туннеле не было света, за исключением искрящихся нитей, пронизывающих моё тело и тела других бегунов. На мгновение я замерла, чтобы глубоко вдохнуть и насладиться этим мраком и тишиной, которую нарушал лишь топот шагов. В этот момент я всецело верила словам Тао Лио том, что это было другое измерение: в нашем мире так тихо просто не могло быть. Вероятно, мои слуховые рецепторы были отравлены шумом города, словно ядом, но у Харпер они были восприимчивыми, способными различать любые отзвуки и полутона.

Неожиданно в размеренный шелест подошв ворвался быстрый, как пулемётная очередь, топот максима. Одна группа вывалилась из бокового рукава туннеля, и теперь спринтеры

бежали рядом с нами. Пополз уважительный шепоток о том, что максима заходили на второй круг. Их определённо ценили здесь и ими восхищались.

Вдруг, сама не осознавая того, что делаю, я вырвалась вперёд, обгоняя своих соседей по бегу. Рывок дался мне тяжело, наверняка Харпер привыкла к умеренной нагрузке, не выходящей за пределы возможностей её тела. Догнав одного из максима, я крикнула:

– Куда вы бежите?

Никто не ответил. Никто даже не посмотрел в мою сторону, и это было обидно.

– Можно мне с вами? – снова крикнула я, чувствуя, как беспощадно сбивается дыхание.

Впереди снова защёлкали заслонки, поглощая максима одного за другим.

– Что там впереди?! – в отчаянии крикнула я, чуть не сбив с ног высокого мускулистого парня.

Он хотел отбросить меня, точно надоедливую шавку – настолько грозен был его взгляд. Но быстро смягчился, увидев, с какой мольбой я смотрю на него.

– Мы бежим через центр земли. На поверхность, – произнёс максима.

– На поверхность?! – повторила я. Да это же то, что мне надо! – Мне нужно с вами!

Рядом раздался заливистый смех, принадлежавший поджарой девушке с короткой стрижкой.

– Что для максима удовольствие, то для латералис – смерть, – сказала она и умчалась, искрясь голубым и зелёным светом.

Проводив девушку недобрым взглядом, я вновь обратилась к парню:

– Как твоё имя?

Секунду он колебался, но потом понял, что я не отстану.

– Максима Эксл Альфа-1.

Да что у них тут за система имён?! Ладно, надо запомнить… Я взглянула за спину парня и побледнела: три огромных рукастых дрона неслись к нам, зловеще мигая красными глазками.

– Убегай, Эксл, – шепнула я. – Это за мной.

Максима бросил на меня полный сочувствия взгляд: видать, по здешним меркам я сильно провинилась, нарушив выверенную систему. Надеюсь, жизнь Харпер не станет после этого слишком уж дерьмовой?

Обнуление было быстрым и довольно болезненным процессом. Два робота подхватили меня под плечи, а третий вытащил ту самую светящуюся звезду из моей груди. Это было

так же больно, как тащить зуб без анестезии. Да что там, десять зубов! В тот же момент я ощутила, как жизненные силы начали стремительно покидать меня. «Звезда» оказалась коротким стержнем, состоящим из плотной мерцающей субстанции. Роботы бережно поместили «батарейку» в специальное хранилище, ну а меня – обессиленную и не способную пошевелить и рукой – подняли и понесли куда-то в темноту.

Бегуны останавливались и смотрели на меня с сочувствием, но вскоре один за другим возвращались к бегу. Смутьянка была наказана, и равновесие восстановилось.

Я смогла склонить голову набок, так, чтобы увидеть свою грудь. Мной двигало нездоровое любопытство, желание посмотреть, что же там, на месте фонаря. Но там не было ничего. Сквозная дыра, размером с апельсин, словно кто-то выстрелил в меня из базуки. Это привело меня в такой неописуемый ужас, что я потеряла сознание.

⁂

– Ты вернулась быстро.

– Быстро?! Мне показалось, прошла целая вечность.

Из окна каморки всё так же несло рыбой, пол был шершавым и холодным, но в моей груди – и это грело душу – больше не было зияющей пустоты.

– Чёрт, я и забыл! – Тао Ли хлопнул себя по лбу. – Там время бежит по-другому. Ты провела там целый час, а здесь, посмотри, прошло всего двадцать минут.

Он показал мне циферблат своих электронных часов.

– С ума сойти, – произнесла я, потирая грудь в том месте, где у Харпер была пробоина. – Неужели всё это… было по-настоящему?

– Более чем, – хмыкнул киборг. – Лучше, чем нативки, не правда ли?

Я скривилась, дескать, спорный вопрос. Затем взглянула на свои запястья: на них всё ещё виднелись отметины от ремней, которыми Ли пристегнул меня. Увидев немой вопрос в моих глазах, он поспешил объяснить:

– Я сделал это на случай, если нейроингибирование не сработает.

Да. Точно. Он рассказывал, что вторая личность подавляется при помощи волн «НОМАДа».

– С некоторыми воплощениями из мира супероми у нас случались… осечки. – Я заметила, что мужчина тщательно

подбирает слова. – Ингибирование действовало не в полной мере…

– Она что, приходила в себя?! – Я ужаснулась, представив, как моё тело бьётся в ремнях, а Харпер, та самая латералис Харпер, чьё тело я так безжалостно захватила, сходит с ума от отчаяния.

Но Тао Ли успокоил меня:

– Нет, с дзетой-8 проблем не возникло.

Я вновь посмотрела на свои руки, испещрённые тёмными венами-спрутами. Наверное, они так и останутся до конца, как напоминание о болезни, навсегда переигравшей мою жизнь. Я представила, насколько это должно быть ужасно: попасть из сильного здорового тела в тело человека, хоть и не умирающего больше, но слабого и измождённого.

– Поняла, что тебе нужно сделать? – Деловой тон Ли вернул меня на землю.

– Попасть на поверхность… но это могут только максима. – Я развела руками. – Мне нужно было родиться максима.

– Чтобы быть максима, нужно родиться максима. – Тао затянулся, и к запаху рыбы добавился зловонный запах сигарет – Но ты, Лин, станешь первым исключением из правил.

Глава 10. Харпер дзета-8

Лифт стремительно падал. На этот раз я попала в тело Харпер спустя три дня после случившегося. Три дня по меркам вселенной супероми. Но сегодня я знала о мире значительно больше.

«Я хотел, чтобы ты увидела всё своими глазами. Чтобы поверила. Это лучше любых рассказов», – так сказал мне господин Тао Ли и был абсолютно прав. Если бы он заранее сообщил мне о том, что следующие несколько месяцев я проведу в теле человека-батарейки, я бы сбежала от него, наплевав на лекарство.

Но Харпер была даже не батарейкой, а всего лишь проводником. Она и ещё миллион других человекоподобных существ могли накапливать энергию, полученную в результате бега. В этом им помогали эргокостюмы, облегающие, точно вторая кожа. Латералис, фронталис, супериор и максима аккумулировали энергию в специальные капсулы – те самые звёзды на груди. Вечером они отдавали накопленную в течение рабочего дня энергию другим существам – безраздельным владельцам этого мира – и, если повезёт, оставляли себе самую малость. Ровно столько, сколько нужно для реализации банальных бытовых потребностей.

Когда Харпер нарушила устав, отказавшись бежать по заданной траектории, её энергию собрали до нуля. Выжали, словно лимон, высосали, точно устрицу. Двое суток она неподвижно провалялась на складе, пока один сердобольный супериор (тот самый парень с ёжиком) не поделился с ней энергией, необходимой для старта.

И если мне, чтобы стать потребителем, нужно было всего лишь скрыть правду о своём рождении, Харпер, чтобы стать полноценной максима, предстояло изменить саму свою природу.

Я вышла на минус двести третьем этаже и прислонилась к стеклу, отделявшему шахту лифта от города. Перед моим взглядом раскинулись поля для сбора энергии, проложенные через центр Земли. Сотни супероми бежали по заданным траекториям, и точки в их груди напоминали рой звёзд в тёмном небе.

Супероми – удивительнейшие из homo sapiens – находились во власти могущественных существ, которых тем не менее не видел ни Тао Ли, ни кто-либо другой. По какой-то причине они не могли самостоятельно получать энергию, поэтому использовали

людей в качестве проводников. Мы могли слышать лишь голоса командиров и видеть дроны, которыми они управляли, но никто и никогда не встречался с хозяевами лицом к лицу.

Как я уже и сама догадалась, каждая группа супероми имела свои генетические особенности, из которых ярче всего выделялись максима. Их мышечные волокна сокращались быстрее, чем у всех остальных, плюс этот вид был выносливее и сообразительнее, нежели другие. С другой стороны, фронталис могли работать почти без устали: их использовали, когда требовалось получить больше энергии, чем обычно. Супериор могли обмениваться энергией с другими людьми, а латералис имели повышенную ёмкость батарей. Обо всём этом я узнала от Тао Ли – он давно изучал мир людей-батареек и составил свою классификацию.

И всё же в теории можно было перейти из одной группы в другую. Вот только вернуться уже не получится: мозг супероми перепрошивали таким образом, что они начинали считать себя представителями другой группы, словно так и было всегда. В этом был большой плюс для Харпер: если сегодня её тело выдержит нагрузку максима, её перепрограммируют, и уже завтра она будет равняться на лучших бегунов, словно принадлежит к ним по праву рождения.

Ну а если не выдержит… я просто перестану «играть в эту игру», как выразился Ли. Дважды перепрошивку не делают – разум попросту не справится с такой нагрузкой. Собственно, именно поэтому я сейчас и была здесь: Тао Ли был тем, кто не смог адаптироваться к скоростям максима и попытался вернуться обратно. Он не любил говорить о своей неудаче, но я понимала, что его смерть была запрограммированной неудачей.

– Имя? – сухо спросил меня лидер максима по имени Сивил бета-9. До старта оставалось меньше пяти минут, и основная часть группы уже вышла на построение. Я же ворвалась в их ровный строй, словно залётный голубь в стаю ворон, да ещё и с распоряжением командира, которое зачитала с удовольствием.

– Ты переводишься к нам по собственному желанию? – уточнил Сивил, словно не мог поверить своим ушам.

– Так точно, – кивнула я, ловя раздражённые взгляды. Максима не бросали своих во время задания, что бы ни случилось, и меня заранее сочли обузой.

Сивил нахмурился и придвинулся ко мне почти вплотную:

– На твоем месте, латеральная, я бы бежал отсюда как можно быстрее, – процедил он, сканируя меня гневным взглядом.

– Хочешь поменяться местами? – весело выпалила я. – Я стану максима, а ты – латералис.

Из строя послышались смешки.

– Встать в строй! – рявкнул Сивил, указывая пальцем в край шеренги. Я подчинилась, не стирая с лица счастливой улыбки. Впрочем, Сивил ничего не смог бы мне сделать: приказ командира никто не обсуждает, даже лиды.

На этот раз Тао Ли не выставил таймер автоматического возвращения. Это было опасно, но раз уж мы затеяли эту авантюру, я должна была идти до конца. Недопустимо было бросать тело Харпер на середине незнакомой дистанции.

Начался обратный отсчёт, и максима, все как один, подобрались и опустились ближе к полу. Ощутив, как неистово грохочут в моей голове цифры, произнесённые голосом невидимого командира, я подчинилась своим рефлексам и сделала то же самое. Ладонь на земле, мышцы готовы взорваться, а тело – ринуться вперёд.

…6, 5, 4…

Всевидящие дроны скользили над нами, высматривая пробелы в строю. Они знают, что сегодня я, Харпер дзета-8, на новом месте, и они уже списали меня со счетов, как выработанный материал. Хозяева знают, что такой слабачке, как я, не выдержать дистанцию максима, но запретить мне переход – означает лишить супероми своего единственного права на самоопределение. Посеять смуту.

Неожиданно я ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Девушка, моя точная копия, стояла на том же месте, что и я когда-то. То же каре, те же большие глаза и отрешенный взгляд. Новая латералис… вместо меня. Быстро же они вырастили клона или – кто знает – просто взяли со склада нового.

Отсчет окончился, и волна супероми хлынула вперёд, растекаясь по своим дорожкам, словно кровь по венам. Звезда засияла в моей груди, и я почувствовала, что если сегодня я одержу победу, то стану уникальной супероми – способной накапливать больше энергии, чем все остальные максима.

– Не отставай, латералис!

– Меня зовут… Харпер! – в десятый раз крикнула я, и тут же пожалела: воздух вылетел из лёгких, и бежать стало в разы труднее. Ежу было понятно, что трасса сложна для меня, так нет, каждый максима счёл своим долгом указать мне на это, попутно называя «латералис».

Я плелась последней. Лёгкие резало от боли, а каждое новое ускорение вызывало приступ тошноты.

«Я не выдержу, я сдохну…» – пульсировало в голове. И всё-таки я продолжала бежать. Вопреки усталости и насмешкам, вопреки боли и здравому смыслу.

Очередной максима поравнялся со мной, но я продолжала тупо глядеть перед собой. Что бы он ни сказал сейчас, я не буду реагировать. Хватит. Равномерно дышать сейчас гораздо важнее.

– Продержись ещё километр, Харпер. – Это была молодая девушка. Её светлые волосы были собраны в хвост, который подпрыгивал при каждом шаге. – Перед катакомбами у нас обычно привал и планёрка.

«Планёрка? Серьёзно?!» – я с изумлением посмотрела на максима, но та лишь улыбнулась и кивнула в ответ. У латералис не было ничего подобного, как и у других второстепенных супероми.

Девушка прибавила скорость, а я почувствовала, как у меня открылось второе дыхание. Бежать стало гораздо легче, когда на горизонте замаячил конец, ну ладно – хотя бы передышка! На последнем километре я даже догнала первых бегунов, но этот рывок вызвал у максима только насмешки. Ничего, эти самодовольные ублюдки ещё узнают меня!

– По предварительным данным, в катакомбах сегодня спокойно, – произнёс Сивил бета-9, раздавая что-то наподобие энергетических батончиков. – Зато в шахтах штормит.

«Что это значит?!» – подумала я. Судя по лицам, остальным всё было ясно: первая новость хорошая, а вторая не очень.

– Ещё не поздно повернуть назад, – обратился ко мне максима с пробивающейся сединой на висках.

– Нет, я не вернусь. – Я категорически покачала головой. – Полтрассы уже пройдено.

Супероми рассмеялись, серьёзным остался только Эксл альфа-1.

– Самая лёгкая часть трассы позади, – уточнила та самая поджарая девушка с короткой стрижкой. Она не понравилась мне ещё в первую встречу. – Проще тебя прямо сейчас пристрелить. Шахты – это полоса препятствий над земным ядром, а катакомбы кишат плазмерами, и хоть Сивил сказал, что сегодня там спокойно, это ещё не значит, что все доберутся до финиша целыми и невредимыми.

Мне хорошо знаком такой тип людей. Они выбирают себе жертву и унижают её на глазах у всех. Это своего рода самоутверждение, за которым скрывается трусость.

– Тогда не иди, если ты боишься, – сказала я, глядя ей прямо в глаза. Девушка оцепенела от моей наглости, а я продолжала есть батончик как ни в чём не бывало.

– Шторм минуем быстро и без потерь, – продолжал вещать Сивил, обходя всех пристальным взглядом. – Харпер.

Мое имя в его устах звучало резко и жёстко.

– Ты будешь бежать посередине. Если вдруг оборвёшься, позади идущие тебя вытащат.

– Вот ещё! – перебила лидера поджарая. – Может, мы ей ещё и задницу вытирать будем?

Я чуть не покатилась от смеха: настолько смешным и растерянным было её лицо в гневе. Надо же, оказывается, можно довести человека до белого каления самим фактом того, что ты не такой, как все.

– Уймись, Дженезис сигма-13, – проворчал Эксл. – Харпер дзета-8 теперь часть команды.

Дженезис закатила глаза, а я мысленно расцеловала Эксла. Хотя, будь моя воля, я бы сделала это по-настоящему.

– Так, нам пора. – Сивил сверился с часами. – Катакомбы проходим как обычно: первая группа отвлекает плазмеров в техническом туннеле, вторая – проходит одним рывком. Никого не бросаем, глупостей не делаем.

Он ещё раз пристально взглянул на Дженезис, а затем на меня. Затем подошёл и протянул странного вида оружие, напоминающее маленький водяной пистолет.

– На случай, если плазмеры прижмут, – произнёс он, не удосужившись объяснить, кто такие плазмеры. Я молча взяла пистолет и положила в маленькую нагрудную сумку, молясь о том, чтобы он так и остался лежать там. В нативных играх мне не раз приходилось сражаться со всякого рода чудовищами, но здесь всё было по-настоящему. На этот раз у меня было живое тело, которое дышало, ело, могло испытывать влечение и страх. И мне было страшно, чёрт возьми, мне было так страшно, что пальцы отбивали барабанную дробь на стальном корпусе зачем-то вручённого мне оружия.

Заметив это, Дженезис не упустила шанса поиздеваться:

– Могу облегчить тебе страдания, латеральная…

В этот момент пистолет, принадлежавший светловолосой девушке, оказался возле её виска.

– Правом, данным мне командиром, я запрещаю тебе разговаривать с Харпер, а также отвлекать её каким-либо образом, – произнесла она, и сигма-13 заскрипела зубами. – Ты всё поняла?

– Да, Рания.

Мы встретились глазами: черноглазая бегунья, не приемлющая, когда люди находятся не на своём месте, – и я, игрок из другого мира, не имеющий за душой ничего, кроме своих способностей. Возможно, при других обстоятельствах мы подружились бы. Возможно, в нашем мире её воплощение живёт рядом со мной и ходит теми же дорогами, что и я. Осознав, что

всё относительно, я участливо улыбнулась ей, как бы говоря: «Прости, подруга, так вышло, что мы здесь враги». И, возможно, мне показалось, но губы Дженезис тоже дрогнули в понимающей улыбке.

Прозвучал сигнал Сивила, и максима двинулись в путь. С этого момента и до самого финиша больше не имело значения, кто прав, кто виноват. Кто лидер, а кто залётный. Мы могли рассчитывать только на свои способности, на свою скорость. Трасса вела вниз, и одного супероми за другим поглощала душная тьма, из которой был только один выход – там, на другой стороне планеты. Поэтому, сжав зубы и выбросив из головы все мысли, я пустилась бежать…

⁂

В пещере становилось всё холоднее и холоднее. Последнее солнце, Димитрий, село, и на «Райскую обитель» опустилась морозная двадцатичасовая ночь. РУТ-81 сделала паузу в своём рассказе и посмотрела вверх, где в полном звёзд небе всходила последняя из тринадцати лун. Она освещала руины погибшей цивилизации, заставляя обломки камней отбрасывать острые зловещие тени. Лунный свет попадал даже сюда, таинственный и пугающий, но не жестокий. Эта планета не была жестокой, несмотря на адское пекло днём и лютый холод ночью, просто они, два андроида-мусорщика, совершили непростительную ошибку, сунувшись спасать своего копателя в одиночку.

– ТиТ-5, ты как? – спросила она.

Андроид не ответил, и РУТ-81 испуганно принялась трясти его.

– Я жив, просто… задремал, – признался он и тут же добавил: – Но я слушал твой рассказ, от начала до конца!

РУТ-81 засмеялась. Она так увлеклась своей историей, что забыла обо всём на свете, а ведь её напарнику сейчас как никогда нужна была поддержка.

– Кажется, репликаторы закончили работу. – ТиТ-5 попытался подняться. И, к счастью, ему это удалось.

– Я снова могу двигаться! – Андроид несколько раз сжал и разжал пальцы рук. – Твоя история вдохнула в меня жизнь!

Мусорщица только отмахнулась. Да, одной проблемой стало меньше, но они по-прежнему находились в чёртовой дыре, без Верзилы, без связи и даже без тросов.

– Похоже, наш единственный выход там? – ТиТ-5 посветил фонариком в боковое ответвление туннеля. Его напарница молча

кивнула. – Тогда предлагаю разобраться с этим как можно быстрее и вернуться домой.

Андроиды шагали друг за другом, практически на ощупь. Их глаза могли видеть в темноте, но без сканеров приходилось плохо. РУТ-81 провела ладонью по стене пещеры и почувствовала, как холод сковал землю. Значит, ночью планета промерзала на многие метры вглубь. Мусорщица не чувствовала холода, пока не чувствовала – до поры до времени АПИ компенсировали перепад температур. С осторожностью шагая след в след за своим напарником, она вспоминала, как сотню жизней назад мчалась, сломя голову, через центр планеты. Земное ядро полыхало, выбрасывая пламенеющие раструбы, и горячий воздух закручивался в смерчи, что раскачивали хлипкий мостик под ногами супероми.

Она не рассказала Писателю, как, миновав шахты, столкнулась лицом к лицу с плазмерами – мерзкими тварями из катакомб, напоминающими комки слизи. Быстроходные и впитывающие в себя всё живое, они сожрали Орезон тау-5, не оставив от неё даже мокрого места. Но Харпер не растерялась и уничтожила одного из плазмеров при помощи своего карборасщепителя. Второго прикончил Эксл альфа-1.

РУТ-81 усмехнулась в темноту. Она не станет рассказывать Писателю о своём романе с Экслом, потому что… потому что это было давно, и даже не с ней, а с Харпер дзетой-8.

– О нет, – простонал ТиТ-5, глядя вперёд. РУТ-81 присмотрелась и увидела то, от чего её сердце болезненно сжалось. Верзила. В разобранном виде.

Андроид кинулся к роботу-копателю, но напарница резко остановила его.

– Это ловушка. Они могут быть поблизости.

Словно в подтверждение её слов, несколько высокочастотных, напоминающих дельфиньи, криков раздалось в глубине подземных туннелей. Так общались твари из пустоши – варны неоднократно включали записи их переговоров на курсах спецподготовки. Но сейчас, когда ТиТ-5 услышал эти крики вживую, животный страх затопил его сознание жаркой волной.

– Я не могу бросить его здесь. – Сжав зубы, андроид высвободился из рук напарницы. – Твари забрали только батареи, верно? Карта памяти им не нужна…

Карта памяти несла в себе личность Верзилы. Весь его юмор, остроты, знания о работе и не только были записаны на этой крохотном носителе, и, если крикуны не унесли его с собой – Верзилу можно было восстановить.

ТиТ-5 принялся шарить в обломках их боевого товарища, но

РУТ-81 просто не могла заставить себя делать то же самое. От вида обезглавленного, растоптанного робота на её глаза наворачивались слёзы. Слёзы, которые никогда не прольются, ведь у мусорщиков нет слёзных желез. Тем хуже: эта боль укоренится в душе, прорастёт, словно метастаз, через всё тело. Только крик мог облегчить эту боль, но сейчас кричать было нельзя, ведь тогда твари слетятся как мухи на мёд.

– Нашёл! – не радостно, но облегчённо произнёс ТиТ-5.

– Тогда бежим! – почти выкрикнула РУТ-81.

Андроиды бросились бежать к месту падения, а затем точно так же, не сговариваясь, принялись карабкаться вверх по стене пещеры. Страховки больше не было, но перспектива попасть в руки тварей, разобравших Верзилу на запчасти, гнала их наверх, под свет луны, к спасительному челноку. ТиТ-5 понимал, что его тело не выдержит, если он ещё раз упадёт, но глядя на то, как уверенно поднимается РУТ-81, верил, что хотя бы один из них должен спастись.

– РУТ, держи, – сказал он, протягивая ей карту памяти. – На случай если я…

Снизу послышались режущие уши крики стервятников.

– Заткнись и лезь дальше, – отрезала напарница. – Сам отдашь!

ТиТ-5 не стал спорить. После того как он узнал о Лин Чжин Хо, его уважение к РУТ-81 вознеслось до уровня восхищения. Он не мог показать себя трусом, готовым сдаться при первой же опасности, поэтому прочно вцепился в выступающие камни и дал себе слово добраться до верха, что бы ни случилось.

Обледенелая земля и порывы ветра говорили о том, что выход совсем близко. Так и есть – ещё пара самых тяжёлых отвесных метров – и первый андроид выкарабкался из тьмы под свет тринадцати лун. Выбравшись сама, РУТ-81 помогла выбраться напарнику, но это был ещё не конец. Мусорщиков ожидала дикая гонка по скользкой поверхности обледенелых барханов. Они не знали, будут ли твари преследовать их, но торопиться всё же стоило – температура продолжала падать, и хоть тела андроидов и были приспособлены к холоду, долгое пребывание на поверхности в минус пятьдесят градусов Цельсия было опасно для их органических систем.

– Как же, чёрт возьми, холодно! – радостно произнёс ТиТ-5. Радостно – оттого, что всё же выбрался живым.

– Зато связь теперь работает. – РУТ-81 не теряла времени на болтовню. Она активировала замёрзший за шесть часов челнок, и теперь тот готовился к взлёту. – Потом согреешься, приятель, забирай нас!

Автопилот не был снабжён искусственным интеллектом, но РУТ-81 любила разговаривать с техникой, даже если та не понимала её.

– Десять минут до взлёта, – безэмоционально сообщила система, и РУТ-81 отборно выругалась.

– За это время мы тут подохнем! – крикнула она в ледяную ночь.

– Здесь оставаться нельзя, – хлопнул напарницу по плечу ТиТ-5. – Бежим навстречу, заодно и согреемся.

Андроиды ушли очень вовремя: через две минуты после того, как они скрылись за ближайшим камнем, трое падальщиков вылезло из дыры, поглотившей Верзилу.

Они не торопились: знали, что один из мусорщиков ранен и сможет полноценно подлатать своё тело только на корабле. Высокие, одетые в лохмотья, твари из пустоши передвигались по наледи изящно и легко. Эта дикая планета была их территорией: никакой мороз был не страшен им, облачённым в меха и шкуры. Падальщики привыкли выживать и знали, как гнать свою добычу. Именно поэтому они не спешили, дав андроидам приличную фору.

Им не нужны были слова, чтобы общаться. Высокочастотные крики – не что иное, как средство устрашения. Конечно, твари могли взять мусорщиков ещё в пещере, которую сами же выкопали, но у вожака были более глобальные планы.

Робот-копатель был хорош – его батарей хватило бы им на много холодных ночей. Но зачем останавливаться на достигнутом, если можно взять себе и челнок тоже? Движок прослужит им ещё долго, обогревая не одну семью падальщиков. Ну а полуорганики… что ж, они просто оказались не в том месте и не в то время.

– ТиТ-5, быстрее! – крикнула РУТ-81. Надвигалась снежная буря, и идти становилось всё труднее и труднее. Да ещё и напарник, как назло, еле тащился позади.

Спрятавшись от ветра за огромный валун, мусорщица огляделась по сторонам. Планета изменилась до неузнаваемости: на месте песчаных барханов простиралось бесконечное, скованное льдом море. Станция, зависшая на орбите, была почти не видна из-за метели, и лишь далёкие огни в небе мучительно напоминали о доме.

РУТ-81 усиленно вглядывалась вдаль: не появится ли на горизонте их спасительный челнок. Но даже с её усиленным зрением разглядеть что-то в такую метель было практически невозможно. В этот момент позади неё ТиТ-5 опустился на одно колено.

– Похоже, наниты не до конца собрали меня, – прохрипел он. Радужка светодиодных глаз андроида была совсем светлой – это означало, что он испытывал сильную боль.

– Всего несколько метров, Ян! – произнесла РУТ-81, склонившись к нему.

ТиТ-5 поднял глаза: напарница назвала его именем из прошлого, и это придало сил.

«Я дойду».

В этот момент из-за холма сияющий огнями, словно новогодняя ёлка, поднялся челнок. Он прилетел за ними, и теперь он отвезёт их домой. На станцию, где другие мусорщики уже поужинали и теперь играют в нарды в гостиной.

РУТ-81 облегчённо рассмеялась. Она помогла напарнику подняться, и теперь они вместе готовы были ступить на борт челнока.

В этот момент за их спиной раздалась серия коротких выстрелов. ТиТ-5 отреагировал первым и, сбив с ног напарницу, ничком упал на землю. Стрелял один из падальщиков: он продолжал следить за челноком сквозь оптический прицел своего оружия. А челнок… челнок падал, по спирали опускаясь на обледенелую землю.

– Нет! – прошептала РУТ-81, провожая корабль взглядом, полным отчаяния.

Бу-буум! При соприкосновении с землёй челнок рассыпался на обломки, но не взорвался – должно быть, снайпер идеально рассчитал степень урона.

– Похоже, они нас не видят… уходим! – прошептал ТиТ-5, внимательно наблюдая за тем, как трое тварей бросились к упавшему летательному аппарату. Ползком они двинулись прочь от места падения, но идти больше было некуда.

Очевидно, что все экипажи давно вернулись на станцию. Можно было бы связаться с кем-нибудь, да хотя бы с тем же Иваром, и, получив нагоняй, дождаться помощи. Вот только без обогрева мусорщикам не продержаться на планете дольше тридцати минут. Все их попытки бороться с суровым положением вещей были жалкими.

Впрочем, это уже не имело значения. Не пройдя и двух метров, ТиТ-5 ощутил, как на его тело опустилась тонкая, почти невесомая сеть. Он коснулся её – и двух фаланг на правой руке как не бывало.

– Не шевелитесь, это в ваших интересах, – произнёс сухой роботизированный голос одной из тварей. Но ТиТ-5 уже понял, что это были за путы: ультратонкая паутина – изобретение варнов, которое твари, судя по всему, позаимствовали для ловли

мусорщиков.

– Это они? – спросил второй падальщик, ткнув РУТ-81 стволом автомата.

– Они, – отозвался первый. – Вожак будет рад долгожданным гостям.

Глава 11. Максима

Похоже, это был конец.

Андроиды шли по катакомбам с давящими низкими потолками, а в спину им упирались стволы автоматов.

«По крайней мере, здесь теплее, чем снаружи», – думал ТиТ-5. Пару минут назад АПИ доложил ему, что несколько сегментов спинного мозга так и не удалось восстановить. Его механическое тело было в порядке, но вот органическое… Огромными усилиями ТиТ-5 заставлял себя не хромать и вообще держаться молодцом, но медленно немеющие пальцы на ногах давали понять, что он долго не протянет.

«Я ничего не скажу РУТ-81. Она не должна терять надежду, что мы выберемся живыми», – думал он.

Падальщики не разговаривали. Их лиц было почти не видно из-за толстых меховых капюшонов и крупных линз на глазах, но сомнений в том, что они были органиками, у андроидов не возникало.

«Значит, эти твари априори слабее нас, – думала РУТ-81, искоса поглядывая на конвоиров. – Но нас всего двое, и, к сожалению, мы находимся в их владениях».

Последняя мысль была верной. Падальщики вели андроидов вглубь планеты, нет, не к ядру, но определенно глубже, чем мусорщики когда-либо осмеливались копать. Когда их короткое путешествие наконец закончилось, ТиТ-5 и РУТ-81 оказались посреди странной арены протяженностью несколько километров в диаметре.

– Добро пожаловать в пустоши, – сказал один из тварей, толкая мусорщиков вперёд.

То, что ТиТ-5 вначале принял за трибуны, оказалось домами, построенными настолько близко друг к другу, что из окон одного дома было рукой подать до двери второго. Ещё один странный мир, в котором обитали не менее странные существа.

ТиТ-5 заметил небольшую группу высоких, длинношеих созданий. Их кожа была серо-голубой и гладкой, точно у дельфинов. Их большие раскосые глаза отливали янтарём, а движения были плавными и лёгкими, словно они двигались в воде.

Он толкнул РУТ-81 и указал на группу таких существ: мужского и женского пола, с детьми разных возрастов.

– Аборигены, – шепнула РУТ-81. – Жители этой планеты, те,

что пришли после гибели первой цивилизации.

Андроид ничего не слышал о них. На курсах спецподготовки мусорщиков варны много рассказывали о первых людях, населявших планету. О том, как они жрали, гадили и отравляли свой родной дом, пока не погрязли в горах мусора и пыли. Но об этих красивых созданиях, основавших свой мир глубоко под землёй, варны умалчивали.

– Откуда ты знаешь о них? Ведь нам ничего… – начал ТиТ-5, но падальщик больно ткнул его в спину.

– Не разговаривать! Владычица ждёт, – произнёс один из падальщиков, продолжая вести андроидов вперёд.

Если эти прекрасные серо-голубые создания – коренное население подземного мира, то кто тогда твари? Их телохранители? Хозяева? Захватчики? Не похоже было, что здесь шла война: все эти маленькие домики, куполообразные теплицы, колодец посреди площади, десятки играющих детей больше напоминали пасторальные пейзажи из книжек о колонизаторах Марса, чем раздираемый враждой мирок.

– Будете сидеть здесь, а потом пойдём к Владычице. – Конвоир указал мусорщикам на неглубокие ямы, закрывающиеся смехотворной решёткой из деревянных кольев. Просидеть там, согнувшись в три погибели, бог знает сколько времени было перспективой весьма сомнительной, поэтому ТиТ-5 предложил:

– А может, сразу пойдём к Владычице? Раз она ждёт?

Но вместо ответа андроид больно получил по голове прикладом. Что ж, по крайней мере, он попытался.

– Бежать бессмысленно, верно? – спросила РУТ-81, когда за ними закрылась дверь с деревянным частоколом вместо решётки.

– Куда уж нам. – ТиТ-5 потряс замок, завязывающийся на верёвку. – Как в сейфе.

Напарница негромко рассмеялась, и от этого на душе у обоих потеплело.

– РУТ, – начал было он, но в последний момент передумал. Правая нога онемела до колена, но ведь и они никуда не торопились. Не стоит расстраивать её раньше времени. – Может, ты закончишь свою историю?

Та лишь фыркнула.

– Нашёл время и место. Сейчас придёт эта Владычица, и нам отрубят головы. Конец истории. – Улыбка РУТ-81 превратилась в горькую усмешку.

Андроид лёг на холодный глиняный пол и замолчал. Возможно, она права. Но так не хотелось коротать эти, вероятно, последние минуты их жизни в молчании.

– Ты знаешь, а по-моему, как раз сейчас самое подходящее

время и место, – тихо сказал он.

РУТ-81 обернулась и посмотрела ему в глаза. Сложно было сказать, поняла она, что его тело отказывает или просто прониклась сказанной фразой, но, подумав ещё пару секунд, продолжила свою историю, словно они не потеряли Верзилу, не попали в плен и не ожидали сейчас своей смертной казни.

Словно есть только здесь и сейчас.

– Так, на чём я остановилась? Ах да…

⁂

Я стала максима.

На моём запястье теперь красовалось четыре полоски, а не две, как у латералис, но самое главное – мозг Харпер перепрошили таким образом, что она начала считать себя урождённой максима. Ну а я могла двигаться дальше. Теперь моей задачей было выбежать на поверхность, но вначале… вначале я решила немного отвлечься.

В комнате Эксла было темно. Максима имели право не экономить электроэнергию, но они всё равно экономили. Глупо было понапрасну расходовать то, ради чего ты и твои соплеменники бегут изо дня в день. Перегорают, точно устаревшие контакты электронной цепи. Разбиваются в шахтах и становятся пищей для плазмеров. Продолжать можно было сколько угодно, но суть оставалась неизменной: супероми были рабами, урождёнными или завоёванными, но не пытавшимися бороться с этим. Всё, что они могли изменить, – это уменьшить расход электроэнергии, чтобы где-то в другом месте другой супероми мог оставить себе немного заряда, чтобы спокойно помыться.

– Ты не спишь? – спросила я своего немногословного любовника.

В темноте я увидела, как тот покачал головой.

– Планирую, – отозвался он через минуту. – Наш бег.

Бег – это всё, о чём думал Эксл альфа-1. Он был лучшим максима во всех смыслах, и не потому, что хотел этого. Просто «альфовость» была свойственна его природе так же, как тёмная кожа, жёсткие волосы и удивительные светло-зелёные глаза.

Я встала с кровати и принялась натягивать свой костюм. Полоски заискрились слабым голубоватым светом – это означало, что энергии во мне оставалось совсем немного. Максима разрешалось оставлять себе гораздо больше заряда, чем другим супероми, но после сегодняшней ночи мы с Экслом были почти на

нуле.

– Тебе нужно немного? – спросил он, заметив, что я едва свечусь.

– Нет, справлюсь, – улыбнулась я и подошла к зеркалу. В полумраке на меня смотрело довольное лицо молодой девушки. Харпер дзета-8 была моей ровесницей, по крайней мере, внешне. Её тёмные волосы были короткими на затылке и длинными впереди, а густая чёлка почти скрывала раскосые карие глаза.

– Что бывает с людьми на поверхности? – спросила я, глядя на обнажённого Эксла в отражении.

– С супероми?

– Да.

– Лучше тебе не думать об этом. – Эксл поднялся и тоже начал одеваться. Его костюм светился сильнее.

– Разве тебе никогда не было интересно, что там, на поверхности? – Я подошла и взглянула в его светлые глаза.

– Нет, – отрезал он. Логика этого максима было понятна: он бежал, чтобы жить, и точка. Всё остальное лежало за чертой его нужд и потребностей. Но я-то была существом иного толка.

– Ладно, спрошу у Позиса дельта-5, – легкомысленно отозвалась я и тут же узрела сурово нахмуренную физиономию Эксла. Парни есть парни: стоит только намекнуть, что кто-то может быть осведомлённее (читай: лучше) него, как всё – включается гордость, ревность и жажда безраздельного обладания.

– Однажды мы все окажемся там, – сказал Эксл со вздохом. – Хозяева говорят, что это следующий этап для максима, но я считаю, что это означает смерть.

Я насторожилась. Прежде чем я выбегу на поверхность, мне нужно узнать о ней гораздо больше.

– Смерть? Что такого может быть на поверхности, что убило бы нас? – спросила я.

Вообще-то, вариантов было множество: прямые солнечные лучи, радиация, хищные звери и растения, выделяющие яд, но всё это было не то. Выражение лица Эксла говорило о том, что на поверхности супероми поджидает нечто поистине чудовищное. Огромная плавильня, гигантские жернова, которые перемелют любого, великанские руки, мнущие человеческую плоть, словно пластилин, и превращающие её в нечто новое, запредельное, противоестественное.

Я оторвалась от его выразительных глаз и принялась рассматривать виртуальное окно, за которым плескался океан. Он не знал. Но узнать предстояло мне: именно таков был уговор с Тао Ли.

Часы на руке пропищали: пора было идти на старт. Эксл альфа-1 поцеловал меня напоследок, но это прикосновение не вызвало во мне ничего. Гораздо сильнее было предвкушение бега, опасности, возможности выйти за пределы трассы. Я была влюблена в мир супероми сильнее, чем в кого-либо в своей жизни. Сильнее, чем в игры, ведь в играх на кону было всего лишь потраченное время, а здесь – жизнь живого существа. И, вероятно, моя психика.

Возвращение в своё тело было иным. Я почувствовала невероятную усталость, словно только что пробежала сотни километров. И если тело Харпер проделывало этот трюк каждый день, то моё тело развалилось бы уже на старте.

Тревогу усилило выражение лица Тао Ли, который как обычно сидел возле меня. Я посмотрела на свои руки и заметила, что стянутые ремнями запястья кровоточат.

– Что… случилось?! – спросила я и поразилась своему охрипшему голосу. Голосовые связки саднили, как если бы я битый час звала на помощь посреди Ледовитого океана.

– Она просыпалась, – сказал Ли и тут же успокаивающе добавил: – Всё в порядке, я ввёл ей транквилизатор. Она ни о чём не вспомнит.

– Но разве… кхм… разве она может проснуться? – промямлила я, ощущая надвигающуюся панику.

– Такое случается крайне редко. – Ли подошёл и отстегнул ремни. Истерзанные запястья заныли с новой силой.

«Она была *здесь*. Была в моём теле». Я вскочила с места и принялась метаться из угла в угол. В тесной каморке вдруг стало невыносимо душно, и я почувствовала, что мне просто необходимо выйти на свежий воздух.

– Сколько я провела здесь? – Этот вопрос был неожиданным для меня самой.

– Двое суток. Двое с половиной. – Взгляд Тао Ли вновь стал гипнотически спокойным. – Мы делали перерывы, ты помнишь?

Нет. Я ничего не помнила. По меркам супероми, я провела в их мире как минимум неделю – и это было против всяких правил.

– Мне нужно выйти на воздух, – слабо проговорила я. Благодаря Харпер я научилась слушать своё тело, и сейчас оно транслировало мне высшую степень физической и моральной усталости.

Тао Ли не стал настаивать на том, чтобы продолжить подключение. Отперев дверь ключом, он взял меня под руку и вывел в оглушительно праздный мир Нова Соуля. Было раннее утро, и в клубе не осталось никого, кроме спящих за барной стойкой проституток-андроидов. Накачанный наркотиками

священник валялся в углу, но и его сложно было назвать живым. Мы вышли в дымную гулкую ночь, и туман с примесью выхлопных газов проник в моё тело с жадностью ненасытного вампира.

– Зачем мне бежать на поверхность, Ли? – спросила я слабым голосом, вдыхая ночную свежесть полной грудью.

– Я объяснял тебе. Ради того, чтобы нарушить баланс. – Киборг присел на ступени клуба. Он тоже выглядел уставшим, хоть и не подавал вида.

– Бред. – Впервые с момента выздоровления я высказала своё истинное отношение к его идее. – Ты тычешь пальцем в небо.

Боялась ли я того, что ждёт на поверхности? Да. Но это ничуть не умаляло моё желание там побывать. Просто мне хотелось понять, для чего я делаю это.

Тао Ли поднялся и заговорил с жаром, тщательно проговаривая каждое слово:

– Только подумай, Лин, ты стала максима! Тебе под силу изменить отношение к супероми, заставить хозяев уважать их, считаться с ними! Тебе кажется, что ты просто играешь, но ты делаешь огромную работу для этого мира. Для всех миров, где есть человек разумный!

Я вздохнула. Сложно было действовать наобум, слепо веря в эффект бабочки. В этот момент в конце переулка показалась парочка подвыпивших типов на ховербайках. Один из них горланил песни, а второй методично разбивал пустые бутылки. Если бы не Тао Ли, я была бы сейчас одна в Нижнем городе. Одна среди всех этих ублюдков.

– Ладно, вернёмся к работе, – сказала я, поднимаясь по ступенькам к чёрному входу клуба. В ногах была слабость, но ночной туман, а также пьяная компания несколько прочистили мозги.

Тао Ли снял с себя плащ и бережно опустил мне на плечи, защищая от холода и сырости.

– Не сегодня, Чжин Хо. Ты еле живая, – по-дружески произнёс он.

– Брось, всё в порядке. – Я отмахнулась, и пол поплыл у меня из-под ног.

– Идём. – Тао поймал меня под руку. – Сегодня переночуем как потребители.

⁂

Принять ванную после стольких дней добровольного

заключения было божественно. Я мылась, с наслаждением отмечая, что гипертрофированные сосуды на моём теле исчезают. Надо будет узнать у Ли, смогу ли я играть в нативки, когда вирус окончательно покинет моё тело. Но сказать по правде… я была бесповоротно отравлена «НОМАДом». Мир супероми пленил меня. Там у меня была цель, было сильное тело, был, в конце концов, Эксл. А здесь – ни работы, ни семьи, ни дома. Я в розыске, у меня нет денег, нет даже аккаунта в «Фэйслинке».

Будь моя воля, я осталась бы в теле Харпер навсегда.

Какое же это наслаждение – лежать на свежих простынях! Жёстких от бесчисленных стирок и пахнущих ароматнейшим кондиционером. Я валялась и смотрела в потолок, пока Тао Ли в соседней комнате готовился к ужину.

Иногда я проматывала в голове момент нашей встречи с ним и не могла понять, что же не так. Почему я, прирождённый параноик, мизантроп и социопат на всю голову, так легко доверилась абсолютно незнакомому человеку? Приняла лекарство и почти что ела с его рук?

Ответ был лишь один: отчаяние.

Спустившись в Нижний город, я думала, что больше не жилец. Отчаяние вело меня. И привело бы к смерти от рук каких-нибудь ублюдков, если бы не Тао Ли со своим предложением на миллион.

Отчаяние сносит нам крышу, но вместе с тем показывает, какие мы на самом деле.

Меня разбудили голоса в соседней комнате. Часы показывали полтретьего ночи, но вместо того, чтобы снова лечь спать, я села на кровати и прислушалась. Вырванные из контекста фразы ничего не значили, но моё сердце странно ёкнуло, словно в этот момент за стеной двое собеседников решали мою судьбу.

– …жалуются на перебои в работе энергосистемы. – Этот голос был мне не знаком.

– Какие перебои, о чём ты? – Вот манеру Тао Ли растягивать слова я узнала сразу же.

– На первом уровне. Так говорят Владыки, не я. – Собеседник говорил с отстранённым равнодушием, словно он был здесь, чтобы сообщить неприятную, но важную новость.

– Вы заберете её? – после паузы спросил Ли, и я напряглась ещё сильнее.

– Да.

Киборг порывисто выдохнул и неожиданно заговорил с подобострастным испугом:

– Мы близко, мы почти подошли, баланс будет нарушен, мы перешагнули порог невозврата…

Собеседник холодно прервал его:

– Ты сектант, Абра. Лин нарушила конвенцию и будет инактивирована.

Я зажала рот руками, чтобы не закричать. Инактивирована? И почему этот человек назвал Тао Ли Аброй?!

– Знай, я буду искать нового последователя! – Киборг повысил голос.

– Значит, мы будем закрывать мир супероми для межпространственных перемещений, – парировал собеседник. Дальше я уже не слушала. Стараясь ничего не уронить, я металась по комнате, собирая свою одежду. Нужно было бежать, пока ещё не поздно, но перед глазами была пелена.

Тот человек в соседней комнате – он пришёл за мной. И если Тао Ли не тот, за кого себя выдаёт, то моё дело плохо.

Неужели опять прыгать из окна? Балкона в номере не было, как и пролетающего внизу антигравитатора; наверное, некоторые фокусы в нашей жизни работают всего один раз.

Незаметно выйти через дверь тоже нельзя – соседняя комната расположена как раз напротив выхода. Но, похоже, других вариантов нет. Ещё раз осмотрев спальню, я заметила «НОМАД», беспечно оставленный на подзарядке.

«Прощай, приятель», – с тоской подумала я, но в последний момент вернулась и цапнула устройство с прикроватной тумбочки.

Чёрта с два я всё брошу. Мне нужен был «НОМАД» не ради какого-то метафизического баланса и судьбы всего человечества. Просто мир супероми – это всё, что у меня осталось, и я не готова была попрощаться с ним.

Мужчины в гостиной курили. Тот, кто называл себя Тао Ли, нервно расхаживал по комнате, второй, полноватый и лысый, царственно сидел на диване.

На цыпочках я прокралась к двери и приложила магнитный ключ к замку. Пожалуйста, хоть бы они не услышали… Но замок запищал громко и противно, так что и мертвеца мог поднять!

– Лин? Ты куда? – удивился киборг, выходя в коридор, но я была уже далеко. Сломя голову я мчалась по лестнице, надеясь выскользнуть через чёрный ход.

Мужчины разделились: толстый поехал на лифте, а киборг помчался пешком и, судя по его разъярённому топоту, собирался взять меня живой или мёртвой.

Десятый этаж, девятый, восьмой… Голова кружилась от слабости, но ноги несли меня по инерции. Наверное, я не смогла бы остановиться даже если бы захотела, но между вторым и третьим этажом я подвернула ногу и упала.

Боль была такой сильной, что я едва не потеряла сознание. Где-то двумя этажами выше киборг нёсся следом, грозно выкрикивая моё имя. Что бы сделала Харпер на моём месте? Бежала бы, пока в её теле не закончился заряд. Подумав об этом, я поднялась на ноги и, превозмогая боль, заковыляла вниз.

Нога распухала на глазах, но я старалась не смотреть на неё. Первый этаж, чёрный выход – всё! Я выбежала под ливень и на секунду остановилась в нерешительности. Куда теперь податься? В этот момент из главного входа вышел тот самый толстяк и заорал высоким противным голосом:

– Стой, преступница, стой! Не уйдёшь!

Он побежал за мной, вперевалочку, словно толстая собака, а его маленькие, глубоко посаженные глазки были полны решимости покарать меня.

– Грёбаные лестницы! – Вслед за толстяком из дверей отеля появился мой бывший покровитель. Должно быть, он тоже навернулся, потому что хромал и потирал шею. Воспользовавшись моментом, я добежала до перекрёстка с главной улицей и принялась голосовать.

Машины проносились мимо, совсем как в той игре, заразившей меня. Постепенно пазлы в моей голове складывались воедино. Я поняла, почему толстяк называл Тао Ли именем Абра. Потому что он и был Аброй. Абра Хо, уничтоживший мою жизнь. Только у него могло быть противоядие от ЗППНИ.

Очередная машина промчалась мимо, окатив меня грязью с ног до головы. Какая злая ирония: столько времени я провела рука об руку с человеком, которого мечтала убить. С больным сектантом, тронувшимся умом на почве баланса во вселенной. Возможно, именно Абра Хо подстроил взрыв аэрокара Сэджика, но никто об этом так и не узнает.

За моей спиной послышались шаги. Сейчас они повяжут меня, и я даже не буду сопротивляться. Всё равно идти некуда.

Моего запястья коснулась холодная механическая рука, и я вздрогнула всем телом.

– Иди за мной, детка. – Женщина-андроид кивнула на припаркованный рядом антигравитатор. – Не нравятся мне твои дружки.

Я узнала её: она была одной из проституток в клубе, куда Абра Хо приводил меня «работать».

Быстро кивнув, я пошла за ней, и через минуту мы уже взлетали над городом, а крупные капли дождя разбивались о лобовое стекло её лайнера. Я глянула вниз и увидела, что двое преследователей растерянно стоят на перекрёстке, не понимая, куда могла подеваться их жертва.

– Не знаю, как отблагодарить вас, – сказала я, не веря, что спасена.

– Да брось, – отмахнулась леди. – Девчонки должны помогать друг другу, особенно когда против них играют плохие парни.

Она подмигнула мне, и я улыбнулась в ответ. Эта женщина не была красивой, напротив, её вульгарная внешность с тонкими чёрными бровями, огромными губами и длинными ресницами была отталкивающей. Такие лица было модно делать андроидам-проституткам лет этак сорок назад. Приглядевшись, я разглядела и другие изъяны: одна рука не была покрыта полимерной кожей, а пепельные волосы на голове были редкими и спутанными, как у старой куклы.

И всё же именно она была моей спасительницей.

– Меня зовут Изабелла, – представилась женщина.

– Харпер.

– Где ты живёшь, Харпер? – спросила Изабелла, одной рукой ведя аэрокар, а второй нанося помаду.

Недолго думая, я назвала адрес Хвона Чангпу. Надеюсь, это не принесёт ему больших проблем.

Изабелла круто развернула лайнер. Теперь, когда всё вроде как утряслось, я наконец решилась осмотреть свою ногу. Лодыжка сильно опухла, и мне пришлось разрезать ботинок ножом Изабеллы, чтобы снять его.

– У меня только водка, малыш, – сокрушённо вздохнула женщина-андроид. – Может, тебе лучше в больницу?

Я отрицательно покачала головой.

– Спасибо за заботу, но я собираюсь расстаться с этим телом, – сказала я. Всё было именно так: я собиралась переселить сознание в тело Харпер, чего бы это мне ни стоило.

– Только не становись мужчиной, ладно? – сказала Изабелла. – Поверь, это того не стоит.

Глава 12. Энигма

Мы летели над облаками. Прижавшись к стеклу, я смотрела на красные и оранжевые вспышки на плотном полотне туч: город продолжал жить, что бы ни происходило в наших мелких и незначительных жизнях.

Мне вдруг стало очень спокойно на огромной высоте, в аэрокаре незнакомой женщины. Достав из-за пазухи «НОМАД», я любовно погладила его по гладкому белому корпусу. Он был у меня, и это самое главное, а нога… наверняка у Хвона найдётся сильнодействующий анальгетик.

– Это то, из-за чего тебя преследуют те парни? – продолжая смотреть на дорогу, спросила Изабелла. У неё, как и у многих андроидов, был обзор на триста шестьдесят градусов.

– Нет, – сказала я, убирая «НОМАД» обратно за пазуху. Но тут же испытала угрызения совести, всё-таки эта женщина спасла меня.

– Не совсем. Им нужна я, – немного помедлив, сказала я. – Чтобы убить.

Изабелла вздохнула.

– В серьёзное дерьмо ты влипла, малышка, – сказала она, продолжая всё так же смотреть на дорогу. Капли дождя врезались в лобовое стекло, и их тут же размазывало под давлением.

– Просто доверилась не тому человеку, – задумчиво произнесла я, ковыряя обшивку сидения, держащегося на месте только силой гравитации. – Сама виновата.

Изабелла молчала. Наверняка она знала немало задушевных историй, которые андроиду полагалось рассказывать в таких ситуациях. Проститутки были запрограммированы владеть искусством сторителлинга как никто другой, но сейчас мне не нужны были истории. Простого молчания будет более чем достаточно.

Или не простого.

Антигравитатор бросило вниз, и я подскочила на месте.

– Изабелла? – Снова молчание.

Мне вдруг стало страшно. Вглядевшись в отражение на лобовом стекле, я увидела, что глаза Изабеллы закатились. Это могло говорить только об одном: сейчас, в эту самую минуту, кто-то взламывает её разум.

На смену страху пришёл гнев. Не дожидаясь, пока бывшая спасительница задушит меня или разобьёт голову своей

механической рукой, я сама пошла в наступление. В одно движение оторвав сиденье, я размахнулась и ударила Изабеллу по шее, чуть ниже черепа. Именно это место было уязвимо у всех андроидов, и женщина не стала исключением. Захрипев, словно сломанный синтезатор, Изабелла изогнулась неестественной дугой.

Управление она, разумеется, отпустила, и аэрокар тотчас же начал терять высоту.

Я нанесла ещё один удар, прежде чем перехватила руль и выровняла курс. Изабелла упала на сиденье, и её голова безжизненно опустилась на грудь.

«Добей, не будь дурой!» – велел мне внутренний голос. Да, она была совсем как человек. И нет, тот, кто взломал её, определённо не оставил бы меня в живых.

В шее Изабеллы уже виднелись электроды, и мой удар должен был стать последним. Я замахнулась, но в этот момент она взмолилась о пощаде.

– Пожалуйста, не делай этого! – Голосовые схемы были повреждены, и женщина заговорила низким басом. – Я ведь спасла тебя, разве ты забыла?

Её полные боли глаза взглянули на меня сквозь паклю пергидрольных волос. Неужели я ошиблась?! Эта мысль кинжальным лезвием вонзилась в моё сердце, и я замерла, продолжая держать орудие убийства над головой.

– Я ни в чём не виновата, – произнесла Изабелла. – Пощади меня, Лин!

«Лин» – звук этого имени вернул меня к жизни. Короткое слово из трёх букв, приносящее смерть.

– Кажется, я представилась как Харпер, – грозно сказала я и одним точным ударом по шее снесла андроиду голову. Кто бы ни проник в её сознание, он больше не сможет мне навредить.

Если только я не разобьюсь о землю минуты через три. Лайнер продолжал падать, а за ним уже летела стайка патрульных дронов. Ещё немного, и они принудительно переведут машину в режим автопилота, конечно, если успеют. И тогда неизвестно, что будет хуже: быстрая смерть или утомительные разборки с полицией.

Решительно выкинув тело Изабеллы с водительского сиденья, я взяла управление. Рванула штурвал на себя, и огни Нова Соуля, приблизившиеся на опасное расстояние, вновь оказались за завесой облаков.

«Остановите аэрокар, немедленно!» – увидела я сообщение, замигавшее на передней панели.

– Простите, ребятки. – Сдвинув брови, я сосредоточилась на

полёте. – Не сегодня.

Я посадила антигравитатор за городом. Обливаясь потом и хромая, я вылезла из жаркой кабины и с наслаждением подставила лицо моросящему дождю. Нова Соуль остался далеко позади. На востоке виднелись джойфермы, оснащённые гигантскими по протяжённости солнечными батареями, на западе высились радары, медленно поднимающие свои головы, точно волоски на теле великана. Прямо передо мной было поле, засеянное чем-то невнятным.

Я оторвалась от преследования и удачно посадила аэрокар с почти пустым баком – не правда ли, чудо? Можно было бы и порадоваться, вот только сломанная нога доставляла жуткий дискомфорт, а отсутствие цивилизации наводило на мысль о том, что это поле вполне может стать моим последним пристанищем.

Попив и умывшись из фляги Изабеллы (интересно, зачем андроидам вода?), я залезла обратно в кабину и отключила освещение. Было жутко, но я понимала, что так меня дольше не обнаружат.

– Вот мы и остались наедине, приятель, – прошептала я, доставая из-за пазухи «НОМАД». В темноте он светился зелёным глазком, и этот свет был единственным источником освещения на многие километры вокруг. Маленькая звезда у меня на ладони.

Прицепив датчик к виску, я положила испорченную конечность на коробку передач и откинулась на спинку пассажирского кресла. Я понимала, что это последнее моё путешествие, вот только как уговорить разум остаться в теле Харпер? Да, это нечестно по отношению к ней, но я тот ещё паразит. Даже потеряв всё, я продолжаю барахтаться и искать спасение за пределами своей реальности.

Меня больше нет. Нет жизни, нет цели, нет дома, крыши над головой, здоровья, материальных ценностей. Интересно, если взять мою разваливающуюся на части оболочку за сто процентов, какой процент составляю я сама? Я – помнящая о том, что я Лин из пробирки? 10 %? 1 %? Или 0,01 %? И что тогда путешествует между всеми этими вселенными: наш разум или душа?

Это были те вопросы, на которые Абра Хо так и не дал ответов.

«Если когда-нибудь я снова увижу тебя, – думала я свою последнюю мысль в этом теле, – то обязательно скажу: "Эй, Абра, а я была там, на поверхности. И я видела всё. Только я тебе ничего не расскажу, потому что ты говнюк". Да, это будет хорошая месть».

Почувствовав привычные вибрации пространства вокруг, я выкатилась из своего тела.

Харпер избивали. Жестоко, расчётливо и явно не получая отпора. Пока не получая. Вновь ощутив себя целостной и полной сил, я перехватила летящий в челюсть кулак и с наслаждением заломила руку противника. Смахнула чёлку с лица и взглянула в глаза этой твари, посмевшей тронуть мою девочку (да, именно так я относилась к своему воплощению). Интуиция не подвела – это была Дженезис сигма-13.

В её глазах отпечатался страх – женщина явно не ожидала получить отпор.

– Что, сука, нежданчик? – спросила я, сплюнув ей под ноги. «Сейчас я оторвусь на тебе по полной программе. За все мои унижения».

Я заломила руку ещё сильнее, и Дженезис закричала. Но никто ей не поможет, ведь она сама отвела меня подальше от посторонних глаз.

Очень хотелось сломать ей руку. Более того, я могла это сделать, ведь в голове Харпер неожиданным образом обнаружилась целая библиотека книг по анатомии человека. Но вместо этого, повалив Дженезис на землю, я изо всех сил придавила её шею коленом.

– Зачем? – произнесла я всего одно слово, но максима не могла говорить. Её глаза наливались кровью, а хрящи хрустели под натиском. Немного ослабив удушение, я повторила свой вопрос.

– Э… ксл, – произнесла она.

Всё понятно. Так вот зачем она привела меня сюда: банальное женское соперничество, чёртова ревность. Я отпустила Дженезис и рассмеялась. Интересно, если рассказать ей всю правду, она поверит?

– Давай так: побежишь со мной на поверхность, и он твой, – предложила я и замолчала, ожидая реакции.

– Ты что, сдурела?! – Сигма-13 смотрела на меня как на умалишённую. Она держалась за шею, а её голос был хриплым. – Ты хоть знаешь, что там?

– Что? Ну вот что там? – с вызовом перебила я, и Дженезис прикусила язык. – Ты не знаешь… Никто не знает.

По правде говоря, мне не нужно было её согласие. Добровольное согласие. Поджарая стерва не взяла с собой походную сумку, а значит, и оружие. Понадеялась на свои кулаки. А вот Харпер была умнее; с того момента, как Сивил дал ей карборасщепитель, она не расставалась с ним ни на минуту.

– Не то чтобы я предлагаю тебе выбор. – Я нацелила на Дженезис смешной ствол «Каргона».

Та рассмеялась, и тут уже настала моя очередь напрягаться.

– Ты очень странная, Харпер, – неожиданно сказала женщина, рассматривая меня, точно букашку под лупой. – То слова из тебя не вытащишь, то вдруг предлагаешь бежать на поверхность…

Похоже, карборасщепитель не так уж и пугал её. Огромным усилием воли я заставила себя ничего не говорить про «НОМАД».

– Не думай, что знаешь меня, максима, – опустив оружие, произнесла я.

– Я просто хочу знать, почему он тебя любит. – Дженезис сощурила глаза, чтобы не показать слёз.

Сегодня в шахтах свирепствовал шторм. Земное ядро полыхало, выбрасывая раструбы лавы, и хлипкий мостик, по которому бежали сияющие максима, качался, точно паутинка под шквалистым ветром. Когда огненная расщелина была позади, Сивил бета-9 как обычно повёл отряд по обходной дороге через внутренние горы планеты, ну а я, коротко кивнув Дженезис, свернула направо, в узкий и тёмный тоннель, ведущий наверх.

Мне больше не нужно было угрожать ей оружием: всего одно слово Рании альфа-2 и демонстрация нанесённых мне синяков – и Дженезис ждет обнуление, а после – трибунал. И всё же, увидев сумасшедшие лифты, снующие туда-сюда между первым и нулевым уровнем, сигма-13 застыла как вкопанная.

– Идём, возвращаются только трусы, – сказала я и для убедительности толкнула девушку «Каргоном» в спину.

Лифты не останавливались. Они лишь немного сбавляли скорость перед посадочной площадкой и тут же вновь неслись вверх, с диким грохотом и чуть ли не разваливаясь на ходу.

– Он не выдержит нас двоих, – резюмировала Дженезис, глядя на подъехавшую кабину.

– Иди первая. – Я толкнула супероми вперёд. – А я на следующем.

– Ты для этого меня взяла? – проворчала та. Женщина залезла в кабину и упёрлась руками в дрожащие стены. На её лице читался страх смерти.

– А разве ответ не очевиден? – косо ухмыльнулась я, но на самом деле мне было не до шуток: лифт в соседней шахте только что лишился боковой стены, и она с грохотом разбилась о землю.

Должно быть, этими шахтами пользовались очень редко, и всё же даже такое гиблое место приходилось электрифицировать трудами максима, латералис и других.

«Надеюсь, всё не зря», – думала я, осторожно забираясь в кабину. Пол заходил ходуном, и я пригнулась, чтобы удержать равновесие. Торможение закончилось, и лифт пошёл наверх. Меня придавило к полу, и сквозь брешь я смогла рассмотреть, как стремительно остаётся внизу земля.

Я не могла держаться. Меня кидало из стороны в сторону, и только чудом я до сих пор не вылетела через отсутствующую стену. Чем выше мы поднимались, тем сильнее тряслась кабина, приводя всё моё существо в неописуемый ужас. Кажется, я кричала, но этот крик жил своей жизнью, покидая мою глотку без спроса.

Когда тряска достигла своего апогея, всё вокруг залил ослепительный свет. Я закрыла глаза, но было так ярко, что меня ослепляло даже сквозь закрытые веки.

Что же это? Солнце? Я на поверхности?

Нет, я была в новом ангаре. Он был крупнее, гораздо крупнее нашего и освещался гораздо ярче. Сотни прожекторов светились, точно десятки солнц. Сколько энергии! Затаив дыхание, я вышла из кабины и обессиленно прислонилась к стене. Во рту словно распростёрлась выжженная пустыня, жутко хотелось пить. Я отстегнула фляжку с пояса и поднесла ко рту. Две капли упали на высохшие губы, но это больше не имело значения. Я увидела людей.

Тысячи супероми в белоснежных одеждах бежали легко и непринуждённо. На белоснежных стенах были движущиеся, словно живые, рыбы, слышался плеск воды и крик чаек.

В этих супероми было больше различий, чем в нас: я видела стариков, детей, худых и полных. Они смеялись, разговаривали, бежали группами человек по пять… и никаких следящих дронов, никакого командира, который ворчал бы в спину. Никакой муштры и соперничества. Эти супероми были более свободны, чем мы.

Дженезис нигде не было. Она должна была приехать на минуту раньше меня; наверняка тоже стоит сейчас с открытым ртом и не может понять, что происходит.

Увидев фонтан, моё тело вспомнило о жажде. Я была вороной среди всех этих прекрасных белых голубей: супероми глазели на меня с улыбкой, когда я, стоя на четвереньках, жадно пила из общественного фонтана. Глазейте, хрен с вами, только дайте напиться.

Утолив жажду, я принялась смотреть по сторонам. Если наш нулевой уровень был преисподней, то это, несомненно, был рай. Всё вокруг было пронизано белым светом и воздухом. Даже фонтан светился разноцветными огнями и пульсировал в такт мелодии, льющейся отовсюду.

Откуда они берут столько энергии? При такой скорости бега они не выработают за сутки и десятой доли того, что вырабатываем мы. Этот вопрос не давал мне покоя.

– Вы пришли снизу? – Молодой человек – конечно же, в

белом – участливо присел рядом со мной.

– Да, а откуда вы знаете? – Глупый вопрос. Я одна тут грязная как чёрт, в тёмном костюме и с оружием в сумке.

– Иногда к нам приходят… избранные. – Последнее слово молодой человек произнёс с почтением. – Как вас зовут?

– Максима Харпер дзета-8, – вяло представилась я. – Что значит – избранные?

– Лучшие из максима, которые смогли выйти за пределы своего уровня и присоединиться к нам. – Парень обвёл рукой белоснежный мир.

Получается, мы не первые?

– Откуда вы берёте столько энергии? – Почему-то я решила начать именно с этого вопроса.

– Мы устроены иначе. – Молодой человек коснулся меня, и искры побежали с его костюма на мой. – Каждый из нас способен накапливать энергию и обмениваться ею с другими. У нас нет обнуления, нет разделения на конфигурации. Нам достаточно бежать всего пару часов в день, чтобы электрифицировать всё это.

Я ощутила, как пол подо мною завибрировал, но на сей раз это не было причудами моего восприятия. Несколько пожилых супероми ухватились за бортики и стены, чтобы не упасть. Но молодой человек, казалось, ничего не заметил: он спокойно продолжал сидеть рядом со мной и блаженно смотреть по сторонам.

– Тогда зачем нужны мы? – спросила я.

– Супероми низшего уровня – наш базис. То, на чём зиждется наша система. – Молодой человек продолжал оперировать высокими материями, и, честно говоря, меня начало это подбешивать.

– Но мы бежим в поте лица целыми сутками, чтобы обеспечить себе выживание, – резко сказала я. Всё было именно так: производство еды и очистка воды происходили за счёт энергии супероми, но её всё равно постоянно не хватало. – А вы здесь… даже чёртов фонтан подсвечиваете!

Последнюю фразу я сказала гораздо громче, и несколько людей осуждающе покачали головой. Конечно, они же «устроены иначе», куда им до моих проблем!

– Хозяева придумали такую систему, не мы. – Молодой человек развёл руками. – Вы знаете, что означает цифра 8 в вашем имени?

Я покачала головой. Признаться, мне не было до этого дела. Ощущение предательства, острой несправедливости застилало всё перед глазами, и весь этот белоснежный мир, который показался мне раем, вдруг превратился в питомник вышколенных

выставочных собачек, которых научили тявкать по команде.

– Восемь – это значит, что вас клонировали восемь раз. Это записано на радужке ваших глаз. – Молодой человек прищурился. – Возможно, в следующий раз повезёт, и вы окажетесь на первом уровне, среди нас.

Эта информация стала последней каплей.

– Не подскажешь, как тебя зовут? – со злобной улыбкой спросила я.

– Энигма Сейнт тау-2…

Не дожидаясь, пока он назовёт своё бесконечное имя, я схватила парня за шкварник.

– Сейнт, значит, – процедила я сквозь зубы. – Сейчас ты скажешь мне, как выбраться отсюда на поверхность…

В этот момент пол заметно тряхнуло, и энигма почти что выпал из моих рук.

– Что это за хрень?.. – прошептала я, озираясь по сторонам. Высоко над нашими головами виднелись два огромных иллюминатора, каждый размером с футбольное поле.

Воспользовавшись моей заминкой, Сейнт поспешил ретироваться.

– Что там? – крикнула я, указывая вверх.

– Мы поворачиваем, – ответил он. – Я должен быть на своём месте при манёвре. Хотел бы и дальше поболтать с вами, но нам нужно как можно больше энергии.

Поболтать со мной… словно не я только что угрожала ему. По крайней мере, у парней с нижнего уровня были яйца.

– Где Дженезис? – крикнула я ему вслед, но запоздало поняла, что он не может знать об этом.

– Вы встретитесь с ней, когда вознесётесь, – крикнул энигма и помахал мне рукой, точно старой приятельнице.

«Вознесётесь? Так, значит, мой путь ещё не окончен?»

Нежная мелодия, льющаяся с потолка, переросла в бодрый марш. Рыбы со стен исчезли, и вместо них появилось одно слово: «Манёвр!»

– Манёвр, манёвр! – Этот призыв повторялся устами сотен супероми, точнее, энигма. Я обратила внимание, что хаотичный до этого момента бег вдруг превратился в целенаправленную процессию к пунктам сдачи энергии. Один за другим энигма подключались к донору, и огромный насос впитывал в себя энергию их звёзд.

– Манёвр, манёвр! – звучало вокруг.

Люди легко и беззаботно расставались с энергией и возвращались на свои дистанции.

– Вы – Харпер? – обратилась ко мне симпатичная молодая

леди.

– Да.

– Пройдёмте за мной. Вас и вашу подругу ждёт вознесение.

Мое сердце забилось сильнее: вот он, момент истины. По правде сказать, мой организм (организм Лин) давно подавал сигналы о том, что дело дрянь. Я умирала в своём родном мире, и всё, на что я могла надеяться здесь, – успешно пережить вознесение и очнуться в новом, усовершенствованном теле. Теле энигма, например. Пусть они и зазнавшиеся говнюки, но говнюки счастливые.

Леди вела меня прочь от фонтана и едва ли не бьющихся в экстазе от этого «манёвра» людей. Неожиданно я увидела Дженезис: она медленно шла, уронив голову на грудь, а двое молодых людей вели её под руки.

– Вашей подруге стало плохо, но это уже не важно, – прокомментировала девушка. – Вас ждёт вознесение!

Поравнявшись с Дженезис, я отметила, что её звезда почти не горит.

– Простите, вы не подскажете, что это за окна, там, вверху? – спросила я.

– Вознесение – вот что сейчас важно, – всё с той же милой улыбкой произнесла леди.

Мы вошли в небольшую комнату, напоминающую кабинет стоматолога. От вида кресел с ремнями для рук мне стало не по себе.

Дженезис усадили напротив, и я поразилась тому, какими безжизненными были её глаза.

– Джен, ты меня слышишь? – спросила я, не заметив, как молодой человек надел на меня ремни. Но она не отвечала.

– Мы дадим вам немного энергии, чтобы совершить переход, – сказала девушка и подключила к моей звезде насос.

Я почувствовала неладное слишком поздно. Слишком немногословными были эти люди, слишком грязным для вознесения был кабинет и… слишком сладкой была ложь, чтобы так легко в неё поверить. Вознесение! Когда я увидела, что происходит с Дженезис, то даже не смогла закричать. Энергию высасывали из её тела, из каждой клеточки. Молодое и красивое тело юной максима на глазах превращалось в высушенный сморщенный плод.

Но самое ужасное, что то же самое происходило и со мной.

Мы не были избранными. Мы были просто батарейками, которые осмелились зайти слишком далеко. Батарейками с огромным потенциалом.

Когда все без исключения соки покинули тело Дженезис, оно

(точнее, то, что от неё осталось) уместилось бы в маленькой коробке.

Как и тело Харпер.

Я умерла, но моё сознание продолжало фиксировать всё происходящее. Вот двое энигма собрали наши останки и бросили их в утилизатор. Вот девушка со скучающим лицом подмела кабинет и загрузила собранную энергию в общий котёл. В последний миг мне даже показалось, что я вижу хозяев. Вижу изнутри их огромные глаза, размером с два футбольных поля.

Манёвр, манёвр, манёвр… Мир супероми оставался всё дальше и дальше, и жестокая реальность Нова Соуля принимала меня с распростёртыми объятиями.

– В таком состоянии меня нашёл Инактиватор. Конечно же, с ним был Абра Хо, – сказала РУТ-81. Пластическое лицо андроида не могло передать весь спектр эмоций, но Писатель знал, что она сейчас чувствует. Он и сам был на её месте и помнил, каково это, когда забирают твою жизнь.

– Я видела, как умирало моё тело, тело Лин. – Слова РУТ-81 звучали в темноте камеры тихо и вкрадчиво, словно капли воды, капающие на гладкий камень. – От истощения, жажды, полиорганной недостаточности. Когда годами сидишь на мощном препарате вроде флуоксетанга, а потом резко слезаешь, организм не успевает адаптироваться. Жизнь теплилась во мне только благодаря суперомi, а когда Харпер не стало, вместе с ней умерла моя воля к жизни.

ТиТ-5 молчал. Он боялся нарушить её рассказ неловким движением или неосторожно сказанным словом. Для него было так же важно дослушать, как и для неё – договорить.

– Потом был суд, – продолжала РУТ-81. – Абсолютно белое пространство, без потолка, стен и пола. Точка отсчёта. Когда я услышала, что до конца своих дней буду андроидом, что-то во мне сломалось. Я не молила о пощаде, не возражала. Я не произнесла ни слова. Даже здесь, в «Райской обители», я продолжала быть безмолвным роботом, тупо выполняющим свою работу. До тех пор, пока ко мне не приставили нового напарника.

РУТ-81 замолчала. ТиТ-5 заметил, как засветились радужки её глаз, и понял, что, вероятно, не улавливает чего-то очень важного.

– Кого? – спросил он.

– Тебя, Писатель. – РУТ-81 опустила глаза и наверняка покраснела бы, если бы могла.

Этот момент имел все шансы стать самым трогательным в жизни Яна и Лин, если бы не падальщики, пришедшие по их души. Точнее… стоп.

Это были серо-голубые создания в костюмах падальщиков. Несколько секунд ТиТ-5 не мог поверить своим глазам, но потом все детали мозаики сложились воедино. Эти прекрасные существа и были тварями из пустоши.

Всё те же конвоиры – двое высоких мужчин, одетые в чёрные лохматые шубы, – вывели заключенных на свет. Под меховыми капюшонами и толстыми линзами оказались красивые лица с большими раскосыми глазами, взирающими грозно, как у настоящих воинов.

– Простите, что заставила ждать. – Грациозной походкой к ним приблизилось существо женского пола. – Я Владычица Лем.

Лем была боса, одета в простое платье, и только массивные ожерелья из ярких камней свидетельствовали о её статусе. А ещё копьё в руках и автомат за спиной.

– В любой другой ситуации я казнила бы вас на месте, – сказала Лем, и РУТ-81 заметила, что она моргает второй парой век. – Но так уж вышло, что одного из вас я знаю. Вероятность этого всегда была крайне мала, и всё же…

ТиТ-5 взглянул ей в глаза и осознал, что Владычица говорит о нём. Непонятно, как и где, но он определённо видел этот взгляд, пристальный и немного безумный.

– Добро пожаловать в пустоши, Ян Монастырский. – Лем с улыбкой склонила голову набок. – Ты знаешь меня как Анжелику, сестру Виктории.

Часть третья. Твари из пустоши

Глава 13. Амбассадоры

Планета Алиот, 17 год новой эры

Я помню тот день, словно это было вчера. Мы сидели на камнях и нежились в лучах уходящего солнца. В руках у каждого был здоровенный кусок вяленой кразьбы, оставшейся после праздника. Да, накануне мы отмечали наше семнадцатилетие на Алиоте, и теперь еды должно было хватить ещё на неделю.

Холодный ветер подул с севера, и я закуталась в теплосберегающий плащ. Ну кто же знал, что ночи на этой планете такие морозные? Однако выбирать нам не приходилось. Уходя от преследователей, наш флот, состоящий из тринадцати кораблей, прыгнул в кротовую нору и оказался перед сложным выбором. Три планеты, вращающиеся вокруг двух солнц. Все потенциально пригодные для жизни, равно как и губительные для нас, народа джати. Ресурсов хватило бы лишь на одну, но наша адмирал не прогадала. Алиот оказался суровым, но, безусловно, прекрасным новым миром. Но самое главное, здесь, вдали от угнетателей и вечной борьбы за место под солнцем, мы жили как свободный народ. Одно это превращало каждый день в нескончаемый праздник.

Мы были живы, и мы были в безопасности.

– Шаула! – Я позвала свою сестру, которая играла на раскопках. – Пора домой!

Солнце Тито почти село, и температура неумолимо падала. Исследуя предыдущую цивилизацию, мы пришли к выводу, что раньше таких перепадов температур на Алиоте не наблюдалось. Люди жили на поверхности, в домах из стали и кирпича, купались в морях и наслаждались зеленью. Сейчас вокруг, куда ни глянь, была выжженная под солнцами пустыня, ночью покрывающаяся ледяной коркой.

– Сейчас, сейчас! – Шаула помахала мне рукой и принялась тащить из-под земли какую-то железяку-закорючку.

Но цивилизация погибла задолго до климатического сбоя. Владыка говорил, что эти люди сами себя закопали, утонули в мусоре.

– Смотри, Наяда! – Шаула бежала навстречу, вместе со своим приятелем таща обломок доисторического летательного

аппарата. – Эта штука из прошлой эры!

– Да, да, – закивала я, обеспокоенно вглядываясь за горизонт. – Только домой её нельзя. Завтра поиграете.

Лица Шаулы и Маги тотчас же сникли.

– Ну сестрааа…

– Быстро домой, – неожиданно для самой себя рявкнула я. Обычно я не позволяю себе так общаться с младшей, но сегодня… В тот вечер странное чувство тревоги поселилось в моей душе, и с каждым заходящим лучом солнца оно становилось сильнее.

– Наверное, у неё месячные, – вполголоса сказала Шаула своему дружку. Я хотела было разозлиться, но в этот момент моя рация зашипела.

– Подойди в рубку, когда вернёшься. – Это был Аксель, и его тон мне не понравился.

Мы задраили люки, когда поступь инея уже скользила по песчаным барханам. Шаула продолжала дуться, Маги – молчать, а я – вести их вниз, сквозь города, заваленные мусором. Каждый раз, когда стеклянный лифт вёз нас на самое дно планеты, я смотрела по сторонам и не понимала, как можно было довести планету до такого состояния. Столько машин, загрязняющих окружающую среду, столько непонятной, бессмысленной электроники, которой были напичканы дома этих людей. После того как наши корабли совершили посадку на Алиоте, мы были вынуждены отказаться от многих благ цивилизации. Снова вернуться к сельскому хозяйству. Жизнь отбросила нас назад к истокам, но, я никогда не жалела об этом. Излишества губят душу, тогда как суровые условия, в которых приходится выживать, только сплачивают.

– Добрый вечер, Наяда, – поприветствовала меня наша соседка Гемма. Она была отличным фермером, но открыла в себе эту способность только на Алиоте. – Всё в порядке?

– Почему ты спрашиваешь? – Я напряглась.

Гемма украдкой взглянула на детей. Ясно, она не хотела говорить в их присутствии.

– Маги, не хочешь поужинать у нас? – спросила я, подталкивая обоих к дверям. От вопроса Геммы тревога в моей душе достигла пика.

– Амбассадоры только что вернулись, все до одного, – сказала фермерша, когда мы остались одни.

– Как? В одно и то же время? – уточнила я.

– Да.

Возвращение амбассадоров означало только одно: сработала система безопасности. «НОМАД» был запрограммирован выкинуть сознание обратно в тело, если ему, телу, угрожала

непосредственная опасность. Или же целой планете.

Вспомнив о сообщении Акселя, я метнулась в радиорубку. Гемма, ясно дело, отправилась вслед за мной.

Как я и ожидала, внутри маленькой пещеры собрались все капитаны. Владыка тоже был тут.

– Что происходит?

Но на меня только шикнули. Подойдя ближе, я увидела то ужасное, чего мы боялись все эти семнадцать лет. На радаре появился корабль варнов. Корабль, заходящий на орбиту Алиота.

Так вот почему «НОМАД» вернул всех амбассадоров: джати снова были в смертельной опасности.

– Сигнал повторяется по кругу, – заключил капитан Альдерамин, закончив записывать. – Пока это всё, что они готовы нам сообщить.

– Переведи, – потребовал Владыка.

– «Требуем монополию на "НОМАД"» – вот их условия, – сказал Альдерамин.

– Чёртовы ублюдки! – Я не смогла сдержать гнев.

– Капитан Наяда, – капитан Мекаб обратился ко мне. – Мы все сейчас во власти чувств.

Я заскрипела зубами.

– Главное сейчас не допустить паники, – как всегда спокойно сказал Владыка.

Мекаб нахмурился:

– Будем скрывать от людей?

– Нет. – Владыка покачал головой, и ожерелье на его груди звякнуло. – Завтра утром я расскажу им всё. В том числе и о начале экстренной мобилизации.

В этот момент Гемма, которая была здесь и всё слышала, охнула и осела на пол. Экстренная мобилизация не означала войну. За сто с лишним лет войны с варнами джати не удалось выиграть ни одного сражения. Мобилизация означала, что сотни мужчин и женщин отправятся на верную смерть, пока амбассадоры будут искать помощи в других мирах. К сожалению, иного выбора не было.

– Как она оказалась здесь?! – недовольно спросил Мекаб, глядя на Гемму. – Впрочем, неважно. До завтрашнего утра ей придётся держать язык за зубами.

– Я никому не скажу, клянусь. – Гемма умоляюще сложила руки. Я кивнула ей и сделала знак сидеть тихо. Сейчас и без того хватало проблем.

Мы вышли на поверхность с первыми лучами солнца. Тринадцать капитанов стояли и смотрели, как сквозь утреннюю дымку вырисовываются очертания огромного корабля, зависшего

над планетой. Он занимал треть небосвода, и не заметить его мог разве что слепой.

Мы не спали всю ночь. Приёмники записывали только один сигнал: «Требуем монополию на "НОМАД"». Никаких угроз, пока. Но мы знали, что варны так просто не уйдут, раз уж нырнули за нами в кротовую нору. Конечно, мы могли бы собрать все устройства и принести им на блюдечке, но тогда параллельные миры оказались бы закрыты для джати навсегда. А это всё равно, что лишить нас наследия предков, ведь именно мы, джати, когда-то создали технологию астрального движения.

Тринадцать капитанов молчали, глядя, как скукоживаются на солнце наши тени. Всё, что можно было обсудить, мы обсудили этой ночью. Я покосилась на носатый профиль Акселя, и в голове возник наш разговор, состоявшийся пару часов назад.

– Я хочу, чтобы ты осталась в деревне. – Аксель говорил отстранённо, но я видела, как танцуют огоньки в его янтарно-жёлтых глазах.

– Ты не имеешь права просить меня об этом, – холодно произнесла я, избегая прикосновений, пусть даже случайных. – Я воин, так же, как и ты.

– Наяда, пожалуйста! – Гордость не позволяла Акселю упасть на колени, и лишь его взгляд был умоляющим.

Я знала, что им движет. Завтра Владыка пошлёт нас на верную смерть, и он не хочет видеть, как я умру у него на глазах. Бедный Аксель! Стоит мне сказать ему «нет», и это разобьёт его сердце.

– Ладно. Я останусь, – сказала я со вздохом. – Но не ради тебя.

– Конечно, нет. – Аксель отстранился и взял в руки оружие. В этот момент я поняла, что наши отдельно взятые жизни не значительнее песчинок, кружащихся в раскалённом от жара воздухе. Имеет значение только одно: выживание нашего народа. И не важно, сколько сердец будет разбито.

Зосма, самый юный из капитанов, зарядил лук и выпустил стрелу по направлению к варнийскому кораблю. Разумеется, это не причинило бы ему никаких повреждений, даже если бы стрела каким-то невероятным образом долетела. Но жест Зосмы отражал положение наших дел в целом – развязать войну, чтобы отвлечь внимание. Через пару часов проснутся люди, начнут выходить на поверхность и увидят корабль, зависший в небе. Но к тому времени они будут подготовлены и не побегут в панике давить своих собратьев. После завтрака Владыка Акрукс соберёт на деревенской площади всех: детей, взрослых, мужчин, женщин и стариков и произнесёт речь. Расскажет о положении дел и

призовёт взять оружие всех, кто умеет его держать. Всех, кроме амбассадоров.

Взглянув на статную фигуру Акрукса, стоящую поодаль, я вспомнила, что он сказал мне сегодня ночью.

– Я знаю, что ты воин, Наяда, – произнёс он. – Но в свете последних событий ты будешь нужна мне как амбассадор.

– Да, папа, – кивнула я, помня об уговоре с Акселем.

– Найди столько кочевников, сколько сможешь. – Владыка снял с себя ожерелье и крепко сжал в кулаке. – Пусть могущество «НОМАДа» заворожит их, опьянит. Пусть они путешествуют по мирам, пусть нарушают инструкции, но раскачают чашу равновесия так, чтобы от варнов не осталось и следа.

Отец, как всегда, говорил с воодушевлением. Но это не могло растопить лёд сомнения в моей душе.

– Пап, – начала я, сглатывая ком в горле. – А если это не поможет?

– Ты знаешь, что является движущей силой в этом мире, Наяда? – спросил Владыка Акрукс.

– Стабильность? – предположила я.

– Хаос, – ответил отец. – Благодаря хаосу зарождается жизнь на планетах. Ты появилась на свет именно такой, потому что мои гены и гены твоей матери сложились спонтанным образом. Соединись они по-другому, и ты была бы похожа на капитана Джуббу.

Я посмотрела на зубастого толстолицего Джуббу и рассмеялась.

– Мутация – движущая сила эволюции, а хаос – то, что не даёт вселенной погибнуть. Варны считают, что Инактиваторы должны следить за порядком и поддерживать баланс, убирая с пути тех, кто вносит смуту. Я же считаю, что мультивселенная может существовать только в условиях запрограммированного хаоса.

Владыка Акрукс взял моё лицо в свои большие серые ладони и произнёс:

– Доченька, я верю, что ты найдёшь тех самых кочевников, которые повлияют на прошлое и будущее джати.

Сказав это, он повесил ожерелье Владыки мне на шею.

– Ну а я поведу нашу армию навстречу варнам. С твоего позволения, Владычица Наяда.

Отец думал, что воодушевляет меня. На самом деле его слова и его поступок возложили на мои плечи груз ответственности. И я не могла подвести его.

⁂

Амбассадоры заняли свои места. Пятеро из них уже спали в колыбелях из глины, веток и шерсти. Совсем как птенцы. Пять «НОМАДов» парили над ними, сопровождая сознания в далекое путешествие. Я устроилась в своей колыбели и приготовилась к подключению. Ожерелье Владыки до поры до времени лежало в поясной сумке – я обязательно передам народу слова и волю Акрукса, как только мы снова окажемся в безопасности.

Рядом со мной последние приготовления заканчивал капитан Мекаб.

– Куда ты отправишься? – спросила я у товарища.

– В мир Z-318l, – отозвался Мекаб. – Технократия на фоне упадка личности и исчезновения социальных связей – адская смесь. И всё же чутьё подсказывает, что я найду там пару-тройку мятежников.

Мятежники. Именно на них охотились мы, амбассадоры. Люди, мыслящие без границ и рамок. Кочевники, способные отправиться в другие миры… и наделать ошибок.

Нарушить равновесие.

– А ты? – в свою очередь, спросил капитан. Неспящими остались только мы двое, и, по правде сказать, не было никакой гарантии, что мы проснёмся. Если армия джати под предводительством моего отца не сможет сдержать натиск варнов, нас убьют во сне.

– Есть один мир, далёкий и странный. X-890y. Там живут примитивные существа, называющие себя «человек разумный», это забавно. – Я грустно улыбнулась. Про эту реальность мне рассказал Аксель, когда мы только начинали встречаться. – Типичный мир существ, уверенных, что они – вершина эволюции. И всё же… что-то в них есть.

– Надежда. – Мекаб устроился на дно своей колыбели и запустил «НОМАД» над своей головой. Через минуту его сознание покинуло раздираемый враждой Алиот. Я осталась последним неспящим амбассадором на этой планете.

– Нет, не надежда. – Я покачала головой, словно возражая самой себе. – Способность верить в чудеса.

Джати неслись на врага с воинственным кличем. Их ноги взметали вверх столпы красной пыли, разрисованные лица выглядели устрашающе, луки и стрелы были наготове, равно как и автоматы, которых, к сожалению, было не так уж и много. Сложно было устоять, не дрогнув, перед лицом этой атаки, но только не варнам.

Эти воинственные лягушки в броне и экзоскелетах стояли, словно истуканы. Они прекрасно знали, что атака джати – вопль отчаяния, отвлекающий маневр, рассчитанный на то, чтобы их

собратья смогли сберечь технологию астрального движения, известную как «НОМАД». При желании варны могли уничтожить армию Акрукса одним лишь выстрелом из нейтронной бомбы, но они медлили. Медлили, потому что генерал Ларс приказал подпустить джати поближе.

– Аксель, – произнёс Акрукс по рации. – Они что-то замышляют.

– Согласен с тобой, Владыка, – отозвался тот с дальнего фланга. – Работаем по схеме «Пыльная буря».

Спустя пару секунд из песка, точнее, из подземной сети туннелей, восстало ещё пять десятков джати. Обойдя варнийскую армию с флангов, они принялись замыкать её в кольцо. Но и это не смогло пошатнуть уверенность Ларса.

– Огонь на поражение! – с ленцой произнёс он из своего защищённого со всех сторон мобильного штаба.

Джати падали словно подкошенные, но ни один варнийский солдат не шелохнулся, чтобы прикончить их. Напротив, они расступались, позволяя раненым джати влетать в свой тыл.

– Что они делают?! – в изумлении произнёс Аксель. Его летающий дрон показывал картину с высоты птичьего полёта, и капитан мог видеть расстановку сил противника. И то, что с его людьми творится что-то неладное.

Попав в тыл к варнам, джати словно теряли волю к жизни. Они падали на колени и, забыв про свои раны, ползли по песку на четвереньках. Джати. Этот гордый народ, который было не сломить даже самыми страшными пытками.

Несколько секунд потребовалось Акселю, чтобы всё осознать.

– Отступаем! Назад, все назад! – передавал он оставшимся в живых солдатам. – В туннели, живо!

– Какого чёрта, Аксель?! – заорал Акрукс. – Мы почти прорвали их оборону!

– Нет, Владыка, это ошибка! – Аксель знал, что времени объяснять сейчас попросту нет. – Взгляни, они словно в бреду! Варны заманили нас в ловушку!

В этот момент один из лучников джати вывел из строя экзоскелет варнийского офицера. Грузный робот пошатнулся, а в следующую минуту рухнул на землю, насмерть придавив своего пилота-варна. Джати ознаменовали эту маленькую победу ликованием, но их радость была недолгой. Под весом экзоскелета земля просела на многие метры вниз, туда, где простирался мёртвый город древней цивилизации. Воронка продолжала расти, поглощая всех: варнов, джати, песок, оружие – всё, что было поблизости.

Аксель понял, что ему не выбраться. Солнце и небо над его

головой пожирал зыбучий песок, а он сам уходил всё глубже и глубже, вращаясь в этом чудовищном водовороте боевой техники и всё ещё живых тел.

Его разбудил чей-то кашель. Это был Акрукс. Он лежал на каменной плите, а его ноги были раздавлены другой такой же плитой.

– Владыка! – Аксель попытался подняться, но тело больше не подчинялось ему.

– Я больше не Владыка, капитан. – Акрукс закашлялся, и из его рта полилась тёмная кровь. – Я передал полномочия Наяде. Теперь она за меня. Ведёт амбассадоров за собой… прямо сейчас.

Аксель вспомнил о Наяде, и его сердце забилось сильнее. В ночь перед битвой он приходил к ней попрощаться. Разумеется, он знал, что они погибнут в этой битве. Но только не так.

– Прими тританиум, Аксель, – сказал Акрукс. – Они близко.

Тританиум был сильнодействующим ядом, предназначавшимся для тех, кого взяли в плен.

– Нет. – Аксель оскалился и покачал головой. – Я продам свою жизнь подороже.

– Капитан, ты сам всё видел. – С каждой минутой говорить бывшему Владыке становилось всё труднее – кровь заполняла лёгкие. – Варны придумали, как порабощать наш мозг.

Всё было именно так. Аксель понимал, что не имеет права позволить варнам заполучить информацию, хранящуюся в его сознании. Но, к несчастью, он не мог пошевелиться. Скосив глаза, он увидел, что его тело лежит в неестественном состоянии. Какая жестокая ирония судьбы: вместо того, чтобы погибнуть, упав с высоты, он оказался парализованным, не способным дотянуться до яда, лежащего во внутреннем кармане его куртки.

В темноте пещеры послышалось тяжёлое дыхание: это были гуны. Низшая каста варнийского мира. Они пришли, чтобы найти выживших и передать в руки своих хозяев.

Может, получится прикинуться мёртвыми?

Акрукс закашлялся, и план Акселя рухнул.

– Проваливайте, вонючие мерзкие твари! – выкрикнул бывший Владыка, и из его рта вылетел целый фонтан крови. Гуны попробовали вытащить Акрукса из-под завала, но плита оказалась слишком тяжёлой. Посовещавшись ещё минуту на своём языке, они, к величайшему ужасу Акселя, открутили несчастному голову.

«Я следующий, – подумал он, ощущая, как липкий страх заполняет его целиком. – Нельзя, нельзя бояться как последняя крыса!»

Гуны склонились над Акселем. В их маленьких красных

глазах читалось лишь одно: «Надо. Выполнить. Приказ». Гунам не заговорить зубы, их бессмысленно просить о пощаде. Аксель понимал, что сейчас он умрёт и смерть его уж точно будет страшнее, чем от тританиума.

Цепкие лапы вцепились в голову Акселя и принялись тянуть.

«Наяда…» – капитан попытался воскресить в голове образ своей любимой.

Хрусть-хрусть.

«Нет, я не буду кричать, не буду!» Аксель сжал зубы, отдаваясь во власть ослепительной боли.

Через несколько секунд всё было кончено. Продолжая тяжело пыхтеть, гуны удалились, неся добычу в больших мешках.

Я открыла глаза. В который раз. За сутки я побывала в десятках миров, и теперь не могла с точностью сказать, где моё настоящее тело. Это было одним из побочных эффектов «НОМАДа»: стирание границ личности.

В пещере никого не было. Амбассадоры вернулись, и мне предстояло много работы. Лечить раненых, воодушевлять людей, встречать уцелевших. Я вспомнила об Акселе и своём отце, и моё сердце заныло. Нет, стоп, сперва нужно выяснить, что стало с джати за последние сутки.

На главной площади царил беспорядок. Возле теплиц был разбит полевой госпиталь, где сновали туда-сюда замученные врачи. Огромным усилием воли я заставила себя пройти мимо него, прямиком в командный центр.

– Мы ещё живы? – спросила я у присутствующих. В радиорубке собрались капитаны и кое-кто из гражданских. Я заметила, что многие обернулись на мой голос – должно быть, ждали пробуждения.

– Да. – Джубба сидел за пультом слежения. – И варны тоже. Их корабль по-прежнему на орбите.

– Сколько вернулось? – Я сжала кулаки так, что ногти врезались в ладони.

Люди молчали. Капитаны отводили глаза. Гемма, которая тоже была здесь, не сдерживала слёз.

– Джубба, сколько? – повторила я с напором.

– Два десятка, – отозвался Джубба.

– Мой отец? – Лишь бы голос не дрогнул.

Капитан покачал головой.

– Взводы Владыки Акрукса, капитана Тибала и капитана Акселя не вернулись.

Джубба взглянул на меня так, словно просил прощения. Но он был не виноват, никто не виноват. Да, я потеряла отца, я потеряла Акселя, но в этой пещере не было никого, кто не

скорбел бы сейчас о своей потере. Мы знали, на что идём.

Несколько секунд я молчала, сжимая в кулаке ожерелье Владыки.

– Ничего, когда кочевники изменят реальность, наше прошлое тоже изменится, – сказала я, изо всех сил стараясь поверить в свои слова. Я выпрямилась в полный рост и придала своему голосу силу. – Велением моего отца я принимаю власть над народом джати на себя. Это была его последняя воля.

Единым жестом джати сложили ладони в молитве, и под их всеобщее молчание я надела ожерелье правителя на свою шею.

Кто бы мог подумать, что мой путь Владычицы начнётся с великой скорби.

Нужно было выяснить, что стало с пленёнными джати. Убили их варны или же… об этом не хотелось думать, но они могли стать кем угодно – от пожизненных заключенных под пытками до объектов изучения. Но проблема была в том, что у джати не имелось ресурсов, чтобы добраться до варнийского корабля. Оставалось только ждать, когда варны пошлют к ним гонца.

И ждать не пришлось слишком долго.

Когда это произошло, в радиорубке дежурил Зосма, самый молодой из капитанов. В госпитале сейчас не хватало помощников, а в деревне то и дело сбоили генераторы – их приходилось чинить. Миссию амбассадоров тоже никто не отменял: в пещере Забвения круглосуточно находился кто-то из капитанов. Подключённые к «НОМАДам», они продолжать скользить по мирам в поисках избранников. В этот день там была и я.

Да, Владычице полагалось быть с людьми, поднимать боевой дух и прочее, но только датчик на виске, посылающий в мозг тета-волны забвения, мог помочь мне на время забыть о своей потере.

Голос Зосмы вырвал меня из сладких грёз:

– Владычица Наяда, есть новости.

В центре наблюдения вновь царил переполох. Подойдя поближе и склонившись над экраном, я поняла, из-за чего весь этот шум. По пустыне шёл робот. Один-одинёшенек, без оружия. Его передвижения были сумбурными, словно навигатор робота вышел из строя.

– Что это за чёрт?! – сказала я, вглядываясь в изображение на экране. – Приблизить!

Это был андроид: длинные конечности, большие раскосые глаза – он явно был создан по образу и подобию джати. Вот только зачем? При виде этого существа из железных пластин и

трубок мне стало не по себе. Зачем варнам понадобилось создавать механический прототип джати? Чтобы запугать нас? Воздействовать на психику?

– Я никогда не видела таких андроидов, – призналась я, рассматривая картинку, которую посылали дроны.

– Никто не видел, Владычица Наяда, – сказал Зосма, не отрываясь от экрана. Он был первым, кто заметил робота, и, очевидно, невероятно гордился этим. – Он идёт по направлению к Черепашьим Хребтам.

За Хребтами находился вход в наш подземный мир. Замаскированный и спрятанный так надёжно, что его ни за что не найти непрошеному гостю. И всё же робот направлялся именно туда.

Я приняла решение за секунду.

– Я иду наверх.

Странное чувство своей причастности к этой одинокой фигуре в пустыне двигало мной. От волнения меня подташнивало, а руки тряслись так, что над застежкой камуфляжного костюма пришлось попотеть.

Я выбежала на поверхность, когда солнце Димитри уже катилось к горизонту. Это были самые прекрасные несколько минут перед закатом, когда всю пустыню заливал золотисто-алый свет. Раньше в это время мы любили сидеть на камнях и любоваться нашим прекрасным маленьким миром. Но эти времена прошли. С тех пор как варны появились на орбите Алиота, мы больше не были уверены, что завтра наступит.

Он шёл навстречу. Этот джати, созданный из железа и полимеров. Преодолев расстояние, разделяющее нас, я замерла метрах в десяти.

Андроид хрипло дышал, как человек, прошедший сотню километров по пустыне и умирающий от жажды. Его светодиодные глаза были расфокусированы, а конечности дрожали от напряжения. Я напряглась и выставила вперёд свое оружие: в эту секунду я могла поклясться, что передо мной стоял живой джати, вот только облачённый в механическую броню. И это мне очень не нравилось.

– Кто ты? – грозно спросила я, направив на путника копьё.

– Наяда…

Механически голос, синтетические голосовые связки… Но откуда, чёрт побери, он знает моё имя?

– Кто ты?! – рявкнула я. Ещё немного, и я бы поджарила это существо, кем бы оно ни было.

Мне было страшно. Пыльные бури и ледовитые ночи были реальностью. Корабль варнов на орбите – тоже. Но вот это

существо, что сейчас стояло передо мной, – было неведомой тварью, с которой не сталкивался ещё ни один джати.

– Это Ак… сель. – Голосовые связки андроида зашипели, словно это слово было для него под запретом. – Ак… ссель.

– Аксель? – Ещё немного, и я осела бы на землю.

– Варны запрограм… ммировали нас. – Лицо робота скривилось, словно внутри него боролись две личности. – Я ннне… смогу… долго… сопротивляться.

Он сделал ещё несколько шагов навстречу и упал на колени. Прямо к моим ногам.

Как бы я ни старалась, я не могла узнать в этом существе Акселя. Того самого Акселя, которого я любила до безумия. Который приходил ко мне ночью накануне битвы, и с которым мы отдались друг другу в последний раз, вопреки всему. Но я верила этому существу, и я знала, как должна поступить.

– Я не стану их р… рабом, – произнёс робот.

– Не станешь. – Сглатывая слёзы, я приставила к его голове своё копьё. Всего один мощный разряд, и он перестанет существовать.

«Ты действительно хочешь потерять его во второй раз?» – предательски шепнул тихий голос внутри меня.

– Я уже потеряла, – ответила я, уничтожая существо, стоящее передо мной на коленях.

Через несколько секунд на место случившегося подоспел Мекаб и другие.

– Изучите тело. Мозг, – велела я. – Варны нашли применение своим заложникам. И они об этом сильно пожалеют.

– В тот день моя бабушка поклялась уничтожить варнов. – Владычица Лем подвела итог своего рассказа. – Но ей не удалось этого сделать. Через несколько недель она узнала, что беременна. Родилась моя мама, Владычица Протея, которая точно так же положила всю жизнь на борьбу с варнами.

– Мы ушли далеко вглубь планеты, мы стали невидимками, исчезающими прежде, чем нас обнаружат. Поэтому вы знаете о нас так мало. – Лем оглядела РУТ-81 и ТиТ-5. – И всё же вы должны знать, что мы с вами имеем одно происхождение.

– Вы – это мы, – прошептала РУТ-81. Её глаза горели таинственным светом. – Джати.

История, рассказанная Владычицей, тронула сердца каждого из присутствующих, и всё же любопытство одного из андроидов не было удовлетворено.

– Вы не рассказали самого главного, – произнёс ТиТ-5. – Как же сложилось так, что мы с вами знакомы?

– Я расскажу, – кивнула Лем. – Но вначале позволь мне

представить ещё одно действующее лицо этой истории. Чарктон.

Последнее слово она произнесла в темноту камеры, от которой тут же отделилась мужская фигура. ТиТ-5 и РУТ-81 вздрогнули от неожиданности: сложно было поверить, что всё это время в камере с ними был ещё один человек. Он поднялся, легко и грациозно, словно и не сидел всё это время, согнувшись в три погибели, и вышел на свет.

ТиТ-5 посмотрел в лицо этого джати и поймал себя на мысли, что ему знаком этот взгляд. Да, он определённо видел его когда-то и где-то, при совершенно иных обстоятельствах, и всё же… Кем же был этот Чарктон?

Глава 14. Кочевники

Земля-1, Вологдинск, Ростовия. 2015 год

Их каблуки звонко стучали по асфальту. Тротуары были ещё мокрыми после первого весеннего дождя, но тёплые солнечные лучи, скользившие по лицам неслучайных прохожих, имели все шансы хорошенько согреть сегодня этот маленький провинциальный город.

– Здесь одно солнце, – сказал Чарктон.

– Как и в большинстве миров, населённых гуманоидами, – заметила Лем.

Молодой человек был среднего роста, имел модную бородку и волосы, собранные на затылке в небольшой хвостик. Девушка же была высокой и голубоглазой; обычно она аккуратно укладывала длинные каштановые волосы, но сегодня утром ветер играл в её прядях, живописно раскидывая их по широким плечам. Дело в том, что в теле Анжелики была воительница из параллельного мира, которая не слишком заботилась о внешнем виде.

– Он всегда завтракает в это время, – сказал Чарктон, глядя на часы.

– Вот и познакомишь, – отозвалась Лем. В отличие от Чарктона, она открыла для себя этот мир совсем недавно и ещё не успела привыкнуть к своему воплощению. Слишком примитивные органы чувств, неповоротливая шея, короткие конечности… Лем то и дело принималась устало вздыхать: несовершенное тело человека угнетало её, но, если верить Чарктону, эта реальность стоила всех мучений.

– Он идёт, – коротко бросил молодой человек. Уже несколько месяцев Чарктон следил за избранником и знал о нём почти всё.

Потенциального кочевника Лем узнала без труда. Блуждающий взгляд на симпатичном лице, лёгкая небрежность в облике, простая одежда и воодушевлённая поступь – типичные мечтатели во всех мирах одинаковые.

– Как зовут? – спросила девушка.

– Ян Монастырский, писатель, – ответил Чарктон, направляясь вслед за ним в заведение под названием «МакСомнальдс».

– А что значит «писатель»? – спросила Лем, когда двое джати расположились за столиком.

– Я так понял, это кто-то вроде шута. Развлекает народ своими историями, – ответил Чарктон, не сводя глаз с Яна. Тот только что закончил изучать меню и теперь строил домики из салфеток и зубочисток.

– Он всегда заказывает одно и то же, – продолжал Чарктон. Двое сидели в нескольких столиках от Яна, по диагонали. – Поджаренную плоть животного, засунутую между двух кусков хлеба. Это совсем не питательно для человека его пола и возраста.

– Недоедает? Зачем? – удивилась Лем.

– Наверное, на мели. – Чарктон тоже углубился в меню.

– Что это значит?

– Мало ресурсов. Денег, – объяснил Чарктон. Работая в новом мире, Чарктон максимально быстро перенимал сленг, традиции и привычки местных жителей. Эту особенность Лем высоко ценила в нём: не один Инактиватор не смог бы вычислить амбассадора или поймать на странном поведении. Сама же Лем была слишком прямолинейна и частенько забывала о своём внешнем виде.

– Это хорошо, что он на мели, – наконец сказала она. – Когда кочевник голоден, он начинает искать любые возможности заработать. Идёт на риск, играет по-крупному. Это нам на руку.

Лем потянула носом и уловила запахи, идущие с кухни.

– Какая мерзость, – прокомментировала она.

– Кстати, должен тебя обрадовать, – сказал Чарктон. – Люди едят гораздо чаще, чем мы.

– Насколько часто? Каждый день? – ужаснулась Лем.

– Три раза в день, как минимум.

– Ничего страшного, потерплю. – Лем всё ещё морщилась от запаха чего-то сгоревшего и синтетического.

– Ну уж нет, напарница. – Чарктон собирался сделать заказ. – В твои обязанности входит беречь тело этой девушки. И вовремя кормить.

Это был неписаный закон джати. Бережно относиться ко всем своим воплощениям. Не создавать неприятностей, не вступать в ненужные споры, не транспортировать тело далеко от дома. Все амбассадоры знали, что межпространственные путешествия – это бумеранг. Сегодня ты пользуешься чьим-то телом, завтра кто-то, более или менее разумный – твоим.

Именно этот закон нужно было нарушить для того, чтобы качнуть чашу вселенского равновесия. Но сделать это должны были не джати, ибо они – законодатели и блюстители закона, не Инактиваторы – мрачные судьи и безжалостные каратели. А вот

такие вот простачки вроде Яна Монастырского.

Лем понимала, что «НОМАД» разрушит его примитивную жизнь, можно было даже сказать, что они с Чарктоном собирались подсунуть ему что-то вроде легальных наркотиков со словами: «Прости, приятель, это погубит тебя, но ты получишь удовольствие».

– Лем? С тобой всё в порядке? – Аккуратная бородка воплощения Чарктона вторглась в поле зрения воительницы.

– А?

– Ты зависла. – Чарктон поставил перед ней пластиковый стакан и тарелку с картошкой.

– Просто задумалась, – отмахнулась Лем. – Лучше расскажи, как твои успехи.

В их команде Чарктон отвечал за техчасть. В короткие сроки ему нужно было сколотить команду молодых учёных, непризнанных гениев и просто башковитых ребят, готовых работать за идею и сконструировать «НОМАД» из подручных материалов. И всё это – не превышая лимитов в теле воплощения. Почти невыполнимо? Возможно. Но задача Лем была ещё сложнее: втереться в доверие к Монастырскому и проследить, чтобы он пользовался «НОМАДом» как можно чаще. Нарушая запреты любыми способами.

При мысли о том, что ей придётся заигрывать с существом другого вида, пусть даже симпатичным по местным меркам, воительницу передёргивало от отвращения.

Чарктон вздохнул – по-видимому, дела с «НОМАДом» были не очень.

– В этой реальности не существует таурания, – сказал молодой человек. – Попробую заменить на серебро, хоть и выйдет дороже.

Лем нахмурилась. «НОМАД» не собрать без нужных химических соединений, и тогда, каким бы перспективным ни был мир, для амбассадоров он будет бесполезным. Тауранневая фольга отвечала за нейроингибирование – подавление второй личности на время взлома. Без неё об использовании технологии не могло быть и речи – слишком рискованно и чревато раздвоением личности.

– Ты уж постарайся, Чар… Артём, – попросила Лем. – Это последний подходящий нам мир.

Всё было именно так. За почти триста лет варнийской интервенции джати посетили огромное количество разумных миров, но ни один кочевник не смог изменить ход истории. Владычица Лем продолжала посылать гонцов, но уже без особой веры, просто потому что так делали её мать и бабушка.

– Сделаю всё, что в моих силах, Владычица, – ответил Чарктон.

– Мне больше по душе, когда ты называешь меня «напарница», – игриво улыбнулась Лем.

– Так, всё понятно. – Чарктон поставил свой стакан на стол. – Решила на мне потренироваться?

Лукавая улыбка тотчас же сошла с лица девушки.

– Что, всё так плохо? – Лем занервничала и по привычке начала ковырять в зубах ножом. – Я вообще привлекательна по местным меркам?

– Да, когда не делаешь так. – Чарктон осторожно вынул из её рук нож. – Будь мягче. Не напирай. Местные мужчины любят завоевывать.

Лем с сомнением покосилась на Яна, мечтательно пережёвывающего бургер. Он не выглядел субтильным, но и на воина уж точно не походил. На родной планете джати такие существа, как он, обычно становились кормом высших каст вроде варнов. Но в этом мире – об этом ей рассказал Чарктон – разум был важнее, чем сила. А значит, и побеждать тоже надо было силой своего разума.

– Расскажи мне о нём, – попросила Лем.

Чарктон на пару минут задумался.

– В нём нет ничего примечательного. Вот вообще. Каждое вечер он покупает две сосиски, чтобы скормить их собаке, живущей в его дворе. С двух дня до девяти вечера пытается работать, но часто выходит на балкон покурить, а то и вовсе заваливается спать, уронив голову на клавиатуру – я купил бинокль и могу наблюдать за его окнами, – пояснил Чарктон. – Но дело не в этом.

– А в чём? – спросила Лем.

– Если верить теории о том, что все наши воплощения связаны, этот парень не так прост, как кажется. У него выдающиеся инкарнации. – Чарктон бросил на Монастырского взгляд, полный надежды.

Лем подалась вперёд, ожидая продолжения рассказа.

– Великий сыщик в одном из миров оранжевого коридора, пират с Пояса Минотавра, помнишь, тот самый, который доставил брату Джуббы кучу хлопот?

– Да ты что?! – удивилась Лем. – Его инкарнацией был сам пират Хаас-Мун?!

– Да, представь себе, – улыбнулся Чарктон. – Пилотировать звёздный крейсер – это тебе не книжонки писать.

Но Лем уже смотрела на Монастырского другими глазами. Она верила в то, что душа, даже расщеплённая на бесконечное

количество частиц, остаётся целостной. В ней закодирована определённая миссия, которую должны реализовать все воплощения. Зачем? Вероятно, в этом и кроется ответ на извечный вопрос, в чём же состоит смысл жизни.

Ян Монастырский никогда не узнает о преступлениях, которые он раскрывал, или о том, как сражался с Космической лигой на астероидном поясе. Но его бунтарская природа, его стремление к свободе всегда останутся частью его личности, где бы и кем бы он ни был.

В этот момент «великий сыщик и пират» по неосторожности смахнул со стола пепельницу, и она со звоном разбилась об пол.

– Простите, пожалуйста, – с виноватой улыбкой сказал Ян официантке. – Сколько я должен вам за ущерб?

Та назвала цену, и Монастырский побледнел.

– Пятьсот рублей?! Это ж целых три сэндвича!

Писатель выглядел жалко. В последнее время ему и так приходилось сильно экономить, а тут ещё и эта чёртова пепельница!

– Конечно, я заплачу. – Ян достал из кармана бумажник. – Ничего не случится, если я немного похудею.

– Может, поможем парню? – шепнула Лем.

– Нет, мы не должны вмешиваться, – в тон ей отозвался Чарктон. – Ещё не время.

Заплатив за разбитую пепельницу, Ян Монастырский вышел из «МакСомнальдса» и грустно побрёл через парк в сторону дома.

– Ничего, приятель, скоро у тебя начнётся совсем иная жизнь, – сказал Чарктон, провожая взглядом сгорбленную фигурку писателя.

⁂

Попрощавшись с Чарктоном, Лем поспешила домой. Нужно было вернуть тело на место. Каждый раз, попадая в новое тело, воительница молилась, чтобы не возникло проблем. Чтобы её сознание вернулось в тело Владычицы джати, а взятая на время личность благополучно забыла о потерянных часах своей жизни. Это было опасно для психики обоих, но игра стоила свеч.

Лем знала, что иногда, очень редко, происходит сбой. Ингибированная личность оказывается сильнее и стремится вернуться в своё тело. Владычица слышала немало историй с печальным финалом, но никогда не думала, что подобное случится и с ней.

Но то, что произошло, было ещё хуже.

«Кто здесь? Что со мной!?» – встревоженный голос Анжелики раздался в голове Лем.

– Тише, тише, успокойся. Твоё тело в полном порядке. Я взяла его на время и скоро верну. – Лем старалась, чтобы её голос звучал спокойно, как её и учили.

«Кто ты?! Кто ты?! КТО ТЫ?»

Эта Анжелика была сильной, очень сильной. Её сознание уложило Лем на метафизические лопатки и теперь делало болевой на локоть. А если проще – Анжелика почти выталкивала сознание Лем из своей головы. Но Владычица уже зарубила на носу, что в этом мире правят разум и сухие доводы.

– Я – твоё воплощение из другой реальности, и сейчас мне нужно сделать очень важную для всего человечества работу, – спокойно произнесла Лем. – Давай договоримся: ты дашь мне ещё десять минут, и потом я…

«ПРОЧЬ! Выметайся!!!» Анжелика была непреклонна.

Нужно было возвращаться, пока ситуация не стала опасной. Если Анжелика проснётся в мире джати, её сознание не выдержит всего потока информации. Органы чувств человека не способны осмыслить даже пяти процентов того, что каждый день видят, слышат и осязают джати. Если Анжелика проснётся на Алиоте, это будет сравнимо с попаданием двухмерного человека в четырехмерное пространство. Окончательный и бесповоротный кирдык.

– Ладно. Твоя взяла. – Надо было хотя бы попытаться закончить разговор по-хорошему. – Я ухожу…

В этот момент произошёл коллапс. Сознание Лем вышло из тела, но вместо того, чтобы вернуться на родной Алиот, в пещеру Забвения, раздвоилось… нет, размножилось на несколько составляющих. В одно мгновение Лем осознала себя в сотнях воплощений, и, честно говоря, это был самый ужасный опыт в её жизни.

Китайская императрица, больная собака, предназначенная на убой, мать, только что потерявшая своего ребёнка, одноклеточный паразит, умирающий под воздействием антибиотика, священная корова на алтаре, камень, падающий в бесконечность. Первый колонизатор Марса, эмоциональ из мира тоналей, субстанция, состоящая из межгалактической пыли… За одно мгновение Лем прожила сотню жизней, от простейших до высокоорганизованных. За одну секунду она впитала в себя всю боль поколений, всю радость, ужас, страдание и эйфорию.

Это почти свело её с ума. Очнувшись на Алиоте, она долго не могла прийти в себя. Но с Анжеликой было ещё хуже. Сознание девушки прошло то же самое расщепление, но, в отличие от Лем,

не справилось с полученной информацией.

– Как она?

– Состояние вашей сестры стабильно, – сухо ответила врач. – Отправляйтесь домой и отдыхайте.

Сестра Анжелики, Виктория, расплакалась от облегчения.

– Нет, я останусь здесь, пока её не выпишут.

Врач холодно усмехнулась:

– Вам придётся ждать очень долго. После реанимации её переведут в отделение психиатрии.

– Что?! – ужаснулась Вика.

– А вы что думали?! Она пыталась покончить с собой, как я могу отпустить её домой после этого? – сердито сказала врач. – И, кстати, вам тоже не помешает консультация психотерапевта.

– Ещё чего! – вспыхнула Вика. – Отстаньте от меня!

Она выбежала на улицу, прямо под тёплый майский дождь. Тушь размазалась по ёе лицу, искусанные губы саднили. Как же она проглядела? У сестры и раньше случались депрессии, но чтобы попытаться покончить с собой… Анжелика никогда не сделала бы этого, разве что с ней произошло нечто действительно ужасное.

Вика вспомнила глаза сестры сразу после того, как она нашла её на полу в окружении полупустых пачек с таблетками. Вспомнила и содрогнулась. Это были не глаза Анжелики – кого угодно, только не её. Вика словно взглянула в два пустых колодца, в две необитаемые вселенные, состоящие только из звёздной пыли. Всё тепло и радость ушли из её глаз, осталась только пустота.

Вика вздохнула и закурила: сколько же времени понадобится, чтобы забыть этот взгляд?

В этот момент под покровом ночи и дождя, что делало его шаги совсем не слышными, к Виктории приблизился человек. Он знал о её ситуации и собирался воспользоваться её слабостью.

– Здравствуй, Вика. Моё имя Виталий Борисович, и я хочу помочь тебе, – сказал он. Именно так начинают разговор все Инактиваторы.

– Я не хочу ни с кем разговаривать. – Девушка отвернулась, чтобы незаметно стереть с лица размазанную тушь.

– Я знаю о том, что случилось с твоей сестрой. – Виталий Борисович осторожно протянул ей платок. – И я знаю тех, кто это сделал.

Вика взглянула в его глаза и нахмурилась. Она никогда не была злой, могла сердиться, могла делать назло, но сейчас, услышав о том, что *он знает,* холодное желание отомстить начало заполнять её душу, словно дым стеклянную колбу.

– Помоги мне в одном деле, Вика, и я помогу тебе воздать за сестру. – Слова Инактиватора ложились на раненую душу молодой девушки, словно бальзам.

Спустя десять минут они уже разговаривали в круглосуточном кафе, где Виталий Борисович угощал Викторию чаем с мёдом.

– Есть один человек, зовут Ян. – Инактиватор протянул девушке фотографию. – Тебе нужно подружиться с ним…

– Я поняла, – сказала Вика и резко отодвинула стакан. – И мой ответ: «нет». Я не буду заниматься этим ни за какие деньги.

– Может быть, ты вначале дослушаешь?! – Инактиватор огромным усилием воли сдержался, чтобы не ударить её. Грузное тело престарелого писателя тяготило его, как и сам факт пребывания в этой примитивной ограниченной реальности. – Всё, что от тебя потребуется, девочка, это познакомиться с Яном и проследить за тем, чтобы он не нарушал инструкций. Вот и всё.

Виктория прикусила губу.

– А сами вы не можете? – спросила она тоном обиженной старшеклассницы. Она ещё тешила себя мыслью, что может просто так взять и уйти.

– Могу и буду. Вот только у меня нет твоего обаяния. – Инактиватор выдавил из себя улыбку «доброго дядюшки». – Я сниму для тебя жильё и помогу с деньгами. Ты ни в чём не будешь нуждаться, Вика. Всё, что от тебя требуется, это сообщать мне обо всём, что делает Ян.

– Что же такого секретного он делает? – Вика больше не ёрничала. Сейчас ей стало действительно интересно.

– Пока ничего. Но примерно через месяц-два он начнет увлекаться… ммм… межпространственными путешествиями. Вот тогда-то нам и понадобится всё твоё обаяние, чтобы следить за ним.

Инактиватор предотвратил очередную попытку Вики уйти. Он знал, что невозможно просто так взять и на словах объяснить, что такое «НОМАД». Но на то он и был Инактиватором. Одного его прикосновения к тонкому запястью Вики хватило, чтобы она смогла увидеть своё воплощение из другого мира. Увидеть и поверить.

– Простодушные дурачки, – сказал Виталий Борисович, глядя на затуманенный взгляд своей спутницы. Он намеренно отправил её в самый лучший из миров. Нирвану, где все воплощения свободны и счастливы. Если бы он показал ей вселенную, где инкарнация Вики коротает свою жизнь взаперти, являясь сто двадцать третьей женой ненасытного властелина, она испугалась бы и убежала.

– Это было потрясающе, – сказала Вика, вернувшись. – Все миры такие, Виталий?

– Виталий Борисович, – поправил Инактиватор. Его лицо на секунду исказилось от гнева. – Многие, но не все. Есть и другие, жестокие…

– А можно ещё? – Разумеется, Вика просила добавки.

– Не сегодня. – Инактиватор убрал руки со стола. – Ну, так мы договорились?

Можно было не спрашивать. Девушка была на крючке и готова сделать для него всё, что угодно.

– Да, договорились, – промямлила Вика и с наслаждением потянулась. Полёт в Нирване заставил её забыть о том, что сестра угодила в психушку, и обо всех других горестях тоже.

– Вот и ладушки. – Инактиватор вымученно улыбнулся, считая минуты до конца пребывания в этой реальности. Он достал из кармана пачку денег и протянул их Вике. А заодно новый телефон.

– Возьми. И будь на связи. Круглосуточно.

⁂

Они встретились ровно через три месяца и один день.

Чарктону удалось собрать команду молодых и перспективных учёных, которую он иронично назвал «Сансарой». Он аккуратно скормил им идею модуля астрального движения, так что ни у кого не осталось сомнений, что «НОМАД» – плод их совместных усилий. Таураний прекрасно удалось заменить серебром, а благодаря щедрому спонсорству отца одного из ребят (кажется, Данилы), «НОМАД» стал не просто кустарным проектом, но обрёл вполне себе элегантную футуристическую оболочку.

Самым сложным оказалось заманить Монастырского на лекцию по «инновационным технологиям». К счастью, отец настоящего Артёма Лиственинова оказался малоизвестным, но всё-таки писателем, и Чарктон, не моргнув глазом, использовал его славу в качестве наживки.

Дальше – проще. Чарктон хорошо изучил психологию Яна Викторовича и знал, что тот купится на «НОМАД» только после того, как попробует его в деле. После того как Монастырский забрал устройство домой, Чарктон практически праздновал победу. На следующий день он ждал звонка, и даже хотел заломить цену, чтобы проставиться перед ребятами, но тревожные слухи заставили его передумать и срочно свернуть лавочку.

Инактиватор вышел на их след.

А Инактиваторы – те ещё ублюдки. Они родились в мирах красного коридора – жестоких и непостижимых. Принципиальные, с обострённым чувством справедливости, эти существа не подчинялись никому на свете. Даже варны не смогли их подкупить.

Ходили слухи, что у них и тел-то нет, только чистое сознание. Инактиваторы не скупились на средства для достижения цели. А цель у них была всего одна: баланс во вселенной.

Ситуация осложнилась ещё и тем, что Лем вышла из игры практически сразу. Долгое время Чарктон делал всё сам, пока ребята из «Сансары» не доросли до полноценных помощников. Но, разумеется, он не мог рассказать им всё. Чарктон знал, что ни один из них – ни Данила, ни Сергей, ни Карина и ни Оля – не пойдут на риск. Не смогут нарушить инструкцию, в отличие от Яна Монастырского. Именно ради него затевался весь этот цирк с «НОМАДом».

Именно на него возлагались все надежды джати.

В этот же день на телефон Вики пришла смс-ка от Виталия Борисовича:

«Время пришло. Сегодня днём, в "МакСомнальдсе" по адресу Тимирязевская, 8. Оденься красиво».

Девушка помнила о своих обязательствах. А ещё о мире райского наслаждения, куда Виталий Борисович обещал её снова отправить. Ну и о мести, разумеется.

Теперь она знала практически всё об устройстве мультивселенной (в теории: Виталий Борисович заставил её прочитать инструкцию к «НОМАДу») и догадывалась, что в случае оплошности с Яном её наказание может быть очень и очень жестоким.

Самые кошмарные из миров примут её с распростёртыми объятиями с подачи Инактиватора. Вика сказала себе, что будет выполнять любые его просьбы, станет незаменимой помощницей и правой рукой – лишь бы только заработать себе хорошую репутацию. Она даже тешила себя надеждой, что когда-нибудь займёт его место.

⁂

Чарктон закончил свой рассказ. Ещё долго они с ТиТ-5 смотрели друг другу в глаза, пока первый, наконец, не нарушил молчание.

– Ты попытался предупредить меня, – сказал андроид. –

Поэтому и оказался в этой тюрьме, верно?

Чарктон кивнул.

– Скажем так: я добровольно ушёл в изгнание, когда понял, что облажался. Я слишком поздно узнал, через чьё тело действовал Инактиватор, – сказал он. – Твой босс оказался слишком проницательным для обычного человека. Он думал, что Виталий Борисович подсадил тебя на препараты для пущего вдохновения, и попытался отправить тебя подальше…

– Билеты на Гоа, – вспомнил ТиТ-5. РУТ-81 смотрела на него, ничего не понимая, да и сам он, по правде сказать, едва ли верил, что всё это действительно случилось с ним. – Я отказался…

– Ты был упрямым кретином. Поэтому и оказался здесь. – Чарктон улыбнулся, и андроиды заметили, что зубы у джати были треугольными, словно у акул.

– Постойте, а как же я? – спросила РУТ-81. – На меня что, тоже возлагались большие надежды?

Джати молча переглянулись.

– Лин Чжин Хо, верно? – спросила Лем, и мусорщица кивнула.

– К несчастью, ты стала жертвой одного из наших повернутых на идее собратьев, – покачала головой Лем.

– Абра Хо, – проговорила РУТ-81.

– Мы казнили его. – Ни один мускул на лице Лем не дрогнул. – Когда узнали, что он в сговоре с варнами.

ТиТ-5 хотел взять РУТ-81 за руку, но понял, что не может пошевелить пальцами. Его механизированный организм предал его в самый неподходящий момент.

– Ты не была в списке кандидатов, девочка. – В голосе Лем слышалось сожаление. – Ты не должна была стать кочевником, поскольку мы считали ваш мир…

Владычица Лем запнулась.

– Гиблым местом? – мрачно спросила РУТ-81.

– Бесперспективной реальностью, погрязшей в удовольствиях и почти полностью лишенной фантазии, – подсказал Чарктон. – Это фраза из отчёта капитана Мекаба.

РУТ-81 горестно хмыкнула.

– Значит, я здесь по ошибке. Ясно.

– Абра Хо решил вести свою личную войну, – сказала Лем. – Он так увлёкся идеей баланса и дисбаланса, что забыл, на чьей стороне.

– Я думал, что вы, джати, выше всех этих интриг и скандалов, – с едва уловимой издёвкой произнёс ТиТ-5.

– Мы с вами – существа похожие, – отозвался Чарктон. – Только побывав в теле человека, я понял это.

– Но это ничего не меняет, – сказала РУТ-81. – Ни Писатель, ни я не смогли пошатнуть этот ваш баланс. Вы по-прежнему в рабстве у варнов!

По лицу Владычицы Лем пробежала дрожь негодования. На какой-то момент ТиТ-5 испугался, что она велит казнить его напарницу, но, к счастью, этого не произошло.

– Всё верно. Мы не сдвинулись с места, – кивнула Владычица.

– Наши жизни – это пустая жертва, – с надрывом сказала мусорщица. – Нас превратили в андроидов по вашей вине.

– Я глубоко соболезную вашей потере. – Лем коснулась рукой лба – должно быть, здесь этот жест означал сочувствие. – Всё, что я могу сделать для вас сейчас, – это отпустить на корабль. Отпустить домой.

Вот так просто. Мусорщики переглянулись: уже в который раз за последние сутки они были на волоске от смерти, а теперь их просто отпускают домой.

– Вы ничего не должны нам, – сказал Чарктон. – Как и мы вам. Все борются за выживание как умеют.

РУТ-81 покачала головой:

– Без Верзилы и челнока нам не добраться до корабля…

– Это не в наших правилах, но мы вернём вам и ваш челнок, и вашего копателя, – сказала Лем. – В целости и сохранности.

– Есть ещё одна проблема. – ТиТ-5 больше не мог молчать об этом. – Я не чувствую своего тела.

Глава 15. Нулевая станция

– Что значит, не полетит? – РУТ-81 не могла поверить своим ушам.

При всей своей возвышенности джати оказались ушлыми ребятами. За какие-то три часа они разобрали челнок практически на микросхемы. Разумеется, после такого собрать его не представлялось возможным даже под грозным взглядом Владычицы Лем.

Добрую половину запчастей растащили и уже продали из-под прилавка. Можно было бы заменить детали, но тогда андроиды потеряли бы главное, что у них осталось, – время.

ТиТ-5 чувствовал себя всё хуже и хуже. Ему срочно нужен был ремонт и медицинская помощь, а оказать её могли только на корабле варнов.

Как ни крути, нужно было возвращаться домой.

– Ладно, поедем на Верзиле, – сказал ТиТ-5. – Если, конечно, его вы тоже не сломали.

Роботу-копателю повезло больше, нежели челноку. Под страхом оказаться в каталажке механики собрали его за рекордный срок – тридцать минут с учётом поиска растворившихся на рынке деталей.

И вот Верзила снова смотрел на мусорщиков с высоты своего двухметрового роста: огромный, надёжный и быстроходный. Оставался последний штрих – вернуть ему память.

– Активировать карту памяти! – приказал ТиТ-5, установив микропроцессор внутрь цилиндрической коробки, что служила Верзиле головой.

– Синхронизация… – послышался голос из динамиков. – Карта памяти активирована!

РУТ-81 и ТиТ-5 переглянулись.

– Верзила, приём! – сказала мусорщица, смахивая пыль с робота.

– Приветствую вас, мои рабы! – произнёс Верзила своим низким, хорошо поставленным голосом телевизионного диктора.

– Это он, без сомнений, – улыбнулся ТиТ-5. Мимические мышцы всё ещё подчинялись ему. – Собирайся, Верзила. Нам предстоит долгая дорога домой.

По протоколу после каждой новой установки карты памяти полагалось проводить диагностику. Мелкие ошибки системы могли повлиять на психику Верзилы, но у мусорщиков просто не

было времени. Он шутил – а значит, был в порядке.

По крайней мере, им так казалось.

Они поднялись на поверхность планеты до восхода. С шести утра и до обеда варнийский крейсер был в так называемом мёртвом облаке – связаться с ним не представлялось возможным. Единственным способом не изжариться было добраться до ближайшей команды мусорщиков и одолжить их челнок. Но сделать это нужно до полудня – потом андроиды, как правило, уходили на перерыв. Работать на солнцепёке было опасно, не говоря уж о том, чтобы бороздить пустыню под прямыми лучами двух солнц, стоящих в зените.

С учётом того, что команды работали на расстоянии десяти-двадцати километров друг от друга, а робот-копатель был не приспособлен для бега на дальние дистанции, шансы выжить у андроидов были примерно пятьдесят на пятьдесят.

– Пошлём сигнал SOS, как только поднимемся на поверхность. Может, кто-то из команд выдвинется к нам навстречу, – сказала РУТ-81, помогая разместить напарника на широких ручищах Верзилы. Неподвижный, он выглядел таким беззащитным и слабым, что её сердце сжималось от боли. Даже такой неуязвимый, на первый взгляд, мусорщик имел предел своей выносливости. Как маленький рабочий муравей, оказавшийся далеко от своего муравейника в мире, полном опасностей.

– Надеюсь, наши коммуникаторы заработают, – сказал ТиТ-5. – Не хотелось бы окочуриться где-нибудь посредине пустыни.

– Эй! – строго сказала РУТ-81. – Ты не умрёшь, понял?

Андроид кивнул. Ему было страшно. Страшно умирать вот таким вот бесполезным, неподвижным существом. Но взглянув в полные решимости глаза РУТ-81, он понял, что ей ещё тяжелее. Ответственность за их спасение теперь лежала на её плечах.

– Мы ещё посмеёмся над этой историей, – сказал он, улыбнувшись краешком губ. – Когда окажемся на корабле в целости и сохранности.

– Вот этот настрой мне нравится! – заключил Верзила и поднялся на ноги.

РУТ-81 запрыгнула к нему на лопатки ловко, словно опытная наездница. В этот момент краешек солнца Тито показался из-за тёмных барханов. Пора было прощаться с джати.

– Ну, спасибо, что не прикончили нас, – усмехнулся ТиТ-5, глядя на Лем.

– Мы один народ, не забывайте, – сказала Владычица и протянула РУТ-81 своё копьё. – На случай если в пустыне вы

столкнётесь с опасностью.

Мусорщица сжала деревянную рукоятку копья в своей механической руке. С этим допотопным оружием она ещё больше походила на воительницу из сказок постмира.

– Вот наш главный враг, – сказала РУТ-81, указывая на багровое солнце, сонно поднимающееся из-за горизонта. – Но всё равно спасибо.

Лем кивнула. Со скрытой тревогой она смотрела на варнийский крейсер, зависший над планетой, словно гигантская грозовая туча. Ещё секунда – и её лицо озарилось алым светом Тито.

– Поспешите! – сказала Владычица и подняла руку в знак прощания. Этот жест как эхо повторили и другие джати, вышедшие на поверхность. Потомки великих капитанов.

Спустя несколько минут горбатая спина Верзилы скрылась за барханами.

Солнце взошло. Устав сидеть на неудобной спине робота-копателя, РУТ-81 спрыгнула и пошла рядом. Утром в пустыне было прохладно и свежо; она обожала работать в это время, наблюдать за движением солнц в небе и за тем, как меняются очертания теней.

Но сегодня её ждали вовсе не раскопки, а марш-бросок по этой самой пустыне. И нужно было успеть добраться до пункта назначения, пока тени не исчезли, иначе завтра может не наступить для них, заблудившихся андроидов.

Барханы были нетронутыми, словно озёрная гладь. Кое-где из земли торчали обломки летательных аппаратов или фрагменты построек прошлой эпохи. За тысячи лет их основательно замело песком, сточило ветрами и выжгло солнцами, но даже в этом состоянии они могли сказать многое о величии прежней цивилизации.

– Как думаешь, как они погибли? – спросила она у своего напарника. Тишина, даже десятиминутная, невероятно угнетала её.

– Не знаю. От какой-нибудь болезни, – предположил ТиТ-5. – Чумы, например.

Немного помолчав, РУТ-81 спросила:

– Скажи, Писатель, если бы ты мог выбирать, где родиться, какой мир ты выбрал бы?

ТиТ-5 вздохнул. Будь его тело исправно, он задумчиво почесал бы нос – привычка, оставшаяся ещё с прошлой жизни.

– Точно не этот. Тут ты либо варн, либо живёшь под землёй. Ни то, ни другое мне не подходит.

Немного подумав, он продолжил:

– Твой мир тоже не вариант. Втыкать что-то в свой живот, опасаясь заражения, брр…

РУТ-81 усмехнулась:

– Мы не знали, что может быть иначе.

– Моё мнение: тебе нужно было родиться роботом. – Верзила тоже решил высказаться. – Тогда сейчас я не тащил бы тебя на своём горбу.

ТиТ-5 улыбнулся, всё-таки Верзила умел поднять настроение.

– А если серьёзно, мне все равно, какой мир. Правда, – сказал андроид, наблюдая за тем, как осыпается песок с лопастей копателя. – Где угодно можно быть как несчастным, так и счастливым.

РУТ-81 шла рядом, задумчиво глядя вперёд, а её ноги то и дело застревали в песке.

– Всё, чего мне хотелось бы в будущей жизни, это родиться в мире, где есть ты, – сказал ТиТ-5 и сам удивился тому, как легко и непринуждённо с его языка слетели эти слова.

– Я бы хотел прикоснуться к тебе, будучи человеком… ну или ящерицей какой-нибудь, – продолжал андроид. РУТ-81 рассмеялась, услышав про ящерицу.

– А сейчас я так близко к тебе, но, увы, не могу пошевелить даже пальцем. И ничего не чувствую. – В голосе ТиТ-5 сквозила неподдельная тоска.

РУТ-81 подняла голову и посмотрела на него. Она давно забыла тепло человеческого тела, забыла, как бегут мурашки и как сладко замирает сердце. Но ещё хуже было то, что в теле андроида она не могла даже заплакать. За восемь лет рабства стальная оболочка почти высушила её сердце.

– Я бы тоже хотела этого, Ян, – сказала девушка. – Воплотиться в одном мире с тобой.

К счастью, на этот раз Верзиле хватило ума и такта воздержаться от колких комментариев.

Прошло два часа их пути. Первое солнце неумолимо приближалось к зениту, тогда как второе только-только взошло из-за горизонта. Корпус Верзилы начал раскаляться, и ТиТ-5 впервые обрадовался тому, что ничего не чувствует.

– Ещё немного, и я превращусь в яичницу, – сказал он. РУТ-81 ответила не сразу: она тяжело дышала и шагала, опираясь на копьё, точно на посох. Нужно было сделать привал, вот только где? Красная пустыня без конца и края простиралась на многие километры вокруг.

– Сколько мы без энергопунша? – спросил ТиТ-5. Полуорганические андроиды должны были принимать белково-углеводную смесь для питания мозга хотя бы раз в сорок восемь

часов.

– Слишком долго, – отозвалась напарница. – Всё, не могу больше.

Она обессиленно упала на колени, и песчинки взметнулись в раскалённый воздух.

– Забирайся, – сказал Верзила, останавливаясь. – Папочка всех унесёт.

Похоже, другого выбора не было. Морщась от боли, РУТ-81 взгромоздилась на его раскалённую спину.

– Папочке не помешает принять освежающий душ, – произнесла она. Через пятнадцать минут андроиды, убаюканные равномерными шагами Верзилы, впали в сладкую полуденную дрёму.

Робот не знал усталости. Он продолжал шагать по барханам, чётко следуя заданному курсу. Ему не было дела до обломков звёздных кораблей, торчащих из земли, и других памятников истории этого переходящего из рук в руки мира. Он шёл и шёл, олицетворяя этакий вечный двигатель, маятник, что никогда не остановится.

Но вдруг что-то пошло не так. Сложно сказать, в чём же было дело: в переустановке карты памяти, в жаре, в расположении светил? Верзила вдруг остановился, подумал немного, а затем, развернувшись на девяносто градусов, дал ходу.

Первой проснулась РУТ-81.

– Верзила, доложи, где мы! – потребовала она, озираясь по сторонам.

Пустыня наполнилась светом. Раскалённый воздух на горизонте дрожал от испаряющейся влаги, а миллиарды песчинок отражали свет Тито и Димитри, словно микроскопические зеркала.

– Верзила?

Копатель развил большую скорость. Он шёл на пределе своих возможностей, вот только совершенно не туда, куда нужно. К сожалению, РУТ-81 поняла это слишком поздно. Сверившись с координатами, она, к своему величайшему ужасу, констатировала, что они удалились от ближайшей команды аж на целых пятьдесят километров!

– ТиТ-5, проснись! – крикнула она.

Андроид мигом открыл глаза.

– Что? Что случилось?

– Верзила сошёл с ума!

В следующие десять минут РУТ-81 пыталась достучаться до Верзилы всеми возможными способами. Она кричала, била и пинала его ногами, но программа копателя бесповоротно сбилась.

– Что же нам делать? – в отчаянии произнесла мусорщица. Они оба продолжали ехать верхом на своём губителе, с каждой секундой удаляясь всё дальше и дальше от других команд и корабля.

– Придётся прыгать. – ТиТ-5 принял единственно верное решение. – Что-то мне подсказывает, что он будет идти, пока блок питания не выйдет из строя.

РУТ-81 взглянула под ноги. Верзила двигался очень быстро, и прыжок или падение с высоты его роста могли обернуться травмами. Но решать надо было сейчас.

Впрочем, был ещё один вариант.

– Прости, приятель, – горестно сказала она. – Но ты нас подвёл.

Вцепившись изо всех сил в шею копателя, РУТ-81 прицелилась и со всей силы всадила копьё в пространство между корпусом и головой.

Верзила пошатнулся. Заскрежетал зубами и раскинул лопасти в разные стороны, чтобы сохранить равновесие. Чисто теоретически он мог бы сбросить неподвижного андроида на землю и попытаться вытащить копьё, застрявшее глубоко в корпусе. Но то ли просто не додумался, то ли нормы морали не позволили ему причинить вред мусорщикам (после того, как он уволок их обоих совершенно не туда).

Покачавшись немного из стороны в сторону, робот-копатель продолжил свой путь с копьём в шее. Воспользовавшись его заминкой, РУТ-81 спрыгнула на землю. Затем стащила ТиТ-5, который рухнул на песок, словно куча металлолома.

– Ты как? – первым делом спросила она.

– Нормально. Наверное, – отозвался ТиТ-5. – Мне кажется, более серьёзной травмы я уже не получу.

Андроиды проводили уходящего Верзилу взглядом. Копьё повредило его не больше зубочистки, а они теперь остались без последнего оружия. Двое мусорщиков посреди бескрайней пустыни. Без еды, воды и малейшего укрытия от палящих светил. Хуже ситуацию было трудно себе представить.

– За что нам всё это?! – в сердцах крикнула РУТ-81, пиная злосчастный песок.

– Коммуникатор, Лин, – напомнил ТиТ-5. – Пошлём сигнал бедствия. Всем, кто может его услышать.

Ситуация ухудшалась с каждой минутой. Крейсер ещё не вышел из «мёртвого облака», а мусорщики уже начали уходить на перерыв.

– Есть! – Радостный крик РУТ-81 возвестил о первой удаче. – ДЭрМ-11 и КиПП-3 поблизости. Я вижу их маячок на карте!

– Это замечательно, – тихо сказал ТиТ-5, с трудом оставаясь в сознании от этой жары. – Осталось только связаться с ними.

– Да что ж такое! – Радость РУТ-81 сменилась негодованием. – Откуда взялись эти помехи?

Напарник огляделся по сторонам в поисках причины. Что-то должно было глушить связь, что-то… вот оно! В нескольких километрах от них высились горные хребты. Ну надо же было Верзиле завезти их именно сюда! Поистине фатальное невезение.

– Я пойду к ним. – РУТ-81 проследила за направлением его взгляда. – Я преодолею хребты и свяжусь с командой ДЭрМа. А потом вернусь за тобой.

– Не нужно, – тихо отозвался напарник. – Мне не продержаться столько. А ты только потеряешь время на обратный путь.

– Я больше не желаю слышать от тебя подобное. – РУТ-81 грозно сверкнула глазами, и в этот миг ТиТ-5 явственно увидел в ней Лин, ту самую Лин, которая не побоялась выпрыгнуть из окна небоскрёба.

– Мы вернёмся домой вместе, – сказала она. – Или не вернёмся вообще.

ТиТ-5 хотел сказать что-то ещё, РУТ-81 шикнула на него.

Они расстались в полном молчании. Спустя три минуты андроид остался лежать на песке, глядя, как его напарница растворяется в дребезжащем мареве. Совершенно один, парализованный и беспомощный…

– По крайней мере, я всё ещё могу говорить. И мыслить.

ТиТ-5 скосил глаза на голубое небо, в котором висел здоровенный диск – межгалактический крейсер варнов. Казалось, что до него можно рукой подать.

– Так, значит, триста лет назад ты прилетел сюда из другой Солнечной системы, приятель, – сказал Писатель кораблю. – Как бы я хотел увидеть твой мир наяву.

Вскоре солнце ослепило его, и андроид закрыл глаза. Всё… Из мира исчезли все звуки, кроме его хриплого дыхания. Писатель представил, как лежит на траве в деревне из его детства, куда родители привозили его на летние каникулы. Лежа на спине, можно было рассматривать облака, приставив руки к глазам наподобие бинокля. А если перевернуться и лечь на живот, можно представить, что ты обнимаешь целую планету.

От этих воспоминаний становилось тепло и совсем не хотелось возвращаться на Алиот, где ты всего лишь беспомощный одинокий андроид. Железяка с мозгами каких-то там древних воителей. От того счастливого ребёнка на траве осталась лишь маленькая частичка. Но и она совсем скоро должна была

исчезнуть.

⁂

РУТ-81 бежала на пределе своих возможностей. Сейчас она снова чувствовала себя крошкой Харпер, чьи стопы лизал огонь центра земли. Неукротимая максима на хлипком мостике над бездной… Но тогда всё происходящее было в иной реальности, и Лин ни за кого не несла ответственности.

А сейчас где-то там, посреди пустыни, её ждал умирающий друг. Да что там, гораздо больше чем друг! И она не могла не вернуться или, ещё хуже – вернуться ни с чем.

– ДЭрМ-11, приём! КиПП-3, приём! Пожалуйста, ребята, ответьте! – повторяла она в коммуникатор. Но из-за близости гор связь была чёртовски плохой.

И всё же кое-кто услышал её призыв.

Генерал Ивар был на капитанском мостике, когда приборы запеленговали координаты потерявшихся («сбежавших», как их называл подполковник Ларс) мусорщиков.

– Возле Инкдук-кратеров? Как же вас занесло туда? – сказал варн на своём языке.

Ивар неторопливо поправил тюрбан на голове, несколько раз чихнул, подобрал полы халата и удобно устроился в капитанском кресле. Десятилетия службы научили его заботиться в первую очередь о своём комфорте.

– Командир Магнус, – наконец произнёс он, вызывая на связь своего подчиненного. – Хочу отправить вас в небольшое путешествие на поверхность. Это срочно.

Варны были неторопливы по своей природе. Генерал Ивар слыл одним из самых неспешных генералов последнего столетия, а командира Магнуса единогласно выбрали бы самым медлительным командиром, если бы варны вдруг решили устроить соревнование на скорость.

Звонок генерала застал Магнуса за приёмом пищи – самым размеренным занятием из всех. Именно поэтому с момента отданного приказа и до момента, когда перепончатая лапа Магнуса ступила на поверхность Алиота, прошло целых три часа.

За это время два солнца миновали зенит и медленно поползли дальше, чтобы озарить своим светом другую половину планеты.

Ещё раз сверившись с данными радара, Магнус завёл двигатель своего антигравитрона и направился выручать заблудившихся мусорщиков. Ему нечасто приходилось бывать на

поверхности, да и не особо хотелось: всё же предки варнов были хладнокровными существами и совершенно не переносили жару. Однако командир Магнус не мог не воспользоваться случаем и не сделать маленький крюк по самым живописным местам Алиота.

Ещё час он потратил на то, чтобы полюбоваться кратерами, что остались после метеоритного дождя двухсотлетней давности. Затем – насладился видом опасных зыбучих песков и сделал эскиз Большого Восточного каньона.

– Командир Магнус, у вас всё в порядке? – Звонок Ивара застал его врасплох. – Почему вы до сих пор не на месте?

– Прошу прощения, генерал, уже еду. – Магнус убрал эскиз в бардачок антигравитрона. Судя по данным с радара, его цель была за ближайшими горными хребтами.

⁂

ТиТ-5 потерял счёт времени. Иногда ему казалось, что солнце уже село и по планете вновь шагает холод. Но потом он открывал глаза и вновь видел раскалённую пустыню. Он не должен был отправлять Лин туда, одну и совершенно безоружную. Должен был отпустить.

Так думал Писатель, задним умом понимая: единственное, что всё ещё держит его на этой земле, это вера в то, что рано или поздно она придёт за ним. Вернётся и спасёт.

Он больше не чувствовал жары. Верхний слой биополимерной кожи андроида сгорел вместе с терморецепторами. Правый глаз, тот, что был ближе к солнцу, практически не видел, а сознание было ригидным и заторможенным. ТиТ-5 умирал в забытьи, почти сгоревший заживо, но всё ещё продолжающий ждать свою напарницу.

И она появилась. Фигура РУТ-81 возникла на горизонте: вначале маленькая, словно муравей, а затем всё больше и больше.

– ТиТ-5! – крикнула она, подойдя ближе. – Ян!

«Она что, не видит меня?!» – с удивлением подумал андроид. Он не знал, что за три часа его основательно занесло песком.

– Сюда! – прохрипел он, собрав остаток сил. – Сюда…кхм… Лин!

Вид РУТ-81 был ужасен. Её кожа обуглилась так, что местами были видны углеродные трубки мышечных волокон. На голове у мусорщицы появился тюрбан из какой-то ткани, а ещё – и это было настоящим спасением! – она тащила за собой фрагмент обшивки корабля.

– Боже мой, что с тобой стало?! – РУТ-81 упала на колени

перед своим напарником.

– Ты вернулась, – произнёс ТиТ-5. Как же ему хотелось обнять и расцеловать её!

– Я же говорила, что вернусь. – РУТ-81 нежно сметала песок с его оголённого черепа. – Давай-ка я перетащу тебя сюда.

Спустя несколько минут андроид оказался лежащим на куске обшивки. Теперь РУТ-81 могла тащить его на тросе куда угодно.

– Там, возле хребтов, – запыхавшись, сказала она, махнув рукой вдаль. – Целое кладбище сбитых челноков и кораблей варнов.

– Команда ДЭрМа… они прилетят за нами? – спросил ТиТ-5, уже не рассчитывая услышать хоть что-то о спасении. Его напарница была рядом, и это было главным.

Вопреки ожиданиям, РУТ-81 счастливо закивала.

– Да. Они уже в пути.

– Дождёмся их здесь? – спросил ТиТ-5, но девушка уже ухватилась за трос. Сколько же сил было в этой маленькой мусорщице?

– Нет, пойдём навстречу. – РУТ-81 ещё раз сверилась с навигатором и направилась в сторону, противоположную от хребтов.

В юности писатель Ян Монастырский много размышлял о том, как поступки влияют на судьбу. Ему всегда казалось, что глобальные решения должны быть взвешенными, но на самом деле судьба (если, конечно, это понятие вообще существует) складывалась, скорее, из мелких неприметных деталей. Крохотные решения, которые мы принимаем каждый день, порой ведут к гораздо более значимым переменам, нежели результат большого выбора.

Лин и Ян могли бы спастись, если бы остались на месте. Ждать медлительного командира Магнуса оставалось не так уж и долго. Но выбор Лин идти навстречу ДЭрМу-11 и КиППу-3 оказался фатальным.

Уже через двести метров девушка поняла, что увязла в зыбучих песках.

– Нет, нет, пожалуйста, только не это! – в ужасе закричала она. Но песок уже поглотил щиколотки. Медленно, миллиметр за миллиметром, оба мусорщика проваливались в пучину, из которой не было спасения.

– В чём дело?! – крикнул ТиТ-5. К этому моменту он уже потерял зрение и мог ориентироваться только на звуки вокруг.

– Зыбучие пески, Ян! – Голос РУТ-81 сорвался. – Я завела нас в зыбучие пески!

Девушка сопротивлялась и от этого проваливалась только

сильнее.

Неожиданно для самого себя ТиТ-5 рассмеялся. Его тоже начало затягивать под землю, но, в отличие от напарницы, он не боролся.

– Не имеет смысла, – произнёс он. – Всё это… не имеет смысла.

– Я не готова сдаваться, понимаешь?! – В голосе Лин было отчаяние зверя, которого поймали-таки живодёры.

– Лин, моя дорогая Лин! Послушай меня. – Одна половина тела андроида уже провалилась. – Мы умрём. Но, может быть, и в этом заключается смысл?

– Что такое ты говоришь?!

– Вспомни то, о чём говорили джати: баланс. Этот мир стремится восстановить баланс, избавившись от нас. – Именно сейчас Писатель твёрдо знал, о чём говорит. Возможно, впервые за всю свою жизнь.

– Мы умрём здесь. Но возродимся где-нибудь в другом мире, тысячу столетий спустя, понимаешь? – продолжал он.

Лин зарыдала. Без слёз, потому что у андроидов их просто не было.

– Но я не хочу умирать сейчас, когда всё наконец стало так хорошо!

– Хорошо? – Ян рассмеялся. – Мы с тобой оба живые трупы!

– Я влюбилась, – выпалила Лин. – Влюбилась впервые в жизни!

Теперь настала очередь Яна краснеть. Но он не мог, ведь кожи, даже биополимерной, у него больше не было.

– Я найду тебя. Где бы я ни возродился, – крикнул он, исчезая в песке с головой. – Слышишь?! Я тебя…

Вслед за ним в океане из красных песчинок исчезла и РУТ-81.

А через мгновение на горизонте появился антигравитрон командира Магнуса.

⁂

Яркий свет был виден даже сквозь опущенные веки.

– Подождите. Не спешите открывать глаза. – Приятный голос раздался совсем рядом. Вот только Лин не могла понять: мужской он или женский.

– Где я? – спросила она.

– На Нулевой станции. Как обычно.

Нулевая станция. Ну конечно…

– Чувствуете, как возвращаются воспоминания? –

поинтересовался голос.

Лин помедлила ещё пару секунд. Она всегда любила этот момент блаженного неведения, когда ты болтаешься между небом и землёй… Кто-то ненавидит его, а она любила.

Ну всё, хватит. Пора возвращаться.

Лин Чжин Хо открыла глаза, и воспоминания о Нулевой станции ворвались в её сознание, словно бурный горный ручей.

– Здравствуйте, Ричард, – поздоровалась Лин. Сейчас, когда она всё помнила, незримый собеседник обрёл тело. Личность. Внешность.

– С возвращением! Ещё одна миссия пройдена! – Ричард с удовольствием пожал ей руку.

Невысокий темнокожий мужчина в светлом костюме и шляпе работал на Нулевой станции бог знает сколько. Возможно, он и был этим самым Богом; впрочем, Лин не любила все эти споры о религии.

– Как я справилась? Если вкратце? – поинтересовалась девушка. Сейчас она снова приняла вид человека и внешность, данную ей при рождении. Лин Чжин Хо из пробирки, та самая.

– Комиссия прямо сейчас просматривает ваши воспоминания, – сказал Ричард, провожая Лин в терминал А. – Ну а если вкратце – блестяще.

Чжин Хо улыбнулась. В этот раз смерть была ужасной, только подумать: утонуть в зыбучих песках! Это было даже хуже, чем разгерметизация шлюзов в открытом космосе.

Но странное, будоражащее послевкусие последних минут её жизни вызывало на лице Лин улыбку.

– Там было что-то приятное, – мечтательно произнесла она, едва успевая за быстрыми шагами Ричарда. – Словно… я не знаю…

– Любовь, – подсказал тот. – Вы поняли, что влюблены.

Воспоминания о Яне обрушились словно ушат на голову. Ну конечно! Ян Монастырский из какого-то там мира. Как же жаль, что на Нулевой станции инкарнациям нельзя контактировать.

– Ричард, – осторожно начала Лин. – Если я справилась, как вы сказали, блестяще, может быть… ну… сделаете для меня исключение?

Ричард строго погрозил ей пальцем.

– Правила есть правила, Лин, – пожал плечами мужчина. – Запрещено. Табу.

И тем не менее Чжин Хо не могла не заметить мимолётную улыбку, что заблудилась в его усах. Или ей просто показалось?

Терминал А был похож на огромный зал прилёта, какие бывают в аэропортах. Впрочем, так оно и было. Именно в

терминал А прибывали все только что закрывшие миссию души. Другими словами – после смерти в одном из миров. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то предпочитал спокойно выпить кофе, а кто-то сразу же бежал на следующую миссию.

Лин только что завершила свою сто восьмую жизнь. Сто восемь раз она попадала на Нулевую станцию и каждый раз забывала о ней, начиная жизнь заново. Таковы были правила, и не было ни одного человека во вселенной, кто нарушил бы их.

Лин осторожно постучала в дверь.

– Кхм… можно войти? – спросила она, просовывая голову внутрь.

За длинным столом сидели председатели комиссии, а на большом экране шли кадры её последней жизни: сумбурное детство, юность, работа на Сэджика, знакомство с Хвоном. Лин помнила это, словно всё случилось вчера.

– С каждым разом всё лучше и лучше, Чжин Хо, – произнесла председатель комиссии, леди Хана Тау. – На этот раз ты реализовала свой потенциал на восемьдесят два процента.

«Всего?» – подумала Лин, но очевидно, что Хана была довольна ею.

– Присаживайся, мы приступим к разбору…

К концу этого часа голова Лин гудела от информации. Председатели высоко оценили её целеустремлённость, способность дружить и быть верной своему делу. Но вот привязанность к флуоксетангу была, как и ожидала Лин, воспринята крайне негативно. Леди Хана считала, что зависимость, не важно, какая – от человека или от препаратов – лишает инкарнацию воли.

– Ты проведёшь работу над ошибками в следующем мире, – сказал господин Сейтан Джи Сол. – Так… посмотрим… куда же нам отправить тебя?

Он листал каталог и задумчиво теребил окладистую бороду. Лин сидела тише воды ниже травы: именно в этом момент решалось, где и с кем она проведёт следующие несколько десятков, а то и сотен лет.

– Вы позволите? – Ричард поднял руку. – Мне кажется, Лин подойдёт мир Ter554-Zip.

Председатели комиссии переглянулись. Разумеется, они помнили все обитаемые миры наизусть. В отличие от девушки, чья судьба решалась в этот момент.

– Она заслужила хотя бы одну спокойную жизнь, – произнёс Ричард, улыбаясь себе в усы.

«Вот спасибо!» – подумала Лин, мысленно обнимая его.

– Что ж… почему бы и нет! – Сейтан Джи Сол встретился

взглядом с леди Ханой Тау.

– Решение принято, – кивнула она. – Мир людей Ter554-Zip.

«Мир… людей!» – облегчённо подумала Лин. Меньше всего ей снова хотелось становиться какой-нибудь супероми или энигмой.

Щёлкнул приёмник для входящих миссий, и в руки Чжин Хо упал светящийся шар с порядковым номером будущей реальности. Он был жёлтого цвета, по свету спектра. Люди редко обитали в красных мирах, слишком уж хрупкими они были.

– Терминал Б ждёт! – Ричард протянул Лин руку.

Терминал Б, или зал отлётов.

– Лин. – Хана привстала из-за стола, провожая девушку. – До новой встречи!

– До новой встречи, леди Хана.

Лин и Ричард шли по длинному коридору, соединяющему терминалы. Ну вот и всё, оставались её последние минуты на Нулевой станции.

Неожиданно Ричард остановился возле зала ожидания. Там обычно сидели те, чья вспоминательная комиссия по тем или иным причинам затянулась.

– Полагаю, ты найдёшь выход без моей помощи, Лин, – сказал он, улыбаясь одними глазами.

– Но… вы же должны довести меня до терминала. – Лин недоумевала.

– Правила, правила, правила. – Ричард картинно закатил глаза, словно смертельно устал от всего этого. – За сто с лишним лет ты так и не научилась нарушать их?

Не дождавшись ответа, он подмигнул девушке и исчез. Вот так взял и исчез, как умел только он один.

Лин осталась стоять одна в пустынном коридоре. Впрочем, она уже поняла, *что* сделал для неё Ричард. И знала, *кто* ждёт её в зале ожидания.

– Ян?

Молодой человек стоял к ней спиной. Невысокий, немного сутулый, с тёмными вьющимися волосами, заправленными за уши. Ну конечно, не андроида же она ожидала увидеть.

– Лин! – Счастливая улыбка Яна говорила сама за себя: он был безумно рад её видеть.

В следующую секунду произошло то, чего оба ждали целую вечность: они наконец прикоснулись друг к другу.

– Ты знаешь, что нам запрещено видеться? – спросила Лин, буквально задыхаясь от его близости и тепла.

– Никаких запретов больше. – Ян покрывал её поцелуями. – Хватит с меня. Я слишком долго этого ждал.

– Значит, это ты подстроил? – Лин жадно отвечала на его

поцелуи.

– Буду отрабатывать двести лет рабства у Ричарда, – улыбнулся Ян, и Лин рассмеялась.

В эту секунду их сферы завибрировали: время на Нулевой станции подходило к концу.

– Как же жаль, – наконец-то Чжин Хо могла дать волю слезам. – Пора расставаться.

– Ненадолго, – произнёс Ян, протягивая ей свою сферу. – Взгляни на наши номера. Они идентичны.

Всё было именно так. Это не могло быть случайностью: кто-то великий, не иначе, услышал их молитвы и решил поселить инкарнации в один и тот же мир. Хотя бы на одну жизнь.

– Значит, мы скоро увидимся, – прошептала Лин, гладя его по волосам.

– Скоро. Только вначале нужно родиться. Вырасти. Сходить в школу. – Пора было расставаться, но Ян продолжал нежно целовать её пальцы. – А потом, обещаю, я женюсь на тебе!

– Если не найдёшь другую, – улыбнулась Лин.

– Смеёшься? С тобой я огонь и воду прошёл. – Ян крепко обнял девушку напоследок. – Хочу запомнить, как ты пахнешь. А то вдруг опять будем роботами…

– Мы будем людьми. Мы заслужили.

⁂

Земля-4. Московский родильный дом, 2020 год

Плач новорождённого младенца разрезал тишину палаты. Акушерка, что помогла ему родиться на свет, положила малыша маме на грудь.

– Ваш мальчик, поздравляю!

Долгожданный, любимый, давшийся нечеловеческими усилиями – он наконец-то был рядом с ней.

Через две минуты в соседней палате родилась девочка. Она закричала не сразу, но когда это наконец произошло, крик был громким и жизнеутверждающим.

Ян и Лин больше не помнили Нулевую станцию. Они не помнили ничего о своих прошлых жизнях и, к сожалению, друг о друге тоже. Первые несколько лет отголоски из прошлых миров будут приходить к ним во снах и видениях, но вскоре и они забудутся.

За окнами родильного дома номер четыре шёл снег. Редкие снежинки кружили в сером небе, на несколько мгновений замирая напротив окон, словно хотели посмотреть на новых

жителей этого мира.

– Они ещё встретятся, как вы считаете? – Господин Сейтан Джи Сол стащил с лица медицинскую маску и закурил.

– Кто знает. – Леди Хана Тау пожала плечами. – Нам не понять человеческие миры: слишком уж запутанные.

– По крайней мере, мы сделали всё возможное, – ответил Джи Сол. – Что будет дальше – решать им. Хотите кофе, председатель Тау? Говорят, в этом мире он отменный.

Через пять минут они ушли, оставив на креслах помятые белые халаты.

notes

1

Nomad – «кочевник» (англ.).

2

Уильям Шекспир, «Ричард III».